

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 8.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ канонахъ на Пятидесятницу. * * *	431—448
Христіанская религія, мать и дѣти. <i>Священ. П. Фолкина</i>	449—471
Ассиро-вавилонскіе памятники и Ветхій Заветъ. <i>П. Ф. Н.</i>	472—494

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Къ вопросу объ отношеніи русскаго человѣка къ философіи по мнѣнію И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевскаго. <i>И. В. Никольскаго</i>	253—259
Эволюціонизмъ и мораль. Гастона Фроммеля. (Переводъ съ французскаго). <i>В. Д-ва</i>	260—280

III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Правила о производствѣ благовѣста въ разное время года и къ разнымъ службамъ церковнымъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1903—1904 учебный годъ. II. Христосъ Воскресе.—Воскресеніе Христова (стихотвореніе). *Ф. Благова*.—О желательныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ современнаго строя церковно-приходской жизни. *Л.*—Желательно-ли восстановленіе права прихожанъ выбирать себѣ священника? *П. Левитова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и по время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящихся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественца. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Апрѣля 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

ОПЫТЪ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ТЕКСТА ВЪ КАНОНАХЪ НА ПЯТИДЕСЯТНИЦУ *).

На утреннемъ Богослуженіи въ праздникъ Пятидесятницы въ Православной Церкви положено пѣть два канона: одинъ изъ нихъ принадлежитъ перу св. Космы Маюмскаго, а другой—Іоанна Дамаскина.

Канонъ св. Космы написанъ погречески языкомъ прозаическимъ и состоитъ изъ 21 пѣснопѣнія (8 ирмосовъ и 13 тропарей), которые составляютъ слѣдующій акростихъ:

Πεντηχοστήν ἐωρτάζωμεν (т. е. Пятидесятницу да празднуемъ).

Канонъ св. Іоанна Дамаскина написанъ погречески шестистопными ямбическими стихами, заключающими въ себя слѣдующій акростихъ:

Θεογενές Λόγε, Πνεῦμα Παράκλητον πάλιν ἄλλον
Ἐκ Γενέτη κόλπων ἦκας Ἐπιθρονίσις,
Οἶά πορὸς γλώσσησι φέρον Θεότητος ἀύλα
Σῆμα τεῆς φύτης, καὶ χάριν ὑμνοπόλοις

(т. е. Богорожденное Слово, Ты опять послало людямъ изъ нѣдръ Родителя иного утѣшителя Духа, приносящаго въ огненныхъ языкахъ какъ знакъ твоего невещественнаго Божескаго естества, какъ и благодать пѣснопѣвцамъ).

Въ своемъ канонѣ св. Косма останавливаетъ вниманіе преимущественно на священныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ пятидесятый день по воскресеніи Христовомъ. „Воспѣвая сошествіе Св. Духа какъ Утѣшительное исполненіе обѣтованія Іисуса Христа и древнихъ пророчествъ о ниспосланіи небесной благодати на всякую плоть, онъ разительными чертами

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 2.

изображаетъ существо Св. Духа, третьяго Лица Божественнаго, равнаго первымъ двумъ, но исходящаго отъ Отца и посылаемаго Сыномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ кратко, но живо и сильно, трогательныя обстоятельства событія, въ которыхъ Богъ-Духъ Святой въ первый разъ торжественно открылся міру, и которыя описаны Евангелистомъ Лукою въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ“.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ канонѣ изображаетъ важность и благодѣтельность великаго событія Пятидесятницы: „Нисшествіе Св. Духа на апостоловъ онъ представляетъ какъ дѣйствіе всѣхъ божескихъ лицъ Св. Троицы, вступающей нынѣ торжественно въ новый духовный завѣтъ съ искупленнымъ родомъ человѣческимъ, какъ умиленное изліяніе на возрожденное человѣчество благодати Трїедиаго Божества, запечатлѣвающаго нынѣ рядъ вѣковыхъ дѣйствій своихъ ко спасенію людей, и какъ начало новыхъ безчисленныхъ благодѣній Божественнаго Утѣшителя, которыхъ удостоиваются всѣ вѣрующіе, достойно почитающіе небснаго благодѣтеля. Такимъ образомъ канонъ св. Дамаскина есть высокій гимнъ сугубаго празднества христіанской Пятидесятницы, въ честь вообще Св. Троицы, и особенно въ честь Св. Духа, сошедшаго на апостоловъ“ (Ловягинъ. Богослуж. каноны, стр. 71—72).

КАНОНЫ НА ПЯТИДЕСЯТНИЦУ.

П Ѣ С Н Ъ 1-Я.

Церковный текстъ.

Исправленный текстъ.

(по изд. Московской Синод. тип.
1893 г.).

ИРМОСЬ. Понтомъ покры
фараона съ колесницами со-
крушай брани *) мышцею вы-
сокою, поимъ ему яко просла-
вися.

Моремъ покры Фараона съ
колесницами Сокрушай враги
мышцею высокою: воспоимъ
Ему, яко прославися.

*) Брани—*πολέρους*—читаемъ, какъ и Ловягинъ, *πολεμίους*—*враги*.

Дѣломъ *), якоже древле
ученикомъ обѣщаль еси, утѣ-
шителя духа пославый христе,
возсіалъ еси міру свѣтъ чело-
вѣколюбче.

Человѣколюбче Христе! Ты
возсіалъ еси свѣтомъ мірови,
пославъ неложно Утѣшителя-
Духа, якоже прежде обѣщаль
еси ученикомъ. (І. 15 26).

*) Дѣломъ—*ἔργω*—дат. образа дѣйствія—букв. на самомъ дѣлѣ, дѣйстви-
тельно, у насъ—*неложно*.

Закономъ древле проповѣ-
данное и пророки, исполнися:
божественнаго бо духа днесъ
всѣмъ вѣрнымъ благодать из-
ліяся.

Предреченное древле зако-
номъ и пророки исполнися:
ибо днесъ всѣмъ вѣрнымъ из-
ліяся благодать Божественнаго
Духа. (Іоиль 2, 28).

ИНЪ ИРМОСЬ. Божест-
веннымъ покровень медлено-
язычный мракомъ, извитійство-
ва богописанный законъ: тину
бо отрясь очесе умнаго, видитъ
сущаго, и научается духа
разуму *), хваля божествен-
ными пѣснями.

Медленноязычный (Моисей),
покровенный Божественнымъ
мракомъ, возвѣстилъ естъ Бого-
писанный законъ: ибо, отрясь
тину отъ очесъ ума, видитъ
Сущаго и научается разумѣти
Духа, хваля Его боговдохно-
венными пѣснями. (Исх. 20, 21).

*) Разуму—*γνώσειν*—существит. отглагольное переводимъ неопр. накл.—
разумѣти.

Рекоша чистая и честная *)
уста: разлученія вамъ не бу-
детъ, о друзи! азъ бо на от-

Достославная и священная
уста рѣкоша: о друзи! разлу-
ченія (Моего) съ вами не бу-

чемъ вышнемъ престолѣ сѣдя, излію духа, возсіяти желающимъ благодать независтную.

детъ! ибо Азъ, сѣдя со Отцемъ на всевышнемъ престолѣ, имамъ изливати обильную благодать Духа желающимъ просвѣтитися. (Дѣян. 1, 4. Іоан. 14, 18).

*) Чистая и честная уста по греч. τὸ σεπτὸν καὶ σεβασμιὸν ὄρα. Σεπτὸς = σεμνὸς значитъ почтенный, досточтимый, достословный и т. п. Σεβασμιὸς новозав. слово, какъ и σεβασμᾶ—святыня, отъ глагола σεβῶ (корень сеβ, лат. severus, русск. святой) значитъ *священный*.

Предѣлъ прешедшее истиннѣйшее слово, тихообразно *) совершаетъ сердце: дѣло бо скончавъ, возвесели други, дыханіемъ нужнымъ **) и огненными языки, подавъ Духа Христосъ, якоже общася.

Предѣлъ (земнаго житія) прешедъ, Христосъ, истиннѣйшее Слово, содѣлываетъ сердце (учениковъ) спокойнымъ: ибо, совершивъ (Свое) дѣло, Онъ возвесели возлюбленныхъ, даровавъ имъ Духа, якоже общася, въ дыханіи бурномъ и огненнымъ языкѣхъ. (І. 17, 4. Д. 1, 13, 2, 3).

*) Тихообразно γαλήνιμορφον—не нарѣчіе и не винит. пад. нарѣчный (или содержания), а опредѣленіе—прилагательное (γαλήνιμορφος—ον 2 ок.) къ καρδίαν.

**) Дыханіемъ *нужнымъ*. βίατα; βίαιος (отъ βία—сила, насиліе) значитъ насильственный, наглый, сильный; мы перевели—*бурный*.

ПѢСНЬ 3-Я.

ИРМОСТЬ. Съ высоты силою, ученикомъ Христе, дондеже облечетесь, рекль еси, сѣдите во іерусалимѣ: азъ же яко мене, утѣшителя иного, духа моего же и отча пошлю, въ вемже утвердитесь.

Сѣдите во Іерусалимѣ, дондеже облечетесь силою свыше, рекль еси ученикомъ, Христе: Азъ же пошлю иного якоже Мене утѣшителя, Духа Моего и Отча, Имже укрѣпитесь.

Божественнаго духа нашедшая сила, раздѣльшійся древле гласъ, злѣ согласившихся *), во едино приличіе божественнѣ **) совокупи, вѣдѣніемъ

Сшедшая (свыше) сила Божественнаго Духа совокупи дивно во едино согласіе раздѣленный языкъ (людей), нечестивое дѣло вкупѣ

троицы вразумляюще вѣрныя,
въ нейже утвердимомся.

замыслившихъ, вразумляюще
вѣрныхъ познанію Троицы,
Еюже укрѣпимомся. (Быт. 11,
7. Дѣян. 2, 4—8).

*) *Этѣ согласившиися*—καὶ οὖν ἐσυνήγαγον—мы переводимъ *печетливое дѣло окупъ замыслившихъ*.

**) *Божествомъ*—θεῖος—у насъ *диано*.

ИНЪ ИРМОСТЬ. Разверзе
утробы нечадствовавшія узы,
досаду же неудоботерпиму бла-
гочаdstвующія, единая молитва
пророчицы древле анны, нося-
щія духъ сокрушенъ, къ силь-
ному и Богу разумовъ.

Непостижима есть богона-
чальнѣйшая: вѣтія бо изъяви
безкнижныя, рыбаи премуд-
рыя, заушающія *) словомъ, и
отъ глубокія ноши изимающія
люди безчисленны, блистаніемъ
духа.

*) *Премудрыя заушающія словомъ*—σοφιστὰς σοστορίζοντας λόγῳ. Σοστορίζω (отъ σοῦ и στόρα уста)—*зауриждать уста*.

Бяше исходенъ *) отъ не-
рожденна свѣта всесильный
сіяющій **) свѣтъ, егоже сы-
номъ ***) отеческія власти, ны-
нѣ являетъ срасленное озаре-
ніе, огненный гласъ въ сіонѣ
языкомъ.

Отъ нерожденнаго Свѣта
изыде всесильный приносіаю-
щій Свѣтъ, Егоже Сіаніе, со-
естественное (сіанію) властна-
го Отца, днесъ чрезъ Сына яв-
ляетъ языкомъ на Сіонѣ огне-
носный шумъ. (Д. 2, 1—3).

*) *Бяше исходенъ*—ἦν ἐκπορευτὸν—у насъ переведено однимъ словомъ *изыде*.

**) *Сіающій*—ἄφθιτον букв. (ἄφθιτος) *неуничтожающійся, неизсякающійся*, у насъ—*приносіающій*—(въ приложеніи къ слову свѣтъ).

***) *Егоже сыномъ*... конструкция этого предложенія слѣдующая: *егоже озареніе, срасленное отеческія власти, нынѣ сыномъ являетъ языкомъ въ сіонѣ огненный гласъ. Отеческія власти*—у насъ переведено *властнаго Отца*. Здѣсь

св. Иоанномъ Дамаскинымъ употребленъ оборотъ рѣчи, свойственный поэтическому греч. языку (см. напр. Од. VIII, 2) и состоящій въ томъ, что при указаніи какого-либо выдающагося свойства предмета названіе этого свойства дѣлается въ рѣчи опредѣляемымъ, а названіе предмета опредѣленіемъ, (напр. вмѣсто *сильный Алкиной* всталъ съ ложа греч. поэты говорятъ: *сила Алкиноева* встала съ ложа).

П Ъ С Н Ъ 4-Я.

ИРМОСЪ. Смотриай *) пророкъ въ послѣдняя твое христе пришествіе, вопіаше: твою слышахъ **) Господи силу, яко вся спасти помазаннѣя твоя пришелъ еси.

*) *Смотриай*—κατανοῶν—у насъ *провидя*. Κατανοέω значитъ 1) подглядывать, соглядать (Быт. 42, 9) и 2) узнавать, понимать (Ис. 118. 15, 18).

**) *Услышахъ*—εἰσακήκοα—у насъ *уздѣхъ*. Εἰσακούω, какъ и ἀκούω, кромѣ обычнаго значенія слушать, нерѣдко встрѣчается и со значеніемъ узнавать. Это послѣднее значеніе (узнавать или узнавать по слуху) оно всегда имѣетъ, когда отъ него зависитъ оборотъ винит. съ неопр.

Во пророцѣхъ глаголавый, и закономъ проповѣданный первѣе несовершеннымъ, богъ истинный утѣшитель, слова служителемъ и свидѣтелемъ похваляется *) днесь.

Провидя, Христе, пришествіе Твое въ послѣдняя времена пророкъ вопіаше: узѣдѣхъ, Господи, Твою силу, яко спасти всѣхъ помазанниковъ своихъ пришелъ еси.

Глаголавый древле во пророцѣхъ и возвѣщенный людямъ закономъ несовершеннымъ Утѣшитель Богъ истинный нынѣ являетъ Себе служителемъ и свидѣтелемъ Слова (Дѣян. 2, 16).

*) *Познавается*—γνωρίζεται (общій зал., а не страдательный) буквально значитъ дѣлаетъ себя извѣстнымъ, открывається, у насъ *являетъ Себе. Служителемъ и свидѣтелемъ*—дат. п. мн. числа.

Знаменіе божества носяй, апостоломъ во огни духъ раздѣлися, и странными языки являшеся *), яко отеческая божественная сила грядущая есть, самоповелительная.

Носяй (въ Себѣ) знаменіе Божества Духъ сице во огни на апостолы и въ чудныхъ языцѣхъ яви, яко Онъ есть сила Божественная, отъ Отца исходящая, самовластная. Евр. 12, 29 1 (Кор. 12, 6—11).

Апостоломъ во огни раздѣлися—по греч. τοῖς ἀποστόλοις ἐν πυρὶ κατεμέρισε у насъ—*сице во огни на апостолахъ*.

*) *Являшеся* по греч. ἐνέφηνεν (отъ φαίνω являю) поставл. въ аористѣ дѣйств. залога и потому у насъ переведено *яви*.

ИНЪ ИРМОСЪ. Царю царей, яковый отъ яковаго *) единъ слове произшедый отъ отца безвиновнаго, равномошняго твоего духа апостоломъ истинно послалъ еси, яко благодѣтеля поющимъ: слава державѣ твоей Господи.

*) *Яковый отъ яковаго* единъ... οἷος ἐξ οἷου μονος... у насъ: едине великій отъ великаго. Οἷος съ тонкимъ придыханіемъ не мѣстоименіе „яковый“, а числительное или прилагательное, имѣющее значеніе—1) одинъ—только, и 2) единственный въ своемъ родѣ, отличный, величайшій. Здѣсь очевидно οἷος удобнѣе понимать въ послѣднемъ значеніи.

Баню божественную пакибытія словомъ *) растворивъ, сложенное естество, дождоточиши ми струю отъ нетлѣнно прободеннаго твоего ребра, о божій слове, запечатлѣя теплотою **) духа.

*) *Словомъ* растворивъ—λόγῳ κεραινῶς. Λόγος мы персвели словомъ—ученіе.

**) *Теплотою*—τῆ ζέσει—точнѣе *жизннѣмъ*.

Преклоняють вся *) утѣшителю колѣвна, сыну же отчу, отцу срасленному, въ лицѣхъ бо видѣша трегубыхъ существо истинное, неприкосновенное**), безлѣтное, единое: возсія бо свѣтъ благодать духа.

*) *Вся τὰ πάντα; πᾶς* съ членомъ въ средн. родѣ ед. или множ. число обыкновенно означаетъ *весь міръ*.

**) *Неприкосновенное*—ἀπρόσιτον; ἀπρόσιτος, сложное изъ отрицательнаго ἀ, предлога πρὸς и глагола εἶμι пойду, значить *тотъ, къ кому невозможно подойти, неприступный*.

Царю царей, Едине великій отъ великаго, Слове, произшедшее отъ безначальнаго Отца! Ты, яко благодѣтель, истинно послалъ еси равномошняго Твоего Духа апостоломъ, поющимъ: слава державѣ Твоей, Господи.

О сложенное естество, Божіе Слово! устрой въ (Своимъ) ученіемъ Божественную баню возрожденія, Ты источаеши мнѣ воду отъ нетлѣннаго прободеннаго ребра Твоего, запечатлѣвая (ю) теплотою Духа.

Всеъ міръ преклоняетъ колѣвна предъ Утѣшителемъ, Сыномъ Отчимъ и Отцемъ единосущнымъ: ибо позна онъ въ трехъ лицахъ Существо, во истину неприступное, безначальное, единое: благодать бо Духа свѣтомъ озари. (Р. 14, 11. Фил. 2, 10).

Да исполнятся *) вси богоначальнѣйшимъ, елицы служителие трисвѣтлаго существа: паче естества **) бо совершаетъ ***) яко благодѣтель, и огнесвѣтитъ ****) Христось во спасеніе, всю дая благодать духа.

Исполняйтеся Богоначальнѣйшею силою вси, елицы естеслужитиліе трисвѣтлаго Существа: ибо Христось, яко благодѣтель, преестественно тайноводствуетъ и освѣщаетъ путь ко спасенію, даруя всесовершенную благодать Духа. (I. 15, 26).

*) Да исполнятся по греч. τελεῖσθε—второе лице мн. ч., а не третье, и притомъ повел. покл. настоящаго времени, а не аориста; поэтому *да исполнитесь* нужно передѣлать въ „*исполняйтесь*“.

**) Паче естества—ὀπερ φύσιν—букв. значить *сверхестественно*, у насъ преестественно.

***) Совершаетъ по греч. τελεῖ. Глаголь τελέω удобнѣе понимать здѣсь въ смыслѣ посвященія въ таинства,—сообщенія таинственнаго ученія; мы перевели—τελέω словомъ *тайноводствую*.

****) Огнесвѣтитъ πύρροσφαιτέ. Πύρροσφαιτέω (отъ πύρρος сигнальный огонь, свѣточъ и λαμπραίν—свѣтитъ) мы перевели въ значеніи *освѣщая путь*.

П Ъ С Н Ъ 5-Я.

ИРМОСЪ. Страхъ ради твоего зачатый господи во чревѣ пророковъ, и рожденный на земли духъ спасенія, апостольская сердца созидаетъ чиста, и въ вѣрныхъ правый обновляется *): свѣтъ бо и миръ зане **) твоя повелѣнія.

Господи, страха ради предъ Тобою зачатый во чревѣ пророковъ и рожденный (нами) на земли Духъ спасенія содѣлываетъ апостольская сердца чистыми и въ вѣрныхъ, (яко) правый, вселяется: ибо свѣтъ и миръ—твоя повелѣнія.

*) Обновляется ἐγκαίνιζεται, по нашему мнѣнію, удобнѣе читать ἐγκαίνιζεται—*вмивается, вселяется*.

**) Зане—διότι. Выраженіе „свѣтъ бо и миръ зане твоя повелѣнія—φῶς γάρ καὶ εἰρήνη διότι τὰ σὰ προσταγμάτα“ безъ измѣненія διότι въ ἔστι или „зане“ въ „есть“ для насъ непонятно. Поэтому думаемъ, что въ греческомъ текстѣ διότι ошибочно печатается вмѣсто ἔστι, вспомогательнаго глагола.

Нашедшая сила днесъ сія, духъ благій, духъ премудрости божіа, духъ отъ отца исходяй, и сыномъ вѣрнымъ намъ яв-

Сія сила, пришедшая днесъ, есть Духъ Святыи, Духъ премудрости Божіея, Духъ исходяй отъ Отца, и чрезъ Сына

лейся подавателенъ, въ нихже
вселяется естествомъ святыни,
въ нейже зрится.

ИНЪ ИРМОСТЬ. Рѣшитель-
ное очищеніе грѣховъ, огнедох-
новенную примите духа росу,
о чада свѣтообразная церков-
ная: нынѣ отъ сіона бо изыде
законъ, языкоогнеобразная *)
духа благодать.

*) *Языкоогнеобразная (благодать) ἑλωσπορροσμορφος (χάρις) у насъ пере-
ведено—оъ видѣ отенныхъ языковъ.*

Якоже благоволи самовласт-
но, необладанный исходитъ
духъ отъ отца, умудря въ язы-
цѣхъ апостолы, печатлѣя жи-
воносное *) слово, отчесиль-
ное сообразное, егоже спасъ
рече.

*) *Живоносное слово, отчесильное, сообразное по греч. τὸν φερέρθειον λόγον,
πατροσθενὲς, ἑμμορφος. Послѣднія два слова (прилагательныя) по греч. по-
ставлены въ среднемъ родѣ и потому церк.-славянскими переводчиками
ошибочно отнесены къ слову λόγον—слово, существительному мужскаго
рода. Въ греческомъ текстѣ эти прилагательныя (подобно необладанный—
ἀδέσποτος—у насъ самовластный), согласованы со, словомъ Пчебра Духъ
и потому къ нему должны быть отнесены. У насъ переведено *Духъ...
равномоцный и сообразный Отцу.**

Да исцѣлитъ *) убо смы-
слы **) отъ грѣха, и се устроя-
ше апостоловъ, богъ слово все-
начальное, пречистый домъ, въ
немже единомощнаго же и ссу-
щественнаго нынѣ вселяется
духа свѣтъ.

явивый Себе намъ вѣрнымъ,
(Духъ) подаваяй тѣмъ, въ
нихже вселяется естествомъ,
святость, въ нейже созерцается.
(Ис. 11, 2. Еф. 1. 17).

О свѣтовидная чада церкви!
примите въ разрѣшительное
очищеніе грѣховъ огнедохно-
венную росу Духа: нынѣ бо
отъ Сіона изыде законъ—бла-
годать Духа во образѣ огнен-
ныхъ языковъ. (Ис. 2, 3. 2
Кор. 3, 6).

Духъ самовластный, равно-
моцный и сообразный Отцу,
якоже самоизвольно благоволи,
исходитъ отъ Отца, умудряя
апостолы даромъ языковъ и
запечатлѣвая (симъ) живонос-
ное слово, еже рече Спаситель.
(I. 16, 7, 13).

Всевластный Богъ—Слово
врачеваше души апостоловъ
отъ грѣха и устрояше (въ нихъ)
Себѣ пречистый домъ: нынѣ
же вселяется (въ нихъ) свѣтъ
единомощнаго и единосущнаго
Ему Духа. (I. 14, 10, 24).

*) *Да исцѣлитъ...* смыслы по греч. ἰῆτο. Это форма не повелительнаго наклоненія (отъ глагола ἰάομαι врачую, исцѣляю), а изъявительнаго, прошедшаго несов. врем. 3-го лица ед. числа; съ этой формою въ дальнѣйшей рѣчи связано ἡ αὐτῷ κατεστρέφατο и *устроилъ себя*. Поэтому церковный текстъ въ этомъ мѣстѣ долженъ быть исправленъ въ „*врачеваше*“.

**) *Смыслы*—φράνας—у насъ *души*, точнѣе бы слѣдовало умы.

П Ъ С Н Ъ 6-Я.

ИРМОСЪ. Плавающего въ молвѣ*) житейскихъ попеченій, съ кораблемъ **) потопляема грѣхи, и душегубительному звѣрю приметаема, яко іона христе, вопію ти: изъ смертоносныя глубины возведи мя.

*) *Въ молвѣ* ἐν τῷ—σάλω буквально—въ волненіи, у насъ *въ волнахъ*. Славянскимъ словомъ *молва* обычно переводятся греческія θόριβος и τάραχος—ῆ.

**) *Съ кораблемъ* по греч. συμπλοῖς. Церковно-славянскіе переводчики, безъ сомнѣнія, читали вмѣсто одного слова συμπλοῖς (отъ σύν и πλέω плыву—συμπλοῖς вмѣстѣ плывущій, сопутствующій) два слова σύν и πλοῖς (сύν съ и πλοῖον грузовое судно, корабль), что было весьма возможно вслѣдствіе большого сходства въ начертаніи греческихъ буквъ ми (μ) и ни (ν) въ рукописяхъ. Συμπλοῖς (прилаг. двухъ окончаній) согласовано съ ἀμαρτίας и должно быть переведено *вмѣстѣ плывущими* (со мною), у насъ *объявшими мене грѣхами*.

Отъ духа твоего на плоть всякую, якоже реклъ еси, богато изліялъ еси, и исполнился всяческая твоего вѣдѣнія господи, яко изъ отца сынъ ветлѣнно родился еси, и духъ нераздѣльный изыде.

Отъ Духа Твоего, Господи, богатво излилъ еси (благодать) на всякую плоть и все исполнился вѣдѣнія Твоего, яко отъ Отца Ты Сынъ родился, Духъ же нераздѣльно исходитъ.

ИНЪ ИРМОСЪ. Очищеніе намъ христе и спасеніе владыко, возсіалъ еси отъ дѣвы, да яко пророка отъ звѣря морскаго персей іону, отъ тли исхитиши, всего *) адама все-родна падшаго.

Очищеніемъ и спасеніемъ, Владыко Христе, возсіалъ еси намъ отъ Дѣвы, дабы всецѣло исхитити отъ тлѣнія падшаго Адама со всеѣмъ родомъ, яко пророка Іону изъ чрева звѣря морскаго.

*) *Всего Адама всеродна* по греч. ὅλον τὸν Ἀδὰμ παγγενῆ—прямое дополненіе, зависящее отъ глаг. исхитиши—διαρπάσῃς. Ὅλον—всего у насъ переведено словомъ „*всецѣло*“, а παγγενῆ—всеродна словами „*соі всемъ родомъ*“.

Истинный *) намъ правый во утробахъ вѣчно примши **) духъ, да обновиши отченсходный, и всесокупленный ***)), вещества ненавистнаго палительный сквернь, кала же смысловъ очистительный, вседержителю.

Вседержителю, обнови намъ въ сердцахъ вождельный Духъ правый, да вѣчно содержимъ въ себѣ Его, Иже, исходя отъ Отца, всесовершенно соединено съ Нимъ, Иже палить скверны растлѣннаго естества и очищаетъ души отъ нечистоты. (Пс. 50, 14, I. 14, 16).

*) *Истинный*—ἰμερτόν (отъ ἰμεῖρω желаю) Πνεῦμα—букв. значить *желанный, вождельный Духъ*.

**) *Намъ... во утробахъ вѣчно примшимъ...* да обновиши—по греч. ἡμῖν... αἰώνιος ἔξουσι. Ἐξουσι, прич. будущаго времени отъ глаг. ἔχω, замѣняетъ здѣсь предложеніе цѣли; это сокращенное предложеніе цѣли буквально нельзя перевести на русскій и церковно-славянскій языки, такъ какъ въ нихъ нѣтъ причастія будущаго времени. Греческія причастія будущаго времени слѣдуетъ переводить по русски и церковно-славянски полнымъ придаточнымъ предложеніемъ (цѣли или опредѣлительными, смотря по смыслу), и притомъ такъ, чтобы подлежащимъ (или точнѣе субъектомъ) этого предложенія было то имя (слово), съ которымъ причастіе согласовано. Причастіе ἔξουσι согласовано съ ἡμῖν, поэтому его слѣдуетъ перевести „*дабы мы... имѣли*“ или *содержимъ*.

***) *Всесокупленный* (πάντοθεν συνημμένον), *палительный* (καυστικόν) и *очистительный* (ροπτικόν). Эти слова, причастіе и прилагательныя отглагольныя, у насъ выражены въ формѣ полныхъ опредѣлительныхъ предложеній съ „*иже*“.

Желательное достояніе апостоломъ, сіоянамъ чающимъ твоего пришествія, познаніе *) духъ отчорожденна слова, рѣчь жестокою **) языческихъ ласкательствъ ***) скоропоказавъ огнедохновенно утверждаеши.

Душе, вождельный даръ апостоломъ, чающимъ въ Сіонѣ Твоего пришествія, свидѣтельство рожденнаго Отцемъ Слова! Ты огнедохновенно вселяеши въ нихъ и скоро обличаеши противное суесловіе заблуждающихся языковъ.

*) *Познаніе*—γνώσις—*знакъ, примѣти*, у насъ *свидѣтельство*.

**) *Речь жестокою* по греч. λέσχην ἀπηνῆ. Λέσχη (отъ λέγω) разговоръ, болтовня, у насъ *суесловіе*; ἀπηνῆς (отъ ἀπό и осн. ἦνο лицо) *собств. съ отвернутымъ лицомъ, отсюда противный, жестокий* и т. п.

***) *Языческихъ ласкательствъ τῶν ἐθνῶν πομπωμάτων*—у насъ греческое опредѣляемое πομπωμάτων переведено какъ опредѣленіе, а опредѣленіе ἐθνῶν какъ опредѣляемое, т. е. вмѣсто языческихъ заблужденій—переведено: *заблуждающихся язычниковъ или языковъ.*

Ц Ъ С Н Ъ 7-Я.

ИРМОСЪ. Въ печь огненную ввержени преподобнии отроцы, огонь въ росу преложиша, воспѣваніемъ сице поюще: благословенъ еси господи боже отецъ нашихъ.

Вѣтующимъ *) божественная величія апостоломъ, духа дѣйство нещевашеся пїанство невѣрствующимъ, имже троица познавается, единъ богъ отецъ нашихъ.

*) *Вѣтующимъ... апостоломъ* дат. самост. у насъ переведенъ полнымъ предложеніемъ: *егда апостоли проповѣдаша.*

Нераздѣльное естество православно богословимъ *) бога отца безначальнаго, тояжде власти слова и духа, благословенъ еси, зовуще, боже отецъ нашихъ.

*) *Богословимъ—θεολογούμεν* мы переводимъ *исповѣдуемъ.*

ИНЪ ИРМОСЪ. Согласно возшумѣ органская пѣснь, почитати златосотворенный бездушный истуканъ: утѣшителя же свѣтоносная благодать почитуетъ *) еже вопити: троице единая, равносильная, безначальная, благословенна еси.

*) *Почитуетъ σεβασμάζει*—*благоговѣнно внушаетъ.*

Въ печь огненную ввержении благочестивии отроцы огонь въ росу преложиша, въ пѣснь сице зывающе: Благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ.

Егда апостоли проповѣдаша величіе Божіе, невѣрующимъ мняшеся пїанствомъ дѣйствіе Духа, имже познается Троица, единый Богъ отецъ нашихъ. (Д. 2, 12).

Православно исповѣдуемъ нераздѣльное естество: Бога—Отца безначальнаго, Слово и Духа съ тою же властію, зывающе: Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ (1, I. 5, 7).

Возгремѣ согласный строй органовъ, дабы почитати сотворенный ивъ злата, бездушный истуканъ: свѣтоносная же благодать Утѣшителява внушаетъ благоговѣнно зывати: Благословенна еси, Троице единая, равносильная, безначальная.

Гласа пророковѣщательнаго не разумѣвше, глаголаху безумніи виносотворенное піянство *), рѣчи яко странны слышаша апостоловъ: благочестивіи же тебѣ вопіемъ божественно: благодѣтелю всѣхъ благословенъ еси.

*) *Піянство*—μέθη—собств. *жмъльный напитокъ*, медъ, а иногда и *опьяненіе*, у насъ *дѣйство*.

Божественное ученіе возгремѣ видяи видѣніа *) божественный іоиль, богоначальнѣйшаго **), имже излію, рекъ ¹⁾), якоже слова ¹⁾), духа моего свозопіющимъ ¹⁾): естество тривѣщанное свѣтлое, благословенно еси.

*) *Видяи видѣніи* ὁ βλέπων ὅρα—у насъ *провидецъ*.

***) *Возгремѣ... Іоиль, богоначальнѣйшаго, имже излію, рекшу якоже Слову Духа моего свозопіють* по греч. τοῦ θεαρχικωτάτου οἷς ἐκχέω φήσαντος οἴαπερ λόγου τοῦ πνεύματος μου συμβοήσουσι. Богоначальнѣйшаго τοῦ θεαρχικωτάτου погречески является опредѣленіемъ кт. Λόγου-Слову, а не τοῦ Πνεύματος—Духа, Οἷς ἐκχέω...—опредѣлительное предложеніе, относящееся къ подлежащему при συμβοήσουσι (у насъ *ми*). Οἴαπερ (отъ мѣст. οἷςπερ), винит. нарѣчный имѣетъ такое же значеніе, какъ и ὡσπερ=какъ, какъ и. Οἴαπερ поставлено здѣсь при родит. самостоятельномъ для того, чтобы понимать его какъ придаточное предложеніе образа дѣйствія—сравнительное. Изъ сказаннаго можно видѣть, что конструкція разсматриваемаго нами текста должна быть такова: *Іоиль... возгласи... глаголь (такъ), оіаπερ τοῦ θεαρχικωτάτου λόγου φήσαντος (обътои), οἷς ἐκχέω τοῦ πνεύματος μου, συμβοήσουσι...—якоже Богоначальнѣйшее Слово рече: (ми), имже излію Духа Моего, свозопіють. Богоначальнѣйшій у насъ переведено въ Вoszъ имѣющій начало.*

Примѣч. ¹⁾ вм. рекъ читаемъ *рекшу*, вм. слова—*слову*, вм. свозопіющимъ *свозопіють*. Безъ такой замѣны строй рѣчи въ церк. текстѣ синтаксически неправиленъ, логически непонятенъ и греческому тексту нисколько не соотвѣтствуетъ.

Безумніи, не уразумѣвше пророческаго гласа, егда слышаша рѣчи апостоловъ на чуждѣхъ языцѣхъ, глаголаху, яко сіе есть сотворенное виномъ дѣйство: мы же, благочестивіи, боговдохновенно зываемъ къ Тебѣ: Благословенъ еси, Обновителю всего міра. (Іоил. 2, 28 -- 32, Д. 2, 13).

Боговдохновенный провидецъ Іоиль возгласи Божественный глаголь, якоже рече Слово, въ Бозѣ имѣющее начало: „Тя, имже излію отъ Духа Моего, вопіють: Благословенно еси Ты, Естество трисіятельное. (Іоил. 2, 28, I. 7, 37—38).

Троичную *) убо **) раздѣли зря благодать, яко да явитъ три ипостаси, почитати въ простотѣ власти ***) , но во единомъ нынѣ дни господскомъ, сынъ, отецъ и духъ благословенъ.

*) Троишную τριτήν (τρίτος третій) нужно относить не къ слову благодать (χάρις), а къ ὥρων. Слово же ὥρων нужно разбирать не какъ причастіе отъ глагола ὀράω, (ὀράων=ὀρων, зря), а какъ род. над. множ. числа существительнаго ὥρα часъ, всякое опредѣленное время, такъ называемый род. раздѣлительный. Поэтому церковный переводъ „Троишную раздѣли зря благодать“ (τριτήν εὐμοίρισεν ὥρων τὴν χάρις) нужно измѣнить такъ: *въ третій часъ дарова (раздѣли) Богъ благодать.*

**) Убо—μὲν въ дальнѣйшей рѣчи соотвѣтствуетъ *но* ἀλλὰ но единомъ дни. Частицы μὲν и ἀλλὰ (=δε) соединяють здѣсь не противоположныя и различныя понятія, но подобныя и родственныя, именно, часъ и день, часть и цѣлое; поэтому мы вмѣсто „но“ употребляемъ здѣсь „и“: въ третій часъ и въ единый день.

***) Въ простотѣ власти по греч. ἐν ἀπλότητι τῆς ἐξουσίας у насъ *съ единствою силы.*

ПѢСНЬ 8-Я.

ИРМОСЪ. Неопальная огню въ синаи причащшаяся купина, бога яви медленноязычному и гугнивому моисеови, и отроки ревность божія три непреоборимыя *) во огни пѣвцы показа: вся дѣла господня господи пойте и превозносите во вся вѣки.

*) Непреоборимыя ἀνάλωτους; ἀνάλωτος букв. значить *не взятый, не завоеванный*, у насъ переведено *неопалимый*, (=непроткутый огнемъ).

Животну свыше бурву носиму гласовнѣ, духа всесвятаго дыханію рыбаремъ, огненныхъ видомъ языкъ величія божія вѣтійствоваху: вся дѣла господи пойте, и превозносите во вся вѣки.

Нынѣ въ третій часъ и въ единый день Господень дарова (Богъ) благодать, да научить она (насъ) почитати три Лица во единствѣ силы: Благословенъ еси Ты Сынъ, Отецъ и Духъ. (Дѣян. 2, 15).

Объятая огнемъ, во неопальная купина на Синаи яви Бога медленноязычному и неясворѣчивому Моисеови: ревность по Бозѣ показа и три отроки неопалимыми пѣвцы во огни: вся творенія Господи пойте и превозносите во вся вѣки.

Егда животворное бурное дыханіе всесвятаго Духа съ шумомъ въ видѣ огненныхъ языковъ сниде свыше на рыбари: тогда они проповѣдаху величіе Божіе: вся творенія Господи пойте и превозносите во вся вѣки. (Л. 2. 2. 11).

Яко на некасаемую *) пре-
восходяще **) гору, не боя-
щися огня страшаща, при-
дите и станемъ на горѣ сїон-
ской, во градѣ живаго бога,
духоноснымъ ученикомъ нынѣ
сликующе: вся дѣла господа
пойте, и превозносите во вся
вѣки.

Яко восходящїи на гору,
еяже не прикасашася (Из-
раиль), не боящися огня устра-
шающаго, придите и ста-
немъ на горѣ Сїонстѣй во
градѣ Бога живаго, ликующе
нынѣ со ученики духоносными:
вся творенїя Господа пойте и
превозносите во вся вѣки. (Исх.
19, 12. Евр. 12, 18—23).

*) *Не прикасаемую*—*μη ἅψαμένω*—у насъ переведено полнымъ предложе-
нїемъ *ея же не прикасашеся* (израиль). **) *превосходяще*—у насъ *восходя-*
щїи—т. е. Моисей и Ааронъ.

ИНЪ ИРМОСЪ. Разрѣ-
шаетъ узы, и орошаетъ пламень
трисвѣтлый богочалїа образъ,
поютъ отроцы, благословить
же единого спаса и вседѣтеля,
яко благодѣтеля, сотворенная
всяческая тварь.

Трисвѣтлый образъ Богоча-
лїа разрѣшаетъ узы и оро-
шаетъ пламень: отроцы воспѣ-
ваютъ и вся созданная тварь
благословляетъ единого Спаса
и Всесодѣтеля, яко благодѣ-
теля.

Память*) христось человеко-
спасательныхъ словесъ, яже
отъ отца слышавъ апостоломъ
рече, духъ **) устрояетъ языко-
огненнымъ видѣнїемъ посаж-
дая благословенно ***) усвоен-
ную ¹⁾, учуженная же поетъ
тя тварь.

Духъ, сошедшїй въ видѣ
огненныхъ языковъ, напоми-
наетъ апостоломъ человеко-
спасительная словеса, яже Хри-
стось, слышавъ отъ Отца, гла-
гола имъ: (сего ради) Тебе
благословеннаго воспѣваетъ
тварь (нынѣ Тобою) усвояемая,
прежде же отчужденная. (I. 14,
26, 15, 35).

*) *Память... устрояетъ* по греч. *μνήμην τεύχει*. *Μνήμη* значитъ и память
и воспоминанїе. Мы понимаемъ здѣсь въ послѣднемъ значенїи и перево-
димъ *напоминаетъ* (=устрояетъ *напоминанїе*). Конструкція первой поло-
вины этого тропаря по гречески слѣдующая *τό πνεῦμα, ἐφίζον γλωσσοपुर-*
σεύτω θεῶν, τεύχει τοῖς ἀποστόλοις μνήμην τῶν βροτοσώων ἐπῶν, ἃ ἔφη χριστός
πατρακουσθεῖς.

Примѣч. 1) *усвоенную*, вѣроятно, опечатка, вмѣсто *усвоенная*, по греч.
σῶχεισθμένη им. падежъ.

***) *Духъ устрояетъ... языкоименнымъ видѣніемъ посажда.* Посаждая по греч. ἐφίζον—мы перевели *соседей*. Εφίζω обыкновенно встрѣчается со значеніемъ русскаго не дѣйствительнаго залога (садить кого), а средняго садиться, сѣсть. Вѣроятно, церк. переводчики разбирали его какъ недостаточный глаголѣ ἐφείσα, который имѣетъ значеніе—я посадилъ.

***) *Благословенно усвоенная... εὐλογητόν—„благословенно“* не нарѣчіе, а прилагательное и зависитъ не отъ „усвоенная“, а является опредѣленіемъ къ „тя“. (Тварь ты поетъ *благословеннаго*).

Спасительно самовладычній единъ*), свѣтъ самосіятельный, и подательный свѣта сый, пришелъ еси**) исполняя апостолы, честный яко верхъ ²⁾ твоимъ рабомъ ***) насытительный же духъ подаваеши.

Душе, спасительно нисходяй волею Своею, пребывая свѣтомъ самосіятельнымъ и подателемъ свѣта! Ты пришелъ еси вселитися во апостолы, яко священное дыханіе. Да даруеши сіе обильно и рабомъ Твоимъ. (Д. 2, 2).

*) *Единъ*—по греч. ἓν—причастіе отъ глагола εἶμι поиду, согласованное съ πνεῦμα Духъ (у насъ Душе). Церковные переводчики, вѣроятно, прочитали это слово какъ ἓν (отъ εἷς μία ἓν одинъ, одна, одно), или οἷον (отъ οἷος одинъ) и ошиблись. *Единъ* нужно замѣтить словомъ *приходящій* или *нисходящій*.

**) *Пришелъ еси исполняя* ἐμφороῦν. Ἐμφороῦν причастіе при глаголѣ движенія (пришелъ еси) мы переводимъ неопредѣленнымъ наклон., выражающимъ цѣль—*вселитися*.

***) *Твоимъ рабомъ... подаваеши*—προσφέρεις не изъявительное, а желательное наклоненіе, а таковымъ наклоненіемъ въ главномъ предложении выражается дѣйствіе желательное для говорящаго лица и, по его мнѣнію, исполнимое. Поэтому „*подаваеши*“ нужно исправить въ „*да даруеши*“ или „*подаждь*“.

Пояху пророкъ духонасыщенная уста, твое тѣлесное, о царю, пришествіе, и духъ отъ вѣдръ отчихъ произшедшій, несозданный, зданнодѣтеленъ, сопрестолень тебѣ, единого вочеловѣченія *) вѣрнымъ честь.

Пришествіе Твое во плоти воспѣша духоносная уста пророковъ и Духъ, испедый изъ нѣдръ Отчихъ, несозданный, созидательный, сопрестольный Тебѣ, Царю, Иже посылаеши Его вѣрнымъ въ прославленіе Твоего вочеловѣченія. (І. 15, 26, 16, 7).

*) *Единого вочеловѣченія вѣрнымъ честь..* *Единого*—по греч. ἓς—не числительное, а причастіе настоящаго времени отъ глагола ἵμι посы-

Прим. 2) *верхъ* опечатка вм. *духъ*—ἄημα.

лаю, согласованное со зват. падежомъ ᾧ Μέδων—о Царю. Конструкція разбираемаго мѣста такова:... ᾧ Μέδων, ἰσὶς (αὐτὸ) πιστοῖς σέβας ἐνανθρωπήσεως (Σοῦ)... Царь, посылающій (его) вѣрнымъ въ прославленіе (честь) вочеловѣченія (Твоего).

Ц Ъ С Н Ъ Э-Я.

ИРМОСЪ. Не тлѣнія искушеніемъ *) родшая, и всехитрецу слову плоть взаимодавшая, матери неискусомужная дѣво богородице, пріятелище нестерпимаго, село невмѣстимаго зиждителя твоего, тя величаемъ.

Заченшая не претерпѣвши тлѣнія и Всезидительному Слову плоть даровавшая, Мати неискусомужная, вмѣстелище невмѣстимаго, селеніе безпредѣльнаго Зиждителя Твоего, Тя величаемъ.

*) Не тлѣнія *искушеніемъ*—Μὴ τῆ φθορᾶς διαπεῖρα. Διαπεῖρα *искушеніемъ* дат. пад. образа дѣйствія у насъ переведенъ дѣепричастіемъ *претерпѣвши*.

На палящей древлѣ огненной колесницѣ, ревнитель и огнедохновенный радуясь носимъ, еже нынѣ возсіавшее дохновеніе свыше апостоломъ являше: отъ негоже освятившися, троицу всѣмъ сказаша.

Древле ревнитель (и) огнедохновенный, съ радостію возносимый на пылающей огненной колесницѣ, прообразоваше возсіавшее нынѣ свыше апостоломъ дохновеніе, имже освятившися, (они) повѣдаша всѣмъ Троицу. (4 Ц. 2, 11, Дѣян. 2, 3).

Закона естество кромѣ, странное слышашеся учениковъ: единому бо гласу гласящу духа благодотію, различнѣ*) оглашахуся людіе, племена и языки божественная величія, троицы вѣдѣнію научающе.

Дивное слышашеся отъ учениковъ вопреки закону (ихъ) естества: егда бо единый гласъ, по благодати Духа, вѣщаше различными языки, тогда поучахуся Божию величію, людіе, племена и языцы, посвящаеміи въ познаніе Троицы. (Дѣян. 2, 6—11).

*) *Различнѣ* у насъ переведено *различными языки*.

ИНЪ ИРМОСЪ. Радуйся царице, матеродѣвственная славо: всяка бо удобообращатель-

Радуйся Царице, преславная Мати Дѣво! Ни единый бо удобовращательный красногла-

ная благоглаголивая уста витійствовати *) не могутъ, тебѣ пѣти достойно: низумѣваетъ же умъ всякъ твое рождество разумѣти: тѣмже ты согласно славимъ.

голивый языкъ витій не можетъ воспѣвати Тя по достоинству; недоумѣваетъ и всякій умъ уразумѣти Твое рождество: сего ради Ты согласно славимъ.

*) Въ переводѣ этого ирмоса нами допущена ради плавности рѣчи небольшая неточность. У насъ сказано: „языкъ витій не можетъ воспѣвати Тя“... точнѣе слѣдовало бы перевести: „языкъ не можетъ такъ витііствовать, чтобы воспѣвати тя“...

Пѣти подобаше естественно-жизненную отроковицу: едина бо во чревѣ скры слово, таящееся *) недугующаго человѣческаго естества: иже въ десныхъ странахъ **) нынѣ сѣдяи отчихъ, посла благодать духа.

Подобаетъ воспѣвати живодательную Отроковицу: едина бо она имѣ во чревѣ Слово, Иже испѣляетъ недугующее человѣческое естество и, сѣдя одесную Отца, посла благодать Духа. (Гал. 3, 22, Р. 8, 34).

*) *Таящееся*—ἀλθαινουσα—причастіе наст. врем. отъ глагола ἀλθαινω *вращую*, у насъ *исцѣляю*. Вѣроятно, переводчики церковнаго текста прочитали это слово какъ λανθαινουσα (отъ λανθάνω *скрываюсь*).

**) *Въ десныхъ странахъ*—у насъ замѣчено однимъ словомъ *одесную*.

Елицѣмъ дхну боготочная благодать, свѣтящаяся, блистающе, измѣвляеми страннымъ измѣненіемъ благолѣпнѣйшимъ равносильствующую несѣкомую увѣдѣвше премудрость, трисвѣтлое существо славимъ.

Мы вси, въ нихже дохну Богомъ источаемая благодать, просвѣтившіися, блистающіи, измѣвеніи дивнымъ измѣненіемъ благолѣпнѣйшимъ, познавше равносильное, нераздѣльное премудрое, трисвѣтлое Существо, славимъ Его. (І. 1, 13, 2 Кор. 5, 17).

* * *

Христіанская религія, мать и дѣти*).

I.

Св. Церковь, явившись въ міръ, какъ благодатная сила, нравственно организующая и воспитывающая во Христѣ человѣка, прежде всего стала воплощать свой идеаль истинной жизни— въ семью человѣка. Языческій міръ, въ собственномъ смыслѣ, не имѣлъ истинно человѣческой семьи. Тѣмъ съ большимъ изумленіемъ взиралъ онъ на удивительныя семьи перво-христіанскія, на мужей, женъ, дѣтей и особенно матерей христіанъ, на ихъ новыя, невѣдомыя и даже невысказанныя дотоле взаимныя отношенія, ихъ личные добродѣтели и благодатное единеніе до такой степени, что семья христіанина представляла одинъ цѣльный организмъ, одухотворяемый высшею силою и самыми пламенными упованіями. Въ исторіи человѣческаго воспитанія, такимъ образомъ, выступала христіанская семья какъ новая соціальная организующая сила, и матери этихъ семей, какъ новыя, дотоле неизвѣстныя, дѣятели этой силы, дѣятели могущественныя и, можно сказать, передовыя. Этотъ вопросъ о христіански-воспитательномъ значеніи семействъ и матерей—вопросъ огромной важности, вопросъ близкій сердцу каждого и въ же время вопросъ соціальный. И нужно сказать, что никогда, кажется, онъ не обострялся до такой степени какъ теперь, никогда онъ не превращался въ мучительно больную задачу жизни, какъ въ наше время. Удручающія недостатки нашего домашняго и школьнаго воспитанія не только достаточно признаны, но и съ поразительною ясностью обнаружены въ фактахъ реальной жизни. При горькой и всеобщей скорби объ этомъ трагическомъ дефектѣ жизни, при горячихъ попыткахъ разобраться въ немъ и найти

*) Произнесено какъ публичное чтеніе въ залѣ Лумскыхъ Засѣданій 20 марта.

причины, среди горькихъ и подъ часъ ожесточенныхъ пререканій, мы растерялись, не зная кого и что винить въ немъ, съ кого и откуда начинать реформу воспитанія. Въ то время, когда раскрывались въ наукѣ, литературѣ и общественномъ сознаніи ненормальности школь, стали вскрываться тамъ же все съ большею откровенностію и недостатки современной семьи: выплылъ наружу и вопросъ о материиствѣ. Въ связи съ идеей назначенія женщины и ея современнымъ социальнымъ положеніемъ, получилъ острое современное значеніе и вопросъ о матери въ семьѣ, насколько она осуществляетъ свое призваніе въ семьѣ и обществѣ.

Когда въ 1899 г. появился романъ знаменитаго французскаго писателя Эмиля Золя: „Размноженіе“ (Fécondité),—впечатлѣніе имъ произведенное было болѣе чѣмъ сильное, потрясающее. Здѣсь рукою этого своеобразнаго оператора и анатома жизни вскрывались такія ужасныя и широко развившіяся язвы современной семьи, которыя трудно было и предполагать подъ покровомъ блестящей цивилизаціи. Съ неумолимою точностію и со всѣмъ пыломъ справедливаго негодованія писатель разоблачалъ тайны разлагающейся парижской семьи: безумную и животную погоню отцовъ и матерей за эгоистическими наслажденіями жизни, отвращеніе матерей отъ дѣтей, дикое уродованіе женской природы и цѣлую систему извращеній основныхъ началъ семьи. Главный герой этого романа Матье Фроманъ, лицомъ къ лицу столкнувшійся съ картинами подобныхъ явленій, чувствовалъ, что „кровь стынетъ въ его жилахъ отъ ужаса, что онъ спустился на послѣднія ступеньки ада материнства. Материнство могло пасть до такого позора только благодаря испорченности общества, благодаря извращенію чувства любви и несправедливости законовъ. Все громче и громче раздавался эгоистическій вопль: не нужно дѣтей, не нужно ничего такого, что можетъ разстроить денежныя или честолюбивыя планы! Долой грядущую жизнь во имя наслажденія жизнию! Все разлагающееся общество провозглашало этотъ преступный крикъ, возвѣщавшій конецъ націи“¹⁾). Золя вскрылъ эту язву, не какъ частное явленіе, но какъ широко

¹⁾ Э. Золя. Размноженіе. Спб. 1899 г., стр. 98—99.

распространившееся всюду зло, какъ серьезную угрозу даже „жизни цѣлыхъ націй“. Невольно съ подобнымъ явленіемъ связывается опять таки широко наблюдаемое нынѣ и отмѣчаемое наукой и литературой прогрессивное изъ года въ годъ уменьшеніе браковъ и числа рожденій, установившійся обычай въ западныхъ странахъ отправленія дѣтей для выкармливанія въ деревни, и, наконецъ, уклоненіе многихъ матерей отъ долга самоличнаго воспитанія своихъ дѣтей: отдача ихъ или на всецѣлое попеченіе спеціальныхъ воспитательницъ или въ такъ называемое во Франціи „материнскія школы“. Эти послѣднія представляютъ собою для насъ, православно-русскихъ людей, странное явленіе, мыслимое только тамъ, гдѣ дѣти уже съ юнѣйшихъ дней покидаются матерями. Это—школы для дѣтей съ 3-хъ лѣтняго возраста—школы государственныя, бесплатныя и общедоступныя. Рядомъ съ ними существуютъ подобныя же заведенія, находящіеся подъ вѣдѣніемъ монашескихъ орденовъ. Надзоръ здѣсь за дѣтьми лежитъ на обязанности женщинъ этихъ орденовъ. Поступая въ эти школы, французскія дѣти начинаютъ съ 3-хъ лѣтняго возраста самостоятельную жизнь. Они съ этихъ лѣтъ приучаются обходиться безъ посторонней помощи. Большую часть времени дѣти проводятъ внѣ семьи и оказываются подъ самымъ слабымъ вліяніемъ своихъ родителей. Раздвигая рамки своихъ наблюденій этой стороны нашей современной жизни, мы видимъ, что подобныя явленія все ширѣ наблюдаются и въ нашей современной русской жизни. Русская беллетристика все чаще обсуждаетъ вопросъ о бѣгствѣ матерей отъ материнства и своихъ семей. Наконецъ, мы должны съ глубокою скорбію останоиться на громадномъ контингентѣ городской дѣтвора, воспитывающейся на улицѣ, лишенной благъ семьи. Думали ли вы когда нибудь серьезно о томъ какъ растетъ эта брошенная городская босоногая дѣтвора? Подъ какими вліяніями воспитывается она? Питомцами какой школы вступаетъ она въ жизнь? Главною школою ея является „улица“. Дома, въ подвалахъ или жалкихъ лачугахъ, тѣсно, и дѣти—лишняя помѣха старшимъ. Приглядитесь теперь, чѣмъ заполняется досугъ этой уличной малолѣтней арміи. Предоставленные сами себѣ, дѣти являются отраженіемъ старшихъ,

и, на улицѣ, на свободѣ, культивируютъ то, что видѣли они дома. А видѣли и видятъ они много лишняго, много непригляднаго,—и все это вы можете наблюдать на уличной дѣтворѣ. Пройдитесь въ лѣтнюю пору по городскимъ окраинамъ и вы увидите толпы ребятъ не за бабками только, городками и змѣями, а и за картами, за орлянкой: вы увидите малышей уже курящихъ, услышите изъ дѣтскихъ устъ возмутительную грубую брань, натолкнетесь на попойку безусыхъ подростковъ. Масса свободного времени, умственно и нравственно темная среда и ни малѣйшаго добраго вліянія ни откуда. Какъ тутъ устоять? Какъ не свихнутся въ пьяное болото ¹⁾? И съ глубокою грустью вы скажете о нихъ: нѣтъ у нихъ семьи, семья для нихъ улица, нѣтъ у нихъ матери! Мы не намѣрены входить въ изысканіе причинъ подобныхъ печальныхъ явленій нашего времени, мы хотимъ только вмѣстѣ съ современною литературою отмѣтить этотъ фактъ—убѣганіе женъ и матерей отъ материнства, уклоненіе ихъ отъ долга воспитанія, оставленность и безпризорность дѣтей. Правда, мы имѣемъ утѣшеніе видѣть и въ наше время семьи высоко-христіянскія, семьи полагающія весь долгъ свой въ наилучшемъ воспитаніи дѣтей, ищущія и добывающіяся способоу и средствъ наилучшей постановки этого дѣла,—но рядомъ съ ними мы съ тревогой наталкиваемся все чаще на упадокъ и разложеніе семей, и съ болью сердца задумываемся надъ будущею участію дѣтей этихъ семействъ. Подобные случаи, повторяющіеся часто, отмѣчаются уже не какъ исключеніе, естественно-патологическое, но какъ широкое явленіе, вліяющее на положеніе современнаго воспитанія дѣтей въ самомъ отрицательномъ смыслѣ. Своеобразное заключеніе браковъ, часто при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, непониманіе или даже извращеніе цѣли брака, взглядъ на дѣтей, какъ на помѣху личнымъ наслажденіямъ жизнию родителей, какъ на тяжелую обузу,—все это такъ нерѣдко, особенно въ богатой, обеспеченной, но нравственно-неустойчивой, средѣ вызываетъ индифферентное или даже враждебное отношеніе къ дѣтямъ и побуждаетъ родителей дѣлать возмож-

¹⁾ Святц. Г. Петровъ. Божій путь. Москва 1904 г. Изд. 4, стр. 115.

ныя попытки такъ или иначе избавиться отъ дѣтей, святъ съ себя воспитательное бремя и даже такъ или иначе бѣжать отъ нихъ. Можно ли исчислить и достаточно обрисовать всѣ несчастныя послѣдствія на дѣтяхъ такого отношенія къ нимъ родителей! Сколько тяжелыхъ и ужасныхъ драмъ это создаетъ въ душѣ уже юныхъ дѣтей, подростковъ, а тѣмъ болѣе юношей! Какія раны чрезъ это наносятся юнымъ сердцамъ, раскрытымъ и готовымъ для самыхъ широкихъ благотворныхъ влiяній! Какая ломка и калѣченіе нравственнаго склада дѣтей получается чрезъ это, и какъ глубоко это отражается на всей послѣдующей жизни такихъ пасынковъ судьбы! Въ извѣстномъ романѣ А. К. Шеллера-Михайлова „Чужіе грѣхи“ въ потрясающихъ чертахъ изображается такая драма дитяти Евгенія Хрюмина брошеннаго родителями: „Темнымъ пятномъ въ свѣтлой жизни этого мальчика было воспоминаніе объ отцѣ и матери, неотступно преслѣдовавшее его. Начинались ли разговоры объ отцахъ и матеряхъ, читалась ли книга объ отношеніяхъ дѣтей и родителей, встрѣчалась ли крестьянка мать съ младенцемъ на рукахъ,—въ головѣ Евгенія тотчасъ же возникали мучительные, неразрѣшимые вопросы: „а гдѣ мой отецъ и мать? почему они бросили насъ? почему они не любили насъ?“ Въ эти минуты его лицо дѣлалось печальнымъ, и въ его мозгу начиналась усиленная работа: онъ думалъ что будетъ, если онъ когда нибудь встрѣтится съ отцомъ и матерью, что они скажутъ ему, какъ онъ поглядитъ на нихъ? Цѣлый рядъ фантастическихъ сценъ создавался его юнымъ воображеніемъ, и почему-то ему всегда казалось, что онъ встрѣтитъ отца и мать несчастными и спасетъ ихъ, оплатитъ имъ любовью за ихъ грѣхи“. Можно ли безъ глубокаго волненія чувства читать здѣсь описанія момента, когда долго накопившіеся чувства и думы Евгенія прорвались бурнымъ порывомъ при объясненіи его съ княжною Олимпіадой!...

Изображаемое нами печальное явленіе особенно отмѣчается тамъ и въ такой средѣ, гдѣ христіанство отстранено отъ влiянія на жизнь, гдѣ Церковь съ ея воспитательными институтами признана помѣхою соціальному строю, гдѣ даже прямо изгоняется изъ воспитанія религія, замѣняемая гражданской

государственной моралью, гдѣ иконы и св. распятіе уже вынесены изъ школъ и судебныхъ учрежденій, гдѣ вмѣстѣ съ этимъ господствуютъ извращенныя понятія о семьѣ, о женщинѣ и ея вазначенія. Во Франціи, въ странѣ считаеваемой передовой двигательницею европейской цивилизаціи, истинныя и благомыслящіе радѣтели народнаго блага со скорбію сознають, что антихристіанское направленіе, безвѣріе и безрелигіозность—причина вырожденія семействъ и цѣлой націи, страшная угроза будущему народа. Даже люди крайняго направленія, какъ вапримѣръ Ренанъ, въ горестномъ сознаніи этого, восклицали: „возвратите намъ счастливую вѣру юныхъ лѣтъ“! уже ожидая только въ этомъ найти залогъ обновленія жизни.

Всѣ вышеозначенныя нами явленія въ вопросѣ о современномъ положеніи матери въ воспитаніи дѣтей указываютъ, такимъ образомъ, на органическую связь его съ тѣмъ, насколько нація и среда проникнуты религіознымъ духомъ. Только отсюда можетъ вытекать благотворный или вредный для воспитанія взглядъ и на назначеніе женщины, семьи и матери. Посмотримъ же теперь, каково въ зависимости отъ религій было значеніе женщины и матери въ дѣлѣ воспитанія въ древнеязыческое время, какимъ оно должно быть и стало въ христіанскій періодъ исторіи человѣчества.

Мнѣніе о крайне униженномъ положеніи греческихъ женщинъ въ историческую эпоху рѣшительно доказывается фактами, которыхъ не можетъ извратить и самый тенденціозный комментаторъ. Уже трагикъ Эврипидъ пишетъ рядъ писемъ какъ бы съ исключительною цѣлью унижить женщину; комическіе же писатели то и дѣло что осыпаютъ женщинъ непристойными насмѣшками. Менандръ поучаетъ: „не женись, если хочешь жить безъ заботъ“. Законы Ликурга поражаютъ своимъ грубѣйшимъ отношеніемъ къ женщинѣ и семьѣ. Хотя у Іоническихъ грековъ, а также у высокообразованныхъ аѳинянъ отношеніе мужа къ женѣ хотя и принимало форму болѣе утонченную, изящную, но сущность отношеній не была особенно лучше. Даже гениальные аѳинскіе мыслители и тѣ смотрѣли на женщину какъ на существо стоящее значительно ниже мужчины и безусловное подчиненіе ея мужской волѣ считали

и закономъ природы и необходимостію и справедливостію. Того-же взгляда былъ и великій идеалистъ Платонъ. Такъ смотрѣлъ и великій реалистъ Аристотель. Впрочемъ идеалистъ относился къ женщинѣ презрительнѣе реалиста. Идеаль женщины по Платону едва только переходитъ за предѣлы самой пошлой повседневной жизни; онъ въ совершенствѣ вѣрной и способной рабыни усматриваетъ совершенство жены. При всемъ этомъ религія, законы и обычай не давали имъ возможности достигнуть одинаковыхъ соціальныхъ правъ съ мужчиной. По закону онѣ всю жизнь оставались „несовершенно-лѣтними“, и трудно себѣ представить, какимъ путемъ могли бы женщины выйти изъ подъ опеки. Воспитаніе ихъ было самое жалкое, ихъ умственное развитіе стояло весьма низко, вслѣдствіе недопущенія честныхъ дѣвушекъ и женщинъ въ мужское общество. Жизнь въ генекеяхъ, совершенно изолированныхъ отъ остальныхъ помѣщеній дома, представляетъ поразительное сходство съ жизнію женщины въ восточныхъ гаремахъ. Что касается положенія женщины въ Римѣ, то оно не было лучше. Римская матрона пользовалась, однако, большей свободой, чѣмъ жена въ Греціи: она могла выходить одна изъ дому, посѣщать театры и пиршества. Но тѣ, которыя сидѣли дома и занимались тканьемъ и пряденьемъ, пользовались бѣльшимъ уваженіемъ. Несмотря на относительную свободу, римлянка являлась собственностію отца и мужа, считалась по закону, — какъ это ни странно, — „дочерью своего мужа и сестрой своихъ дѣтей“. Во времена имперіи вмѣстѣ съ безумною роскошью среди патриціевъ воцарилась полнѣйшая распущенность нравовъ во всѣхъ классахъ, примѣръ которой подавали семьи императоровъ. Женщины употребляли всѣ усилія, чтобы избавиться отъ материнства, и въ этомъ отношеніи не помогали никакіе законы противъ бездѣтныхъ супружествъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ паденія имперіи женщины сыграли не меньшую роль, чѣмъ мужчины. И въ то же время, среди этой безумной роскоши и разнузданности нравовъ, прорывается иногда жажда идеала, потребность болѣе чистой и высокой общественной жизни, и глаза нѣкоторыхъ, особенно женщинъ, невольно обращались къ зарѣ новой жизни, которую

сулило христіанство. Особенно рельефно выступалъ этотъ контрастъ въ Александріи, гдѣ среди мрака безнравственности яркимъ лучомъ блеснула ученая Гипатія, представлявшая совершенно новый женскій типъ. При такомъ положеніи женщины древности не мыслимо было ея доминирующее значеніе въ семьѣ какъ матери воспитательницы. Она совершенно устраняется отъ этого великаго дѣла. Да и самое воспитаніе дѣтей, по учевію Платона и Аристотеля, должно быть дѣломъ только государственнымъ, а не семьи, и цѣлью его должно быть воспитаніе гражданина для государства. Государственность воспитанія проведена была ими такъ далеко, что въ настоящее время рѣшительно поражаетъ. Брачная жизнь прямо считается государственнымъ обязательствомъ, и по мысли Платона безбрачныхъ холостяковъ перешедшихъ за извѣстный возрастъ слѣдовало бы подвергать ежегодной денежной пени. Личность объявляется прямо и всецѣло принадлежащею государству, неимѣющею право на жизнь по своему вкусу и желанію, на воспитаніе дѣтей по своему усмотрѣнію. Все опредѣляетъ и узаконяетъ государство, не исключая дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и тѣхъ разсказовъ и сказокъ, которыми няни забавляютъ своихъ маленькихъ питомцевъ и питомицъ. Въ цѣляхъ такой государственной педагогики воззрѣніе на дѣтей и отношеніе къ нимъ устанавливалось грубо и узко практическое. Родители имѣли право жизни и смерти надъ своими новорожденными дѣтьми, они могли отказаться отъ обязанности воспитывать своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего дѣти подкидывались и часто погибали. Возвышенная душа Платона не находила дурной ни практику выкидыванія, ни дѣтоубійство; въ его идеальномъ государствѣ она даже была обязательна, если родители достигали уже извѣстнаго возраста. Аристотель также говоритъ въ своей „политикѣ“, что долженъ существовать законъ, чтобы никакой несовершенный или искалѣченный ребенокъ не былъ воспитываемъ, а во избѣжаніе излишества населенія нѣкоторыя дѣти должны быть бросаемы. такъ какъ необходимо положить предѣлы возрастанію населенія въ государствѣ. Въ Римѣ законами XII таблицъ устанавливалось, что „дѣти съ явными физическими недостатками должны немедленно же

быть убиваемы". Въ своемъ изслѣдованіи о „гнѣвѣ“ Сенека говоритъ: „слабыхъ и уродливыхъ дѣтей мы топимъ также не подѣ влияніемъ гнѣва, но вслѣдствіе разумнаго предпочтенія здороваго безполезному. Въ Римѣ среди матерей былъ весьма распространенъ обычай оставлять своихъ дѣвочекъ у подножія нѣкоторыхъ колоннъ для подбиранія ихъ желающими. Такимъ образомъ, при полномъ безправіи жены и дѣтей, при унижительномъ взглядѣ на жену и мать, при безграничной почти власти мужа и отца, при куплѣ и продажѣ жены и дѣтей, брачный союзъ въ классической древности лишился нравственнаго характера, въ немъ не было духа любви, равноцѣнности и равноправности личностей, ихъ свободы, и вѣжныхъ, преданныхъ и глубоко-искреннихъ отношеній. Въ такой семьѣ, при нехристіанскомъ ея строѣ, былъ господинъ купецъ и были во всемъ зависимыя и вполнѣ неравноправныя съ господиномъ жена и дѣти. О гуманизмѣ въ отношеніяхъ членовъ такой семьи не могло быть и рѣчи ¹⁾).

Съ пришествіемъ на землю Господа нашего Іисуса Христа челоѣчество вступаетъ въ свой зрѣлый возрастъ. Христіанство явилось объединяющей вселенской религіей, проповѣдывавшей всеобщее братство людей, единство и родственность всего рода челоѣческаго. Всѣ народы и отдѣльные люди-братья между собою, всѣ дѣти одного Царя Небеснаго, предъ Богомъ всѣ равны. Челоѣческое существо, не смотря на его полное ничтожество предъ Богомъ, объявлялось Христіанствомъ богоподобнымъ, въ каждомъ челоѣкѣ признавалась искра божества. Такимъ образомъ, личность челоѣка возвышалась, а всѣ люди уравнивались: мужчины, женщины и дѣти, евреи и римляне, греки и варвары. Христіанство ставило себя выше государственнаго строя и правовыхъ отношеній, на землѣ оно указывало путь къ небу и среди временныхъ измѣнчивыхъ отношеній вѣчныя неизмѣнныя обязанности челоѣка, вытекающія изъ самой сущности его природы. Этимъ капитальнымъ взглядомъ личность немногихъ, несправедливо превознесшихся надъ другими, принижалась, но личность громаднаго большинства челоѣчества высоко поднималась: рабъ сравнивался съ гос-

¹⁾ Энцикл. Сем. Воспитанія. Вып. 27, стр. 4—15.

подиномъ, и господинъ стѣитъ не больше своего раба. Какъ богоподобная, человѣческая личность священна, каково бы ни было ея общественное положеніе. Отнимать у нея жизнь, лишать ее способовъ человѣческаго существованія, унижать и терзать ее—никто не имѣетъ права. Возвѣщалось начало золотого вѣка для всѣхъ обиженныхъ и гонимыхъ: женщинамъ, дѣтямъ, рабамъ объявлялась высокая божественная охрана отъ насилій и притѣсненій. Отсюда на всю жизнь этой личности въ христіанствѣ накидывался покровъ мистической идеализаціи: таинственная благодать освящала всѣ главнѣйшіе моменты человѣка: бракъ, рожденіе, смерть и т. п. Въѣствъ съ этимъ христіанство возвысило и личность дитяти въ его правахъ и цѣнности. Божественный основатель христіанства любилъ дѣтей. „Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ“, говорилъ Онъ своимъ ученикамъ. „Будьте какъ дѣти“, поучалъ Онъ взрослыхъ. Милыя, привлекательныя черты дѣтства Онъ хотѣлъ сохранить и за зрѣлымъ возрастомъ. Иисусъ Спаситель—ласкающій дѣтей и благословляющій ихъ,—одна изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ исторіи человѣчества. Дитя въ христіанскомъ семействѣ есть даръ Божій, благословеніе родителямъ за ихъ честную жизнь, за взаимную любовь ихъ другъ къ другу и вѣрность обѣтамъ своимъ. Воспитаніе дѣтей возлагается христіанствомъ на семью и вообще на возросшія поколѣнія какъ священнѣйшій долгъ ихъ предъ поколѣніями грядущими. А такъ какъ дитя въ христіанствѣ выше и больше всего мыслится какъ членъ будущаго царства Божія на землѣ и на небѣ, царство же Божіе созерцается вѣрою, зиждется любовію, коренится въ упованіяхъ: то отсюда ясно и вразумительно открывається то, что средоточнымъ пунктомъ всего воспитательнаго дѣла въ христіанствѣ является воспитаніе этой вѣры, любовію и упованіями споспѣшествуемой. Воспитаніе прирожденнаго человѣку чувства религіознаго есть пунктъ здѣсь важнѣйшій.

Христіанское воспитаніе есть воспитаніе жизни человѣка въ самомъ высокомъ, въ самомъ необъятномъ значеніи этого слова. „Въ каждомъ должно видѣть и воспитывать прежде всего—человѣка, развивать въ немъ всѣ лучшія Божественныя сто-

ровы его природы, вести его къ духовному совершенству“,— вотъ новая мысль проходящая во взглядѣ христіанской педагогики отъ начала христіанства до нашихъ дней.

Возвышая и оберегая дѣтскую личность и указывая такую высокую цѣль ея воспитанія, христіанство съ первыхъ дней своего появленія указало на женщину—мать, какъ на первую, естественную и самую лучшую воспитательницу дѣтей. Для этого христіанство возвысило и ея личность въ правахъ и цѣнности, признавая ее равноправнымъ членомъ въ семейномъ союзѣ, а этотъ послѣдній—таинствомъ, а не торговой сдѣлкой. Только въ христіанствѣ супруга—неизмѣнный другъ мужа, обезпечивающій ему довольство и спокойствіе домашняго крова, участвующій всею душою въ его радостяхъ и печаляхъ, готовый идти съ нимъ всюду и раздѣлять всякую участь. Мать—это неустанная попечительница о дѣтяхъ, насаждающая въ сердцахъ ихъ страхъ Божій и сѣмена всякихъ добродѣтелей. Какъ членъ Церкви, христіанская женщина есть душа—полная вѣры и покорности воли Божіей, смиренная и вмѣстѣ мужественная, въ скорбяхъ и лишеніяхъ безропотная, въ трудахъ любви неутомимая, ради истины и чести на всѣ жертвы готовая, въ опасностяхъ безстрашная, въ страданіяхъ несокрушимая. Для нея не закрыто поприще общественной дѣятельности, но она не порывается на него съ самонадѣянностію, и съ забвеніемъ коренныхъ свойствъ своей природы, а выходитъ только по особому призванію Промысла Божія; и тогда она является руководительницею военачальниковъ, мудрою царицею и законодательницею, всемірною проповѣдницею вѣры, покровительницею самой Церкви. Высшая равноправность ея съ мужчиною открывается въ томъ исповѣданіи вѣры, что „во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужскій полъ ни женскій“ (Гал. 3, 22) что жена наравнѣ съ мужемъ есть участница всѣхъ даровъ Духа Божія“. (Амвросій Арх.). Ея естественное призваніе въ чадорожденіи, а высокій долгъ—въ воспитаніи дѣтей во Христѣ, и это ея преимущественное право, а вмѣстѣ и подвигъ для спасенія; какъ говоритъ Св. Ап. Павелъ, „жена спасается чрезъ чадорожденіе (1 Тим. 2. 15). На такихъ-то вышеуказанныхъ началахъ создается благородная христіанская семья

съ ясно поставленною великою цѣлю—воспитанія дѣтей. Конечно, не сразу и вдругъ во всемъ блескѣ своей нравственной высоты воплощалась въ исторической жизни христіанская семья. И въ настоящее время лучшія христіанскія семьи еще далеки отъ своего идеала. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являлись въ древнее христіанское время, онѣ безгранично превосходили языческія семьи, не имѣвшія въ основѣ своей никакого нравственнаго характера. Въ христіанскихъ семьяхъ матери творятъ великое дѣло Св. Церкви: дѣло нравственнаго созиданія людей, и этимъ приобрѣтаютъ право на особое къ нимъ ея благоволеніе; онѣ строятъ свою семейную жизнь на подобіе храма Божія съ общимъ духовнымъ пѣніемъ и общимъ чтеніемъ Священнаго Писанія; почему христіанскія семьи и называются въ Словѣ Божіемъ „домашними церквами“. Въ своихъ трудахъ христіанка мать видитъ для себя высочайшій образецъ въ Богоматери Приснодѣвѣ Маріи, въ которой подвигъ материнства возвышенъ до Божественнаго величія. Въ пречистой Богоматери каждая мать христіанка находитъ для себя въ подражаніе примѣръ материнскаго мужества, терпѣнія, кротости, смиренія и тихаго безмолвнаго страданія, а вмѣстѣ съ этимъ у Богоматери же она обрѣтаетъ утѣшеніе въ святости своего подвига и получаетъ отъ нея благодатное подкрѣпленіе и ободреніе. Божественная „Матерь всѣхъ матерей“ являетъ собою высшее освященіе въ христіанствѣ материнства. Вотъ почему въ исторіи христіанства матери окружались такимъ всеобщимъ благоговѣніемъ и почетомъ, и ея воспитательная роль въ семействахъ становится даже выше мужской. Но и еще тѣмъ выше и благороднѣе становился ея подвигъ, что въ то древнее время помимо тягостей воспитательнаго труда, ей весьма часто приходилось быть готовою подвергнуться гоненію за себя и за вѣру своихъ дѣтей и вмѣстѣ съ ними умереть позорною смертію, особенно когда мужъ былъ язычникъ. И такія доблестныя матери безтрепетно съ дѣтьми шли страдать за св. вѣру и проливали св. кровь свою, не измѣняя своему долгу. Мученичество святыхъ: Соломоніи, матери Маккавеевъ, Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, Іулитты и Кирика, Леонилы, Теопистіи, Плакиды и многихъ другихъ было славою христіанскаго ма-

теринства. „Если прослѣдить какъ образовались великіе люди, пишетъ въ предисловіи къ прекрасной книгѣ „Жизнь Св. Павлы“ неизвѣстный авторъ, то найдемъ у колыбели каждаго изъ нихъ женщину, мать или сестру, которая были святыми, и которымъ они обязаны своею святостію, направлениемъ своей жизни и своимъ душевнымъ величіемъ“¹⁾. Вообще Священная исторія Ветхаго Завѣта и исторія православной христіанской церкви представляетъ множество примѣровъ, доказывающихъ съ очевидностію, что великіе угодники Божіи и доблестные мужи, обезсмертившіе себя дѣятельною любовію къ Богу и ближнему, были воспитаны въ этой любви преимущественно своими благочестивыми матерями. Эти матери—христіанки въ церковной исторіи представляютъ собою самыя свѣтлыя, чистыя и идеально-прекрасныя образы. Одного христіанскаго отрока спросили во время гоненій: откуда узналъ ты, что Богъ единъ? „Этому научила меня мать“, отвѣтилъ онъ, а она узнала отъ Бога. Св. Духъ научилъ ее для того, чтобы она внушила это мнѣ. Когда я качался въ колыбели и сосалъ ея грудь, тогда я научился вѣровать во Христа“! А Іоаннъ Златоустъ восклицалъ: „Посмотрите, что совершило пришествіе Христа на землю! Женщины превосходятъ всѣхъ насъ въ благородныхъ нравахъ, христіанскомъ жарѣ и благочестіи, въ любви ко Христу, снявшему проклятіе женскаго пола“. Христіанство надѣлило женщину первоначальнаго христіанскаго общества такой энергіей и бодростію, такимъ чувствомъ сострадательной любви и терпѣнія, что предъ ними преклонялись даже гордые языческіе мудрецы. Когда Св. Іоаннъ Златоустый рассказалъ знаменитому Антиохійскому оратору Ливанію объ удивительномъ самоотверженіи ради него матери блаженной Анфусы, то тотъ воскликнулъ въ порывѣ непритворнаго изумленія: „о, да какія же женщины у этихъ христіанъ“! Нѣкоторыя изъ этихъ древне-христіанскихъ матерей даже при исключительныхъ условіяхъ обнаруживали такой героизмъ материнства, такое дивное мужество въ исполненіи своего долга и такую обаятельную красоту добродѣтели, что на вѣки останутся свѣточами истиннаго материнства. Таковы

¹⁾ В. Д. Основныя начала христіанскаго воспитанія. Харьковъ. 1902 г. 114.

вышеуказанная Анфуса—мать св. Іоанна Златоустаго, Еммелія—мать св. Василя Великаго, Нонна—мать св. Григорія Богослова и Моника, мать блаженнаго Августина. Замѣчательно, что великіе сыновья этихъ матерей платили имъ за ихъ материнскіе труды самою непрестанною и пламенною благодарностію, питали къ нимъ глубокое святое благоговѣніе и сохранили о нихъ до смерти самое трогательное воспоминаніе. Въ своихъ великихъ твореніяхъ они не находятъ словъ выразить свою любовь къ нимъ и достаточно изобразить ихъ нравственное величіе. Если великій язычникъ древности Александръ Македонскій выразился о матери своей по поводу обвинительныхъ на нее писемъ: „десять тысячъ подобныхъ обвинительныхъ писемъ стираются одной слезой моей матери“,—то съ еще большею силою и убѣжденіемъ отзывались о своихъ св. матеряхъ великіе ихъ св. сыновья. „Что значило мое сыновнее почтеніе къ матери“, восклицаетъ блаженный Августинъ, „въ сравненіи съ ея материнскими заботами обо мнѣ, Боже мой и Творче нашъ? И такъ какъ я со смертію ея лишился всего этого, то душа моя сильно поражена была этимъ ударомъ, и жизнь моя, которая сливалась въ одно съ ея жизнію, представлялась мнѣ какъ бы раздвоенною пополамъ“. И никто не оставилъ намъ столь сильное и столь пламенное описаніе своей матери, какъ этотъ же блаженный Августинъ въ своей знаменитой „Исповѣди“. Было ли и могло ли быть что либо подобное въ древнемъ языческомъ мірѣ?! Только христіанство открыло женщинѣ ея истинное назначеніе. Оно же поставило въ образецъ чело-вѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. „Пусть же женщины“, скажемъ словами Н. И. Пирогова, „поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ чело-вѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью чело-вѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникаетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осянеть ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ должно искать своей эмансипаціи“.

II.

Во дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа еврейскіе матери во множествѣ приносили къ Нему своихъ дѣтей, и Онъ благославлялъ ихъ; трогательно и знаменательно это стремленіе матерей освятить своихъ дѣтей благословеніемъ Господнимъ. Глубокимъ смысломъ и умилительной красотой запечатленъ и православный обрядъ „воцерковленія“ дѣтей въ сороконовый день по рожденіи, когда мать, не помня скорбей рожденія отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ (Іоанна XVI, 21), приноситъ свое возлюбленное дитя къ порогу храма и послѣ очистительныхъ молитвъ отдаетъ его пастьрю церкви для положенія у вратъ св. алтаря. Это тоже: „приношаху дѣти ко Іисусу“,—это-символическое и таинственное указаніе на подлежащій долгъ матери въ отношеніи къ этому ребенку: отнынѣ она всю жизнь свою будетъ вести свое чадо ко Іисусу, чтобы сдѣлать его чистой и святой Ему жертвой. Господь возложилъ этотъ долгъ на женщину, на мать, въ своемъ творческомъ предвѣдѣніи приспособивши для сего самую природу женщины—матери. Въ самомъ дѣлѣ, не только естественный актъ рожденія и питанія младенца сближаетъ съ нимъ его мать, но и самый психическій и моральный складъ этой послѣдней дѣлаетъ её первой и самой лучшей религиозной воспитательницей дитяти.

Представляя собою во всѣхъ существенныхъ свойствахъ своей природы полную личность человека, женщина однако въ направленіи и развитіи своихъ свойствъ обнаруживаетъ особенности своей индивидуальности. Съ ясностію это обнаруживается при сравненіи ея съ индивидуальностію мужчины. Извѣстный педагогъ моралистъ Смайльсъ говоритъ: „въ то время какъ мужчина—мозгъ, женщина—сердце человечества; онъ—разсудокъ, она—чувство; онъ—сила, она—грація, краса и утѣшеніе; даже разсудочность у самой лучшей изъ женщинъ, по видимому, дѣйствуетъ главнымъ образомъ чрезъ посредство ея привязанности. Такимъ образомъ, если мужчина направляетъ разумъ, женщина развиваетъ чувство, которое и опредѣляетъ ея характеръ по преимуществу“. И Слово Божіе свидѣтель-

ствуешь, что внутренняя красота женщины—это „сокровенный сердца человекъ—въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоценно предъ Богомъ“. (1. Петра 3,—34). Это—преимущественно свойственное женщипѣ своеобразное развитіе духа, подѣ влияніемъ присущаго женской природѣ обилія любви, дарованнаго ея сердцу по особенному ея назначенію. Объ этомъ качествѣ женской природы свидѣтельствуешь исторія всего міра. Женщина есть по преимуществу человекъ сердца. Сердцемъ вѣрующимъ, покорнымъ, смиреннымъ, преданнымъ, долготерпѣливымъ относится она къ Богу; тѣмъ же сердцемъ довѣрчивымъ, сострадательнымъ, выносливымъ, всепрощающимъ—относится она къ людямъ. Этого человека сердца въ отношеніи къ Богу мы видимъ въ мужественной Саррѣ, по повеленію Божію оставившей родину и послѣдовавшей за Авраамомъ въ землю неизвѣстную; въ Аннѣ, матери Самуила, изливавшей предъ Богомъ душу свою въ молитвѣ о дарованіи сына; въ женѣ грѣшницѣ, обливавшей слезами ноги Спасителя; Хананеянкѣ, сплюю дерзновенія исторгающей слово милости изъ устъ Господа, отвергавшаго её; въ кровоточивой, тайно касающейся ризы Христовой; въ Мирносицахъ, съ трепетомъ сердца поспѣшающихъ на восходѣ солнца ко гробу Господню, чтобы только помазать миромъ тѣло возлюбленнаго Учителя; въ высочайшемъ же совершенствѣ—въ Преблагословенной Дѣвѣ Маріи, изрекшей въ великія минуты Благовѣщенія свое чудное „буди“, слагавшей всѣ глаголы въ сердцѣ своемъ, стоявшей въ безмолвныхъ страданіяхъ при крестѣ Иисусовѣ. По отношенію женщины къ людямъ мы видимъ этого человека сердца въ вѣрѣ женщины, не подозрѣвающей лукавства человеческого, въ слезахъ и порывахъ скорби при видѣ страданій ближнихъ, въ бессонныхъ ночахъ проводимыхъ у колыбели младенца и постели больного, въ прощеніи горькихъ обидъ отъ несправедливаго мужа, въ неистощимой любви и заботѣ о бездарныхъ и даже преступныхъ дѣтяхъ, отвергаемыхъ цѣлымъ міромъ, въ готовности раздѣлить печальную участь погибающаго любимаго человека, въ способности отдать всё и все вынести по завѣту любви (Амвросія Арх.). Такимъ образомъ, эта жизнь жизнию сердца

дѣлаетъ ее цѣлымъ міромъ возвышенныхъ, самыхъ лучшихъ и чистыхъ чувствованій: стыдливости, цѣломудрія, состраданія, смиренія, терпѣливаго мужества, кротости и всепрощенія. Эта же особенность ея индивидуальности наиболѣе дѣлаетъ ее глубоко восприимчивой къ религіозной вѣрѣ и религіознымъ чувствованіямъ, ибо вѣра въ Бога имѣетъ свой жизненный корень по преимуществу въ нашемъ сердцѣ. Такимъ образомъ, женщинамъ самою природою ихъ духа дано преимущество предъ мужчинами въ области религіозной жизни: женщины вообще религіознѣе мужчинъ. Отсюда ея прямое призваніе и долгъ воспитывать своихъ дѣтей въ добрѣ и вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ. Поэтому же самому только женщина-мать можетъ въ дѣлѣ моральнаго воспитанія дѣтей стоять на стражѣ развитія у нихъ разнообразныхъ чувствъ, а въ особенности тѣхъ, изъ коихъ у дѣтей слагается религіозный духъ. Профессоръ И. А. Сикорскій, въ своемъ изслѣдованіи о „душѣ ребенка“,—отмѣчаетъ раннее и сильное развитіе у дѣтей чувствъ. „Живость чувствъ у дѣтей и ихъ эмотивность (возбуждаемость) явленіе общеизвѣстное. Къ числу конкретныхъ чувствъ, развивающихся раньше другихъ, относятся: чувство нечаянности, страхъ и гнѣвъ, чувство ревности, а позже—чувство стыда и виновности. Это послѣднее проявляется быстро въ зрѣлой и серьезной формѣ. Отдѣльныя проявленія этихъ чувствъ могутъ быть у дѣтей иногда очень глубоки. Въ особенности глубиной отличаются такъ называемыя нѣжныя чувства, которыя въ дѣтскомъ періодѣ достигаютъ иногда зрѣлости, можно сказать, превышающей крошечныя силы дитяти. Привязанность дѣтей и проявляемыя ими чувства могутъ доходить, по временамъ, до степени высшихъ чувствъ, до чувства, на примѣръ благоговѣнія. А это чувство благоговѣнія, какъ говоритъ знаменитый англійскій мыслитель Карлейль, является одной изъ важнѣйшихъ основъ нравственнаго развитія. Это чувство можно рано начать воспитывать у дѣтей. Серьезное и возвышенное отношеніе къ ребенку, чуждое сантиментальности и дешевыхъ ласкъ, но полное долга, можетъ пробудить въ дитяти отвѣтное чувство такого же характера: дѣти очень рано обнаруживаютъ глубокую проникательность въ отноше-

ни высшихъ чувствъ, свидѣтелями которыхъ они бываютъ 1). Важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія имѣетъ развитіе у ребенка чувствъ альтруистическихъ или симпатіи. Чувство это относится по своему существу къ области нравственныхъ. Чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ болѣе онъ эгоистиченъ, хотя это есть слѣдствіе его непониманія или, вѣрнѣе, отсутствія разумѣнія. Лишь при дальнѣйшемъ умственномъ развитіи, когда дитя начинаетъ уразумѣвать послѣдствія своихъ дѣйствій, когда въ немъ возникаетъ совѣсть,—эгоизмъ и альтруизмъ выступаютъ въ его жизни, какъ дѣйствительно противоположныя начала. Въ эту пору эгоизмъ дитяти уже получаетъ нравственное значеніе, и воспитаніе дитяти должно противопоставлять ему чувство любви и симпатіи. Осуществленіе этой задачи облегчается тѣмъ, что у ребенка,—и въ этомъ глубоко сказывается наследственность,—уже очень рано появляются признаки развитія чувства симпатіи и въ особенности состраданія. Быть можетъ, то обстоятельство, что дѣти сами въ началѣ жизни много страдаютъ, дѣлаетъ ихъ способными рано понимать страданія другихъ. Уже къ концу перваго года дѣти выражаютъ свое сочувствіе взрослому, если онъ страдаетъ или дѣлаетъ видъ, что страдаетъ. Хотя въ эту пору чувства дитяти носятъ преходящій, эфемерный характеръ и лишены глубины и устойчивости, но самый характеръ чувства и его раннее возникновеніе не подлежатъ сомнѣнію. Вѣроятно, раннему появленію чувства симпатіи много содѣйствуетъ раздраженіе, навѣваемое ласками, заботами и любовью къ дитяти со стороны окружающихъ его. При интеллигентности юнаго человѣческаго существа оно способно уже очень рано понимать чувства другихъ и перенимать ихъ или обучаться имъ подражательно. Въ этомъ фактѣ содержится указаніе на великую важность не только воспитанія чувства у дѣтей, но и нашего собственнаго самовоспитанія для пользы нашихъ дѣтей 2). Наконецъ, нѣкоторыя дурныя чувства очень рано проявляются

1) Энци. семейн. воспитанія и обученія. Вып. 30—31, Проф. И. А. Сякорскій. Душа ребенка. СПб. 1901 г., стр. 74—79.

2) Энцикл. Сем. восп. и обученія. Вып. 44—46 Проф. И. А. Сякорскій „Об. умств. нравств. развитія и воспитанія дѣтей. СПб. 1902 г. Стр. 60—63.

у дѣтей. На это уже обратилъ вниманіе великій французскій психіатръ Эскироль въ началѣ минувшаго вѣка. Изслѣдованіе чувствъ этой категоріи уже отчасти сдѣлано психіатрами. Чувства эти, отличающіяся стихійнымъ характеромъ, возникаютъ совершенно внезапно, сразу носятъ печать зрѣлыхъ, готовыхъ дурныхъ движеній, которыя ребенокъ проявляетъ не какъ плодъ своего опыта, а какъ роковую печать, какъ клеймо болѣзненной наслѣдственности (первороднаго грѣха), которое окрѣпло въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ и, какъ готовое зло, сразу вырывается наружу. Для развитія въ дѣтяхъ высшихъ чувствъ необходимо рано показывать имъ серьезныя стороны жизни, не держа ихъ на однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Развитіе высшихъ чувствъ (терпѣнія, кротости, незлобія, великодушія и т. п.) и ослабленіе дурныхъ чувствъ и движеній должно быть предметомъ серьезныхъ заботъ въ этомъ періодѣ жизни ребенка. Безъ сомнѣнія, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ развитъ въ дѣтяхъ однѣ и ослабить другія чувства, можетъ только примѣръ, показываемый старшими, но не проповѣди и нравоученія. Послѣднія очень опасны и ведутъ къ резонерству дѣтей, т. е. къ рассудочному, холодному пониманію формъ чувства, но не насаждаютъ самаго чувства въ сердцѣ дитяти ¹⁾).

Своевременно подмѣтить у дитяти обнаруженіе тѣхъ или иныхъ чувствъ, распознать ихъ и угадать ихъ направленіе, реагировать на нихъ зрѣлыми нравственными чувствами, давать чувствамъ дитяти истинно моральное, истинно религіозное направленіе, и дѣйствовать главнымъ образомъ примѣромъ въ средѣ чувствъ дитяти,—можетъ только опять женщина мать—человѣкъ сердца: здѣсь открывается ей понятное и прирожденное поприще, гдѣ она можетъ дѣйствовать естественно въ области своей личной индивидуальности.

Наконецъ, воспитаніе въ извѣстномъ направленіи мыслимо и можетъ быть дѣйствительно успѣшнымъ только при условіи постоянства и всесторонности воспитательнаго воздѣйствія. А въ отношеніи дитяти кто можетъ быть поставленнымъ въ лучшее положеніе въ этомъ отношеніи, какъ не мать? Усложнив-

¹⁾ Проф. Сикорскій. Душа ребенка, стр. 79.

шаяся современная жизнь,—развивающаяся ускореннымъ темпомъ,—значительно отвлекаетъ отца семейства въ сторону общественной дѣятельности. Кипучая работа на сторонѣ часто даетъ возможность отцу оставаться въ семьѣ нѣсколько рѣдкихъ часовъ. Забота о домашнемъ очагѣ и семьѣ всецѣло ложится на мать семейства, и она, главнымъ образомъ, становится устроительницею и руководительницею всего семейнаго, домашняго строя; она—всегда съ дѣтьми и можетъ наблюдать во всей постепенности процессъ дѣтскаго развитія, она же можетъ такъ или иначе устроить и обстановку дѣтской жизни. А это имѣетъ великую важность въ дѣлѣ воспитанія у дѣтей воли и личности—характера. Здоровое питаніе и движеніе, пріученіе къ точности движеній, къ произвольному вниманію, психической задержкѣ или подчиненію чувствъ дѣйствию воли—къ сдержанности,—все это должно имѣть мѣсто въ воспитаніи дитяти съ самыхъ юныхъ лѣтъ и можетъ быть только руководимо вѣчно бодрствующей надъ дѣтьми матерью. Періодъ жизни дитяти отъ четырехъ до шести лѣтъ посвящается росту, элементарному развитію личности и познанію самого себя и внѣшняго міра. Важнѣйшимъ вспомогательнымъ орудіемъ того и другого познанія становится теперь слово. Обмѣнъ мыслей съ другими и облеченіе своихъ собственныхъ мыслей и чувствованій въ слова постепенно углубляетъ познанія, даетъ этимъ познаніямъ плоть и кровь и дѣлаетъ раскрывающійся внутренній міръ дитяти болѣе и болѣе для него яснымъ и осязательнымъ. Этотъ внутренній міръ, субъективный, незримый, становится при посредствѣ словъ слышимымъ, понятнымъ, осязательнымъ, объективнымъ. Если великій художникъ слова Тургеневъ черпалъ такую нравственную силу въ словѣ, то что сказать о значеніи родной рѣчи для дитяти, которое находитъ въ ней первый путь, ведущій въ широкую область своей и чужой души. Общеніе со взрослыми, жизнь съ ними составляетъ крупный источникъ умственнаго развитія дитяти въ этомъ періодѣ, когда еще не доступно примѣненіе приемовъ искусственнаго развитія ума. Если таковы факторы элементарнаго развитія въ дитяти воли и самосознанія,—то кто же лучше матери можетъ понимать ихъ и дѣйствовать ими въ

нравственномъ направленіи? Она въ домѣ первый источникъ всякаго авторитета, наученія родному слову и образу мыслей; она служитъ магнитомъ для всѣхъ сердець и полярной звѣздой для всѣхъ глазъ. Подраженіе ей бываетъ постоянное, полное, какое Бэконъ называетъ „цѣлымъ міромъ наставленій“ (Смайльсъ)!

Если всякій педагогическій трудъ есть подвигъ, то материнскій въ особенности. Величіе этого подвига, требующаго отъ матери страданія, самообладанія, глубокаго знанія, мужественнаго терпѣнія, указывается для всякой матери въ пророчесственныхъ словахъ Праведнаго Симеона, обращенныхъ къ Богоматери: „Тебѣ Самой оружіе пройдетъ душу“ (Лук. II, 35). Можетъ быть этотъ крестъ материнства нигдѣ не представляется въ такой чудной религіозной идеализаціи, какъ на картинѣ Рафаэля въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ „Мадонна д'Альба“. Среди цвѣтущаго пейзажа, подъ великолѣпнымъ голубымъ небомъ, облитая лучами горячаго солнца возсѣдаетъ Богоматерь, у колѣвъ Ея Божественный Младенецъ, полуобнятый ея пречистою рукою, и къ нимъ съ дѣтскою радостію подбѣгаетъ младенецъ Іоаннъ и подаетъ Христу... Крестъ. Съ глубокою грустью, съ серьезною задумчивостію, но и со смиренною покорностію взираетъ на этотъ крестъ Богоматерь... какъ бы въ сознаніи неизбѣжности его! Да, каждая мать—христіанка при всѣхъ обоятельныхъ радостяхъ материнства. среди всѣхъ цвѣтущихъ розъ жизни, всегда несетъ въ подвигѣ своемъ свой крестъ... А если такъ, то какой серьезной, и всесторонней, и интеллектуальной и моральной, подготовки требуется для каждой будущей матери! Сколько знаній воспитательнаго дѣла ей требуется и какая сила воли нужна ей при выступленіи на это великое поприще. Какая работа самовоспитанія должна приготовить ее къ дѣлу материнства!... Если глубоко и серьезно взглянуть на это, и сопоставить съ нимъ современную подготовку будущей матери—воспитательницы дѣтей, то должны будемъ сознаться, какъ мало дѣлалось и дѣлается у насъ въ этомъ смыслѣ. Въ среднемъ общедоступномъ женскомъ образованіи широко ли становится преподаваніе педагогики? При-

дается ли ей живой и всесторонній практической характеръ? Дается ли здѣсь серьезное и главное мѣсто изученію психологіи вообще и дѣтской въ особенности? Посвящаются ли будущія матери въ изученіе исторіи материнскаго воспитанія? Какъ трактуются здѣсь обязанности жены, матери воспитательницы? Въ какомъ положеніи здѣсь находится нынѣ наука религіозно-нравственнаго воспитанія: удѣляется ли ей достаточно времени и какъ достигается практическая постановка его? Сколько и другихъ важныхъ вопросовъ возникаетъ при мысли о современной педагогической подготовкѣ женщины! Увы, на этомъ поприщѣ оказывается больше работаетъ не предшествовавшая научная подготовка, но личная инициатива, энергія и талантъ женщины, учащейся своему дѣлу уже во время самаго дѣла. И нужно глубоко преклоняться предъ тѣми доблестными современными женами—матерями, которыя несмотря на все это, мужественно и терпѣливо творятъ свое великое дѣло воспитанія нерѣдко съ удивительнымъ успѣхомъ...

Если обратимся теперь частнѣе къ тѣмъ практическимъ средствамъ, коими должна пользоваться мать—христіанка въ религіозномъ нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей,—то, по опыту историческому и ученію Св. православной Церкви, должны будемъ указать: въ 1-хъ на окружающую дитя внѣшнюю обстановку, 2—на образъ жизни взрослыхъ, поскольку они соприкасаются съ дѣтьми, 3—на частое благоговѣйное осѣпеніе дѣтей крестнымъ знаменіемъ, 4—на посѣщеніе съ дѣтьми Храма Божія и богослуженій, 5—на причащеніе ихъ Тѣломъ и Кровію Христовою, 6—бесѣды матери съ дѣтьми, 7—молитву домашнюю, 8—упражненіе дѣтей въ дѣлахъ благочестія и 9—наставленія отъ духовныхъ лицъ.

При педагогическомъ употребленіи сихъ средствъ важное значеніе имѣетъ воспитаніе въ дѣтяхъ религіозно-нравственныхъ навыковъ, безъ чего вемыслими воспитаніе въ нихъ воли христіанской, христіанскаго характера. Это воспитаніе въ навыкахъ достигается твердостію и постоянствомъ вліянія матери и ея личнымъ примѣромъ.

Но подробнѣйшее раскрытіе этой части материнскаго воспитанія можетъ составить предметъ особаго чтенія. Въ на-

стоящій разъ мы можемъ отослать слушателей къ книгѣ протоіерея Маляревскаго, „О религіозномъ воспитаніи въ семьѣ“, и „первой книжкѣ по Закону Божію для дѣтей“...

Мы разобрали, сколько было по силамъ нашимъ и по времени, основы материнскому вліянію на дѣтей. Остается закончить нашу бесѣду пожеланіемъ, чтобы современное воспитаніе дѣтей больше бы держалось въ благородныхъ рукахъ матерей христіанокъ, чрезъ что онѣ и въ соціальномъ своемъ положеніи пріобрѣтали бы то значеніе, какимъ пользовались въ древне-христіанское время, когда о нихъ восклицали язычники: „о, какія женщины у этихъ христіанъ!“

Священ. П. Оминъ.

Ассиро-вавилонскіе памятники и Ветхій Заѣтъ.

Вопросъ объ отношеніи клинообразныхъ ассиро-вавилонскихъ надписей къ Библии—вопросъ не новыи. Онъ существуетъ давно, возникъ одновременно съ началомъ самыхъ раскопокъ на мѣстѣ, когда-то цвѣтущихъ, теперь неумолимою рукою времени обращенныхъ въ жалкія груды развалищъ глины и кирпича,—городовъ древней Месопотаміи. На западѣ очень рано стали появляться и капитальные печатные труды по данному вопросу, напр. труды, изданные извѣстнымъ ассириологомъ Е. Шрадеромъ еще въ 1872 и 1883 г.г. подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ: „Клинообразныя надписи и Ветхій Заѣтъ“. Раскопки учеными разныхъ странъ съ большимъ усердіемъ ведутся и до настоящаго времени. Глубокій интересъ къ открытіямъ Месопотамскихъ древнихъ памятниковъ очевиденъ. Они живо воскрешаютъ въ нашемъ воображеніи представленіе о странѣ, гдѣ протекала первоначальная жизнь человѣчества, гдѣ началась его исторія и намѣчена дальнѣйшая жизнь. Въ памятникахъ, находимыхъ въ предѣлахъ древней Месопотаміи, живо встаютъ предъ нами со времени отдаленнаго дѣтства извѣстныя картины: рѣки Тигръ и Евфратъ,—орошавшія въ незапамятныя первобытныя времена сады на вѣки исчезнувшаго рая, жилища первыхъ людей, Уръ Халдейскій, родина патріарха Авраама, страна, гдѣ нѣкогда стояла колыбель человѣчества, и съ которой впоследствии была связана судьба Израильскаго и Іудейскаго царствъ. Благодаря трудамъ ученыхъ, выведшихъ своими раскопками щебень и песокъ изъ ихъ многовѣкового гробового молчанія, многое, что было темно и неясно до сихъ поръ, стало яснымъ, получило

живой образъ. Въ частности, значеніе ассиріологіи для Библии и библейской исторіи заключается въ томъ, что она дѣлаетъ историческія библейскія свидѣтельства несомнѣнными, даетъ полный и неопровержимый отвѣтъ глубокой древности на возгласы сомнѣнія и невѣрія, столь свойственныя нашему времени, отличающемуся быстрымъ развитіемъ и добраго, и худого.

Въ позднѣйшее время со стороны нѣмецкихъ оріенталистовъ-богослововъ раціональнаго направленія была обнаружена попытка рѣшительнымъ образомъ поколебать этотъ, уже ставшій традиціоннымъ, взглядъ на значеніе для Библии ассиро-вавилонскихъ памятниковъ, какъ историческаго документа древности, подтверждающаго слово Божіе. Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ два реферата проф. Фр. Деляча на тему о „Вавилонѣ и Библии“¹⁾, рефератъ Реймаруса, подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Вавилонъ и Библия“ и капитальный совмѣстный трудъ извѣстныхъ нѣмецкихъ профессоровъ: д—ра Циммерна, орд. профессора Лейпцигскаго университета и д—ра Винклера, приватъ-доцента Берлинскаго университета, изданный подъ заглавіемъ: „Клинообразныя надписи и Ветхій Завѣтъ“. (Берлинъ 1903 г.).

Прежде чѣмъ познакомить читателей, въ болѣе подробныхъ чертахъ, съ новѣйшими взглядами нѣмецкихъ оріенталистовъ-богослововъ раціональнаго направленія, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать нѣкоторую историческую справку касательно лицъ, которымъ мы обязаны ассиро-вавилонскими открытіями.

Краткій очеркъ исторіи открытій и дешифровки клинообразныхъ надписей древней Месопотаміи мы находимъ въ бро-

1) Первый рефератъ Ф. Деляча „Вавилонъ и Библия“ былъ прочитанъ имъ 18-го января 1902 г. отъ имени нѣмецкаго „Восточнаго Общества“ въ торжественномъ собраніи, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ Вильгельмъ. Референтъ удостоился высочайшаго одобренія и 1-го февраля Делячъ былъ приглашенъ повторить свою рѣчь въ императорскомъ дворцѣ въ присутствіи царственныхъ особъ и избраннаго общества. 2-й рефератъ прочитанъ былъ, годъ спустя послѣ опубликованія перваго, 12 января 1903 г., когда Делячъ вернулся изъ вторичнаго путешествія по Вавилону, и опять въ присутствіи императора Вильгельма.

шиоръ Г. Лемана (Lemana),—извѣстнаго э. о. профессора древней исторіи въ Берлинскомъ университетѣ,—подъ заглавіемъ: „Вавилонская культурная миссія прежде и теперь“ („Babyloniens Kulturmission einst und jetzt“ и, отчасти, въ брошюрѣ другого профессора Боннскаго университета Эдуарда Кёнига, озаглавленной „Библия и Вавилонъ“¹⁾).

Нѣмецкій ученый Георгъ Фридрихъ Гротендъ первый вызвалъ интересъ европейскихъ ученыхъ къ загадочнымъ клинообразнымъ письменамъ. Въ своей работѣ относительно чтенія и толкованія персепольскихъ клинописныхъ текстовъ, представленной въ 1802 году, на латинскомъ языкѣ, Гёттингенской Академіи наукъ, названный ученый обязанъ надписямъ, въ значительномъ количествѣ собраннымъ въ развалинахъ Персеполя Карстеномъ Нибуромъ, отцомъ знаменитаго историка Б. Г. Нибура, во время его большого путешествія по востоку. Копіи Нибура, сдѣланныя имъ чрезвычайно тщательно съ клинообразныхъ надписей, имѣли тексты трехъ различныхъ системъ письма. Персидскія надписи писаны почти исключительно группами знаковъ, имѣющими значеніе буквъ алфавита; въ немъ 38 знаковъ. Карстенъ Нибуръ отдѣлилъ одну отъ другой группы клиньевъ, служащія знаками буквъ, а Мюнтеръ нашелъ, что строки писаны съ-лѣва на-право. Но первый важный шагъ къ дешифровкѣ этого алфавита сдѣланъ Гротендомъ; по гениальной догадкѣ, онъ сумѣлъ найти въ персидскихъ надписяхъ имена царей Дарія (Дархеуша), Ксеркса (Кшерхше) и Гистаспа (Гоштаспаге). Основываясь на дешифрованныхъ буквахъ этихъ именъ, впоследствии два ученыхъ одновременно и независимо другъ отъ друга—Э. Бюрнуфъ, въ Парижѣ, Раулинсонъ, въ Багдадѣ—почти вполнѣ дешифровали персидскую систему клинообразнаго письма. Твердое же прочное основаніе для достовѣрной дешифровки текстовъ положили позднѣйшіе ученые, напр. Бенфей, Оппертъ и Шпигель. Но не такъ успѣшно шло дѣло прочтенія двухъ другихъ параллельныхъ персидской формъ системъ письма, остававшихся

¹⁾ Обѣ эти брошюры изданы въ Берлинѣ 1903 года по поводу пресловутыхъ рефератовъ Делпча о „Вавилонѣ и Библии“. Последняя брошюра, т. е. проф. Кенига вышла уже 10-мъ изданіемъ.

непрочтенными до тѣхъ поръ, пока въ основу дешифрировки не было приято, въ послѣдствіи оказавшееся вѣрнымъ, предположеніе, что въ этихъ системахъ ¹⁾ письма заключаются формы трехъ различныхъ языковъ: одного государственнаго, т. е. персидскаго языка, и двухъ другихъ языковъ, наиболѣе распространенныхъ въ предѣлахъ древней персидской монархіи, подобно тому, какъ въ наши дни, напр. императоръ австрійскій издаетъ свои указы на нѣмецкомъ, венгерскомъ и славянскихъ языкахъ.

Большую услугу въ разборѣ и чтеніи надписей оказалъ президентъ Остъ-Индской компаніи въ Багдадѣ Клавдій Джемсъ Ричъ, положившій начало систематическимъ раскопкамъ въ Месопотаміи и издавшій въ 1820 году первый систематическій сборникъ клинообразныхъ снимковъ съ памятниковъ, найденныхъ имъ 1811 году на одномъ изъ холмовъ противъ Мосула. Послѣ Рича археологическія изслѣдованія Ассиріи и Вавилоніи, мы видимъ, сосредоточиваются въ рукахъ англичанъ (Генри Раулинсона) и французовъ. Изъ послѣднихъ первые лавры въ области изученія клинописи снискалъ себѣ французскій консулъ Э. Ботта, обязанный въ свою очередь первымъ толчкомъ къ раскопкамъ нѣмцу Юлію Молю, профессору восточнаго языка въ Парижѣ. Ботта предпринялъ раскопки въ Хорсабадѣ и Куюнжикѣ - селеніяхъ, лежащихъ на берегу Тигра. Результаты его раскопокъ, — относящіеся преимущественно къ предметамъ бывшаго дворца царя Саргона второго, того самаго, кому обязана своимъ окончательнымъ паденіемъ столица Израильскаго царства — Самарія, — по сію пору хранятся въ Луврскомъ музеѣ Парижа. Двумя годами спустя послѣ Ботты, пріобрѣтаетъ себѣ заслуженную извѣстность ассиріолога англичанинъ Н. А. Лэйардъ, производившій раскопки холма Нимврода (Быт. X, 11) въ Куюнжикѣ. Ему мы обязаны открытіемъ знаменитой по своимъ свѣдѣніямъ изъ различныхъ отраслей культуры бібліотеки Ассурбанипала, послѣдняго царя, при которомъ Ассирія достигла своего величія.

¹⁾ Во второй системѣ насчитывается до 100 знаковъ въ алфавитѣ, а въ третьей — до 400.

Въ основаніе дешифрировки этой библіотеки Лейбардомъ были положены филологическія работы Гротефенда и Раулинсона.

Съ половины XIX вѣка на помощь отдѣльнымъ лицамъ въ столь трудномъ и сопряженномъ съ большими матеріальными издержками дѣлѣ изученія памятниковъ древняго востока выступаютъ спеціальныя „общества ассирійскихъ раскопокъ“¹⁾ и предпринимаются цѣлыя экспедиціи, во главѣ которыхъ мы видимъ, въ 60-хъ годахъ, Хормузда Рассама (въ Мосулѣ), Виктора Пляса (въ Харсабадѣ) и, въ 70-хъ годахъ, англійскаго ассириолога Дж. Смита,—извѣстнаго своими приобрѣтеніями интересныхъ клинописныхъ контрактовъ, въ количествѣ 2500.,—англичанъ Лофтуса и Тейлора (въ южной Вавилоніи). Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія видимъ французскаго консула въ Бассорѣ Э. Де-Сарзека производящимъ раскопки холмовъ Телло, гдѣ находятся развалины большого храма. Къ тому же времени относятся Сузскія открытія французской экспедиціи, подъ предводительствомъ ученыхъ и мужественныхъ супруговъ Дьеляфуа (Dieulafoy). Необыкновенно цѣнныя находки этой четы помѣщены въ Луврскомъ музеѣ, гдѣ онѣ составляютъ достойное дополненіе къ коллекціи де-Сарзека.

Въ 90-хъ годахъ того же столѣтія (прошлаго) Америка начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлѣ раскопокъ Месопотамскихъ памятниковъ. Тамъ даже отчисленъ государствомъ спеціальныи для изслѣдованія Месопотаміи капиталъ; насчетъ этого капитала Пенсильванскій университетъ организовалъ, на подобіе европейскихъ, ученую экспедицію, во главѣ съ Гильпрехтомъ и Питерсомъ, на долю которыхъ выпали находки въ древнемъ Ниппурѣ съ его знаменитымъ храмомъ Бала.

Въ 1886—1887 гг. въ южной Вавилоніи велись успѣшныя по своимъ результатамъ раскопки нѣмецкой экспедиціей, предпринятой комерсантомъ Луисъ Симономъ, а съ 1899 года въ самомъ Вавилонѣ ведутся работы ученой экспедиціей, отправленной „Нѣмецкимъ Восточнымъ Обществомъ“. Успѣхи работъ

¹⁾ Таковыя имѣются въ настоящее время во многихъ европейскихъ и другихъ государствахъ. Самымъ раннимъ по времени появленія было „Англійское общество ассирійскихъ раскопокъ“.

этого общества вообще очень велики и заключаются въ открытіяхъ Ура Халдейскаго (нынѣ деревни Муггейръ), Ереха (Варка), Ларсы (Сенхереха), законовъ вавилонскаго царя Гаммураби (2,200 л до Р. Хр.).

А въ маѣ еще 1898 года Нѣмецкая экспедиція производила археологическія изслѣдованія въ Арменіи, въ странѣ Араратъ (Ugartu) и сѣверной Месопотаміи. Не мало важныхъ открытій здѣсь выпало на долю извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Шульца ¹⁾.

Благодаря самоотверженнымъ трудамъ выше названныхъ ученыхъ лицъ и обществъ явилась возможность весь доставленный раскопками матеріалъ собрать въ одно цѣлое. (Разумѣемъ копіи съ клинообразныхъ надписей). И, дѣйствительно, такіе сборники уже имѣются на западѣ и переведены на разные языки. У насъ подъ руками имѣется сборникъ клинописей въ нѣмецкомъ переводѣ, изданный группою нѣмецкихъ ассиріологовъ (Д-ра Абеля, Д-ра Бефольда, Д-ра Генсена, Д-ра Пейзера, и Д-ра Винклера), во главѣ съ Шрадеромъ, подъ заглавіемъ „Клинописная Библіотека. Собраніе ассирійскихъ и вавилонскихъ текстовъ“ въ 8-ми книгахъ и 6-ти томахъ (Берлинъ. 1889, 1890, 1882, 1896. 1901 гг.)

Мы не будемъ касаться въ этихъ памятникахъ всего того, что освѣщаетъ исторію собственно самой Ассири-Вавилоніи. Уяснить всѣ тѣ нѣмпогочисленные крупные факты и вскрывать массу тѣхъ вещественныхъ памятниковъ, которые служатъ къ обогащенію исторіи самой Месопотаміи не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія. Наша задача болѣе спеціальная и потому ограниченная, именно: отмѣтить месопотамскія открытія, имѣющія отношеніе къ исторіи еврейскаго народа, — къ тѣмъ вѣрованіямъ и сказаніямъ, которыя заключаются въ Библии.

Содержаніе нашумѣвшей на весь ученый міръ рѣчи Ф. Делича о „Вавилонѣ и Библии“ таково. Начавши съ общихъ замѣчаній о важномъ значеніи добытыхъ ассиріологіей данныхъ для пониманія Библии и библейской исторіи, сказавши о томъ, что

¹⁾ С. E. Lehman. *Babyloniens Kulturmission einst und jetzt*. Leipz. 1903 г. S. 12—19. E. König. *Bibel und Babel*. 10-te Auflage. Berlin 1903 г. s. 4—8.

благодаря ассиро-вавилонскимъ открытіямъ многія смутныя и не совсѣмъ понятныя мѣста въ Библии получили освѣщеніе „ожили“, по собственному его выраженію, въ яркихъ образахъ, Ф. Деличъ переходитъ къ главному базису своего реферата, положенію, на которомъ онъ думаетъ основать свои разсужденія о генетической зависимости библейскихъ вѣрованій и сказаній отъ ассиро-вавилонскихъ, о томъ, почему для многихъ библейскихъ разсказовъ мы должны искать болѣе чистую и первоначальную форму, именно, въ ассиро-вавилонской литературѣ. „Когда 12 колѣнь Израиля вторглись въ Ханаанъ, они вошли, говоритъ Деличъ, въ страну, которая всецѣло была областію вавилонской культуры. Незначительная, но характерная черта показываетъ, что тотчасъ, при завоеваніи и разграбленіи перваго Ханаанскаго города Іерихона, жадность Ахана набросилась на вавилонскую одежду (Нав. VII, 21). Но не только индустрія, а также и торговля, и право, и наука Вавилона давали тонъ странѣ. Отсюда сразу понятно, почему ветхозавѣтныя система монетъ, мѣръ и вѣсовъ, а также внѣшняя форма законовъ совершенно вавилонскія, почему ветхозавѣтныя жертвенный культъ и священство глубоко проникнуты вавилонскимъ вліяніемъ. Отсюда замѣчательно то, что израильское преданіе даже не имѣетъ твердыхъ знаній о происхожденіи субботы (Исх. XX, 11 и Вт. V, 15) потому что будто бы покоемъ субботняго и воскреснаго дня мы обязаны древнему культурному народу на Евфратѣ и Тигрѣ, гдѣ, по найденному вавилонскому жертвенному и праздничному календарю, были субботніе дни; 7, 14, 21 и 28 дни мѣсяца“ 1).

Это вышеприведенное основное положеніе Ф. Деличемъ на дальнѣйшихъ страницахъ яко бы выясняется на примѣрахъ; приводится имъ цѣлый рядъ библейскихъ разсказовъ и рядъ параллельныхъ имъ первоисточныхъ, по его мнѣнію, вавилонскихъ мифовъ и легендъ, о потопѣ 2), о міротвореніи 3), грѣхопаденіи 4), объ ангелологіи 5) и проч.

Въ заключительномъ словѣ своей рѣчи Ф. Деличъ касается

1) „Babel und Bibel, Fr. Delitzsh. Лейпцигъ 1903 г. 28—29.

— 2) Ibidem, 29—32.

4) 35—37 ibid.

3) 3435 ibid.

5) 41—43 ibid.

вопроса о происхожденіи еврейскаго монотеизма и почитанія Яеговы ¹⁾ и опять рѣшеніе его сводитъ къ рѣчи о зависимости отъ пресловутаго Вавилона. Въ самомъ еврейскомъ имени Бога „Яегова“, Деличъ слышитъ отголосокъ древне-вавилонскихъ названій божества, встрѣчаемыхъ въ надписяхъ царя Гаммураби. Имена эти: „Ja—a—hve—ilu“, „Ja—ve—ilu“, „Ja—u—um—ilu“, „Яегова есть Богъ“. „Яегова, Суцій, Неизмѣняемый... это имя есть духовная собственность еще тѣхъ (древне-семитскихъ) кочевыхъ племенъ, изъ которыхъ потомъ, спустя тысячелѣтіе, должны были выдти сыны Израиля“.

Такъ, указывая отдѣльнымъ библейскимъ рассказамъ параллельныя сказанія въ вавилонской литературѣ, Фр. Деличъ не задумался поставить библейскія сказанія въ генетическую зависимость отъ ассиро-вавилонскихъ мифовъ и легендъ. Библия, по словамъ Делича, ни въ какомъ случаѣ не можетъ заключать въ себѣ исторически самобытныхъ и оригинальныхъ рассказовъ, потому что они уже существовали почти въ томъ-же видѣ въ ассиро-вавилонской литературѣ. Подобнымъ взглядомъ Делича на отношеніе Библии къ Вавилону предполагается уже *implicite* отрицательное рѣшеніе другого вопроса объ исторической достовѣрности библейскихъ сказаній. Въ самомъ дѣлѣ, если ассиро-вавилонскія вѣрованія и сказанія въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ читаемъ на клинообразныхъ надписяхъ, имѣютъ мифологическое происхожденіе и если они являются первоисточникомъ для библейскихъ сказаній и вѣрованій, то по естественному выводу, Библия, заимствовавшая свои сказанія изъ Вавилона, представляетъ уже собою не болѣе, какъ сборникъ фантастическихъ мифовъ и легендъ. вмѣстѣ съ этимъ, само собой рушится и богооткровенный характеръ ветхозавѣтной израильской религіи, низводимой на степень одной изъ естественныхъ, натуралистическихъ религій человѣчества ²⁾.

¹⁾ Ibid., 46—48.

²⁾ Открытое отрицаніе богооткровенности ветхозавѣтной религіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее понимаемъ, представляетъ второй рефератъ Делича о „Вавилонѣ и Библии“, гдѣ онъ чисто рационалистически выясняетъ понятіе и характеръ божественнаго откровенія. Содержанія второго реферата Делича мы не будемъ перелагать, потому что сущность возрѣній Делича по занимаемому насъ вопросу исчерпывается достаточно его первымъ трактатомъ. Кромѣ того, 2-й ре-

Сходный съ возрѣніями Делича взглядъ на отношеніе Библии къ ассиро-вавилонскимъ памятникамъ проводитъ другой нѣмецкій ученый Реймарусъ въ своей брошюрѣ, носящей такое же заглавіе, какое дано Ф. Деличемъ своему первому реферату „Вавилонъ и Библія“.

Выясняя различныя положенія pro и contra въ вопросѣ объ отношеніи Библии къ ассиро-вавилонскимъ сказаніямъ, г. Реймарусъ въ концѣ подводитъ итоги своему изслѣдованію по данному вопросу. Результаты повѣйшихъ изслѣдованій Библии, въ связи съ изученіемъ ассиро-вавилонскихъ памятниковъ, сводятся, по его мнѣнію, къ слѣдующему:

Во-первыхъ, понятіе Бога по Библии затемнено грубо-чувственными представленіями;

Во-вторыхъ, Библія—не вдохновенное слово Божіе, не откровеніе Бога, а человѣческое произведеніе.

Въ-третьихъ, іудейское монотеистическое понятіе о Богѣ образовалось при посредствѣ вліянія чуждыхъ народовъ изъ политеизма послѣднихъ; въ-четвертыхъ, библейскія сказанія о твореніи міра, о раѣ, изгнаніи прародителей, о потопѣ, столпотвореніи—суть заимствованныя изъ Вавилона саги и не имѣютъ историческаго достоинства; въ-пятыхъ, библейская исторія о происхожденіи израильскаго народа и его религіи, сказанія объ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, Іосифѣ, Моисеѣ, о пребываніи евреевъ въ Египтѣ, дарованіи имъ закона на горѣ Синаѣ, о путешествіи по пустынѣ—суть опять саги, не имѣющія исторической истинности. Библейская вѣра въ ангеловъ, сатану и демоновъ заимствована изъ Вавилона. Многіе законы, узаконенія и обычаи іудейскаго народа, напр. суббота—вавилонскаго происхожденія.

Въ то время, какъ Ф. Деличъ, изслѣдуя разсматриваемый нами вопросъ, ограничивается только сближеніемъ съ Вавилономъ Ветхаго Завѣта, г. Реймарусъ идетъ дальше, дѣлая попытку объяснить на почвѣ вавилонской и Новыи Завѣтъ.

Фератъ не прибавляетъ ничего новаго къ вопросу объ отношеніи Библии къ Вавилону и носитъ преимущественно полемическій характеръ отповѣди нѣмецкимъ богословамъ противоположнаго съ нимъ на этотъ предметъ возрѣніи, осмѣлившимся осудить его язвительными увлеченіи успѣхами ассириологіи и неодобрительно отозваться о его крайнихъ антибиблейскихъ выводахъ.

Эта попытка Реймаруса очень ясно обнаруживается въ слѣдующихъ за вышеприведенными рубрикахъ №№ 6 и 8. Именно: (въ-шестыхъ) Личность Христа вѣроятна, говоритъ Реймарусъ, исторически, но евангельскіе рассказы о Немъ, Его чудесахъ, исторія Его воскресенія суть саги и не историчны. Въ-восьмыхъ ¹⁾, догмы христіанской церкви содержатъ многія *вавилонскія*, *эллинскія*, *іудейскія* и *римскія* воззрѣнія и выработались постепенно. И какъ таковыя, онѣ подчинены духу времени и развитія людей ²⁾.

Переходимъ къ характеристикѣ взглядовъ на отношеніе ассирио-вавилонскихъ памятниковъ къ Библии, изложенныхъ въ третьемъ, имѣющемся у насъ подъ руками печатномъ трудѣ также раціональнаго направленія. Это какъ мы уже выше говорили, объемистый (въ 653 стр.) совмѣстный трудъ гг. Циммерна и Винклера, изданный подъ оглавленіемъ: „Клинообразныя надписи и Ветхій заветъ“ ³⁾. Хотя на обложкѣ этотъ трудъ помѣченъ „3 изданіемъ“ Шрадера, послѣ изданіи 1872 и 1888 гг., но онъ по воззрѣніямъ существенно отличается отъ нихъ и составляетъ совершенно новый трудъ. Въ немъ проводятся взгляды, тождественныя съ рѣчами Делича и, особенно, съ воззрѣніями Реймаруса. Циммернъ и Винклеръ, освѣщая фактическія данныя ассириологіи, всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы объяснить несомнѣнное сходство библейскихъ вѣрованій и сказаній съ вавилонскими генетическою зависимостію первыхъ отъ послѣднихъ. Отсюда, пристрастные разсужденія въ этомъ трудѣ о томъ великомъ посредственномъ и непосредственномъ вліяніи, какое вообще оказала высокоразвитая культура древнихъ мессопотамскихъ народовъ на всю переднюю Азію и въ частности на землю Ханаанскую, гдѣ протекала историческая жизнь еврейскаго народа. Та же попытка, что и у Реймаруса, обосновать новозавѣтную исторію на миеологической почвѣ, поставить евангельскіе рассказы подъ посредственное и непосредственное

¹⁾ Рубрика №№ 7 и слѣдующіе послѣ 8-го опускаемъ, какъ неотносящіеся прямо къ нашему вопросу.

²⁾ Reimarus. „Babel und Bibel“ Leipzig. 1903 г. S. 23—24.

³⁾ Berlin 1903 г.

вліявіе Вавилона характеризуетъ и „Клинообразныя надписи и Ветхій Завѣтъ“ Циммерна и Винклера.

Къ отличительной, сравнительно съ рефератами Делича и Реймаруса, особенности разбираемаго нами труда должно отнести то, что воззрѣнія въ этомъ сочиненіи представлены въ ученой обстановкѣ, проведены съ обычной нѣмецкой корректностью и сдержанностью и, во многихъ случаяхъ, высказаны только предположительно, безъ претензій на безусловную достовѣрность и истинность.

Краткій обзоръ содержанія этого труда можно представить въ такомъ видѣ:

Послѣ небольшого (8 стр.) введенія идетъ первая часть изслѣдованія, посвященная обзору переднеазиатской исторіи въ ея отношеніи къ Хаваану. Сюда входятъ изслѣдованія о вавилонянахъ, месопотамцахъ и ассирійцахъ, нововавилонскомъ царствѣ, персидскихъ царяхъ, о Еллинизмѣ, западныхъ царствахъ: Финикіи, Сидонѣ, Тирѣ и Израилѣ, Тирѣ и Дамаскѣ, арамейцахъ, предъисламской культурѣ Аравіи, южно-арабскихъ надписяхъ, о развитіи городской жизни Палестины, объ Израилѣ и его царяхъ, объ іудействѣ послѣ плѣнномъ и, наконецъ, о хронологіи и времяисчисленіи. S. 9—342.

Во второй части труда идетъ обширное изложеніе взглядовъ на вавилонскую религію въ ея отношеніи къ библейскимъ религіознымъ представленіямъ.

Въ составъ второй части входятъ въ частности изслѣдованія о вавилонскомъ пантеонѣ, вавилонскихъ мифахъ, культѣ, суевѣріяхъ, религіозности и морали, о вавилонскомъ представленіи о мірѣ. Въ заключеніе ко второму отдѣлу своей книги Ц. и В. занимаются уясненіемъ отношенія ассиро-вавилонскаго языка къ еврейскому.

Изложенные рационалистическіе взгляды на Библию Делича, Реймаруса, Винклера и Циммерна, — признавшихъ библейскія вѣрованія и сказанія заимствованными изъ Вавилона, возникшими на почвѣ языческой мифологіи, на основѣ тѣхъ наивныхъ представленій о мірѣ и человѣкѣ, которыя свойственны первымъ ступенямъ культуры, — не являются по своему существу чѣмъ либо совершенно новымъ и необычнымъ для

исторіи Библіи; они суть естественный продуктъ того же „не-вѣрія, которое, по словамъ Вигуру, думало, что египтяне и ассиріяне замолкли на вѣки и смѣло говорило намъ: тѣ со-бытія, которымъ вы ищете подтвержденія въ Халдеѣ и Египтѣ, не существовали никогда“ ¹⁾. И дѣйствительно, раньше зародышъ бытія всѣхъ другихъ народовъ древности искали на берегахъ Нила, центръ древней культурной жизни полагали въ Египтѣ, теперь ученые того же раціоналистическаго направ-ленія, оставаясь при прежнемъ предубѣжденіи противъ Би-бліи, противъ исторической достовѣрности и самобытности ея сказаній, зародышъ и центръ древней культуры тенденціозно переносятъ въ Месопотамскую долину, изъ культуры древнихъ тигро-евфратскихъ народовъ генетически выводятъ всю куль-туру послѣдующихъ вѣковъ—до нашихъ дней включительно.

Приступая къ ближайшему разбору взглядовъ на Библию новѣйшихъ раціоналистовъ, мы должны, прежде всего, отмѣ-тить ихъ рѣшительный, увѣренный тонъ, ту аподиктическую форму, въ какой эти взгляды изложены. Между тѣмъ осторож-ность въ выводахъ изъ Месопотамскихъ открытій въ отноше-ніи къ Ветхому Завету должна внушаться ученымъ ассирио-логамъ современнымъ состояніемъ клинописныхъ текстовъ и состояніемъ самой науки ассириологій, далеко еще не ска-завшей своего послѣдняго слова относительно искусства чтенія ихъ. Глиняныя плитки, находимыя при раскопкахъ древней Месопотаміи, часто оказываются непоправимо испорченными, клинообразное письмо на нихъ—нерѣдко стертымъ или напи-саннымъ крайне неразборчиво. Даже больше: встрѣчаются письмена, иногда и четко написанная, но относительно кото-рыхъ ассириологи оказываются очень нерѣдко не въ состояніи дать одно согласное чтеніе, и читаютъ многіе вавилонскіе фрагменты различно, каждый ассириологъ—по своему, какъ ему кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Полифонизмъ и идеогра-физмъ—вотъ два главныхъ затрудненія, съ которыми прихо-дится встрѣчаться при чтеніи клинописи, и эти затрудненія, бывають иногда очень велики, чему нагляднымъ доказатель-

¹⁾ Vigouroux. Die Bibel und die neucen Entdeckungen in Palästina, in Aegypten und Assyrien. Переводъ Ioh. Ibach-a B. IV. Mainz. 1886. S. 504—506.

ствомъ служить тѣ безчисленные обломки силлабаріевъ и словарей, которые найдены въ развалинахъ. Особенно сильно это разногласіе ученыхъ въ чтеніи однихъ и тѣхъ же ассирио-вавилонскихъ памятниковъ сказалось при спорѣ о вавилонскомъ имени „Іа—и“ ¹⁾ и др. Одинъ знаменитый ассириологъ Сэйсъ, писавшій въ одномъ своемъ сочиненіи о томъ, что „памятники прошлаго несомнѣнно составляютъ болѣе основательныя данныя, чѣмъ предположенія и догадки современнаго теоретика, что таблицы и камни съ письменами составляютъ большую гарантію достовѣрности, чѣмъ литературный тактъ или критическій скепсисъ“, въ другомъ сочиненіи откровенно заявляетъ о своемъ безсиліи ассириолога (дать что-либо безусловно достовѣрное объ историческихъ судьбахъ Вавилона, такъ какъ здѣсь, по его словамъ, приходится „строить зданіе изъ разломаннаго и наполовину только дешифрованнаго текста, изъ сбивчивыхъ намековъ и темныхъ указаній, изъ памятниковъ, многіе изъ которыхъ поздни, а еще большая часть неизвѣстнаго времени“ ²⁾). Къ справедливымъ словамъ Сэйса мы должны добавить еще одно замѣчаніе,—котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя забывать,—о несправедливо смѣломъ усвоеніи новѣйшими раціоналистами безусловнаго значенія вавилоно-ассирийской литературѣ, только въ виду ея глубочайшей древности, въ которой (древности), между тѣмъ, мы можемъ сомнѣваться, потому что многія вавилонскія сказанія, сравниваемые съ библейскими, дошли до насъ въ формѣ очень поздняго времени, не далѣе VII-го вѣка до Рождества Христова, въ тѣхъ копіяхъ, которыя изготовлены были писцами для библіотеки Ассурбанипала (668—626 г. до нашей эры). Таковы особенно важныя сказанія о сотвореніи міра, рассказъ о потопѣ, представляющій собою отрывокъ изъ знаменитой халдейской поэмы о Гильгаметѣ и т. п. Относитъ всѣ эти вавилонскіе рассказы въ настоящей ихъ формѣ къ болѣе глубокой древности, къ

¹⁾ S. König. *Bibel und Babel*. 10-te Aufl. Berlin. 1903. S. 8. Ср. H. Gunkel. *Israel und Babylonien*. 3-tes Tausend Göttingen 1903. S. 9. Ср. Alfr. Jeremias. *Im Kampfe um Babel und Bibel*. 4-tes Tausend. Leipzig 1903. S. 10, и др.

²⁾ Sayce. *Patriarchal Palestine*. London 1895. S. 15—16. Ср. *Lectures on the origin and growth of religion anc. Bab.* p. 1—2. 1888.

третьему тысячелѣтію до Рождества Христова,—можно только предположительно, а потому съ большой осторожностію.

Въ значительной мѣрѣ должна сдерживать ассиріолога въ его выводахъ относительно месопотамскихъ открытій наличность въ клинописныхъ текстахъ тендеціознаго освѣщенія, намѣреннаго замалчиванія или даже прямого искаженія фактовъ, признаваемая (наличность) многими учеными ¹⁾. Мы знаемъ, что Санхерибъ не говоритъ ни слова о неудачѣ и бѣдствіи, постигшихъ его въ концѣ его войны съ Іудеею и Египтомъ; что тотъ же Санхерибъ приписываетъ себѣ побѣду надъ вавилонянами (при Халулэ), которой, на самомъ дѣлѣ (какъ мы узнаемъ изъ другихъ источниковъ), онъ не одержалъ. Если къ намѣреннымъ искаженіямъ истины присоединить неизбежно встрѣчающіяся во всѣхъ рукописяхъ простыя неточности и ошибки, то мы имѣемъ неотъемлемое право на нѣкоторую долю скептицизма.

Все это необходимо помнить при чтеніи глубокоинтересныхъ памятниковъ давно минувшей ассиро-вавилонской эпохи. Говоря такъ, мы далеки отъ того, чтобы умалять хотя сколько нибудь тѣ величайшіе успѣхи, какихъ могла достигнуть настойчивая, энергичная человѣческая мысль въ лицѣ неутомимыхъ геніевъ въ области ассиріологіи за послѣднее десятилѣтіе, но мы только хотимъ сказать, что современная ассиріологія, не смотря на всѣ свои успѣхи, еще не можетъ назваться наукою, безусловно достовѣрною во всѣхъ своихъ частностяхъ, въ ней весьма много проблематичнаго, спорнаго и недоумѣннаго.

Въ виду важнаго значенія, приписываемаго ассиро-вавилонской культурѣ, войдемъ въ болѣе подробное ея изслѣдованіе. Начало и главное основаніе ассиро-вавилонской культурѣ было положено въ Халдеѣ. Эта колыбель всей месопотамской цивилизаціи занимала часть Месопотаміи, лежавшую между Вавилоніей на сѣверѣ и Персидскимъ заливомъ на югѣ. Въ этой Халдеѣ, какъ свидѣтельствуяютъ данныя Библии и клинообраз-

¹⁾ Нанр. С. Р. Tiele, *Babylonisch-assyrische Geschichte*, 2 Theile (1886—1889) s. 372, ср. С. Bezold, *Die fortschritte der keilschriftforschung in neuester Zeit*. 1889. S. 16, ср. E. König. *Bibel und Babel*. 10-te Auflage 1908. S. 10—11, и др.

ныхъ текстовъ, впервые начала развиваться культурная жизнь человечества, возникли первые города, какъ-то: Uruk (Библи. Эрехъ, Быт. X, 10), Uru (Уръ-Халдейскій родина Авраама, Быт. XII, 31), Larsa—столица Ариока, библи. (царя Елассара XIV, 1 и др.). Каковъ же былъ составъ первобытнаго населенія Халдеи, создавшаго ассиро-вавилонскую литературу и положившаго главное основаніе ассиро-вавилонской цивилизаціи? Этотъ вопросъ насколько интересенъ, настолько и труденъ для рѣшенія. По крайней мѣрѣ, попытки къ его разрѣшенію, начавшіяся въ „ассириологіи“ съ самаго почти дня зарожденія этой науки, не достигли безусловныхъ успѣховъ и безспорныхъ результатовъ и до настоящаго времени. Много было высказано различныхъ соображеній, гипотезъ по вопросу о составѣ первоначальнаго населенія Халдеи. Нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ уже опровергнуты встрѣчными фактами и сданы въ архивъ; нѣкоторыя продолжаютъ держаться въ наукѣ еще и до сихъ поръ, потому что болѣе удовлетворительно освѣщаютъ нашъ темный вопросъ. Первоначально древнихъ Халдеевъ считали семитами, принадлежащими исключительно къ семитической расѣ. Но позднѣйшія открытія клинообразныхъ надписей,—содержащихъ часто на одной и той же таблицѣ два рода текстовъ, одного не на семитическомъ языкѣ и другого, очевидно, служившаго переводомъ перваго, на семитическомъ нарѣчій,—убѣдительно показали ложность этого мнѣнія, въ связи съ общимъ представленіемъ о характерѣ семитическаго племени, болѣе склоннаго къ кочевой жизни номадовъ, чѣмъ къ осѣдлой (жизни), при которой только и была возможна самостоятельная разработка халдейской культуры. Оставлено, какъ ошибочно и другое мнѣніе, видѣвшее аборигеновъ Халдеи, создавшихъ такую гравдіозную культуру, въ племенахъ такъ называемой туранской расы, въ виду слѣдующихъ фактовъ: во-первыхъ, о туранской расѣ клинообразныя надписи таятъ глубокое молчаніе, во-вторыхъ, на поприщѣ своего историческаго существованія народности этого урало-алтайскаго племени заявила себя болѣе грубо-инстинктивною, стихійно-разрушительною работою, чѣмъ благородно-созидательною. Въ настоящее время по вопросу о составѣ Халдей-

ской народности господствуетъ мнѣніе о хамитическомъ происхожденіи Халдейской цивилизаціи—черезъ Кушитовъ, потомковъ Хуша, сына Хамова. Оправдываясь научными данными лингвистическаго и этнографическаго свойства ¹⁾, эта гипотеза съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее и большее число защитниковъ среди видныхъ ученыхъ ассириологовъ запада, нерѣдко даже среди сторонниковъ и горячихъ поклонниковъ вавилонской культуры. По словамъ ученаго Гункеля, грандіозная культура Вавилопа создана не семитическимъ народомъ, а другимъ—сумирами, отъ которыхъ затѣмъ она была воспринята семитическими поселенцами и продолжена ими ²⁾. Академіи же, говоритъ другой ученый Ленорманъ, составляли другую вѣтвь Кушитовъ Халдеи, жившую нѣсколько сѣвернѣе кушитовъ-сумерійцевъ и имѣвшую на своей территоріи городъ Вавилонъ ³⁾.

Изъ другихъ ученыхъ-защитниковъ первоначальнаго кушитскаго населенія древней Халдеи обращаетъ вниманіе г. Дикманъ. Замѣчательное безпристрастіе, при серіозной научности, отличаетъ этого ученаго, преимущественно предъ другими учеными запада. При рѣшеніи даннаго вопроса, т. е. вопроса о

1) Данные лингвистики, говорящія въ пользу Кушитскаго происхожденія халдейской цивилизаціи, указываетъ г. Фр. Деличъ въ своемъ сочиненіи „Wo lag der Paradies“? S. 128—129. (Leipzig 1881), гдѣ производитъ филологическій анализъ слова „Kasdim“, служащаго въ единообразныхъ текстахъ для обозначенія Халдеи. Оказывается, по мнѣнію этого ученаго, слово „Kas-dim“ составлено изъ двухъ—„da“, означающаго округъ, и „kas“—народъ, заселяющій этотъ округъ, и притомъ не вообще народъ, а опредѣленнаго происхожденія отъ Хама черезъ его сына Хуша,—Кушитовъ (Kas, Kassu или Has). Этнографическія же данныя заключаются въ томъ сродствѣ, какое замѣчается въ основнхъ элементахъ халдейской цивилизаціи съ произведеніями египетско-кушитской; возьмемъ для примѣра ассиро-вавилонскій шрифтъ и, если прослѣдить его развитіе по памятникамъ, относящимся къ разнымъ періодамъ времени, мы замѣчаемъ, что шрифтъ надписей болѣе древняго времени въ начертаніи носитъ болѣе ясныя слѣды сходства съ іероглифическимъ письмомъ Египта, тѣмъ единообразные знаки на памятникахъ поздняго времени. Или еще примѣръ, болѣе осязательный, заключающійся въ совпаденіи чертъ, характеризующихъ населеніе древняго Египта и Халдеи. Склонность Халдеевъ къ постройкамъ и разнаго рода сооруженіямъ и вообще замѣчательная способность къ матеріальной культурѣ, отличающая памятники древнихъ Халдеевъ, свойственнымъ были и Кушитскому населенію Египта.

2) Gunkel, Israel und Babylonien, 3—es Tausend, Gottingen 1903. S. 6.

3) Lenormant, Babelon IV, 59 p. Paris. 1885.

томъ, какому народу или племени обязана своимъ существованіемъ и широкимъ развитіемъ рассматриваемая ассиро-вавилонская цивилизація, г. Дикманъ не ограничивается только клинообразными текстами, но удѣляетъ большое вниманіи Библии, какъ историческому памятнику. Рядомъ съ купитскимъ племенемъ, правда преобладающимъ, онъ признаетъ нѣкоторую долю участія въ общемъ образованіи халдейской культуры и за другими народностями, въ частности допускаетъ вліяніе семитизма ¹⁾. Принимая этотъ взглядъ, справедливость его мы легко можемъ показать, какъ данными клинообразныхъ текстовъ ²⁾, такъ и свидѣтельствами Библии, довольно ясно говорящими о смѣшанномъ характерѣ первоначальнаго населенія древней Халдеи. Долина Сennaаръ, находящаяся въ южной области Тигра и Евфрата, въ книгѣ Бытія (X, 1—10) ясно представляется культурнымъ центромъ, основаннымъ смѣшанною культурно-гражданскою національностью кушито-семитическаго происхожденія, извѣстною въ наукѣ подъ именемъ сумерійско-аккадійской народности. Въ самомъ дѣлѣ, когда Кушиты во главѣ съ звѣроловомъ Нимвродомъ двинулись въ Сennaарскую долину, то они нашли уже тамъ достаточно развѣвшуюся общественную жизнь, потому что тамъ уже были благоустроенные (въ тогдашнемъ смыслѣ) города, по отношенію къ которымъ Кушитъ Нимвродъ явился побѣдоноснымъ завоевателемъ. Несомнѣнно, съ покореніемъ городовъ кушитами, подъ власть послѣднихъ подпали и тѣ народности, которыя оставались здѣсь послѣ міровой драмы (разсѣянія). Этому-то смѣшанному населенію, господствовавшему въ древней Халдеѣ или, по книгѣ Бытія, въ долинѣ Сennaаръ, и была обязана своимъ началомъ и главнымъ основаніемъ знаменитая ассиро-вавилонская культура, сохранившаяся въ памятникахъ клинообразной литературы.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о дѣйствительныхъ предѣлахъ культурнаго вліянія Вавилона на библей-

1) Chr. Dieckmann. Gilgames-Epos... 1902. S. 98—100 sp. 84—92.

2) E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, B. III. I. Halfte 1892 Berlin S 92 nr. 9. S. 94 nr. 14. S. 96 nr. 36. S. 98 nr. 7 и др. Cp. Schrader, Keilinschrift. u. A. T. 2 Aufl. 1883. S. 88.

скія времена народа Божія и приведемъ мнѣнія наиболее авторитетныхъ западныхъ ученыхъ касательно этого вопроса. Такъ, одинъ изъ нихъ г. Леманъ, извѣстный профессоръ древней исторіи въ Берлинскомъ университетѣ, въ своей брошюрѣ: „*Babyloniens Kulturmission einst und jetzt*“ говоритъ: „безспорно въ области ветхозавѣтныхъ отношеній лежатъ культурная миссія Вавилона, но только болѣе въ области подготовки и формы, чѣмъ окончанія и религиозно-этического содержанія; а различіе между формой и содержаніемъ звучитъ сильно“¹⁾. По мнѣнію другого ученаго запада—Гункеля, эпоха особеннаго вліянія Вавилона совпадаетъ съ тѣмъ извѣстнымъ временемъ высоты ассирійскаго царства (VII в. до Р. Х.), когда вавилонскіе боги, какъ боги мірового царства, во всемъ переднемъ азіатскомъ мірѣ имѣли значеніе могущественныхъ боговъ: это то самое время, когда египетскіе города официально носили вавилонскія названія и когда вавилонскіе боги почитались городами Іудей: ихъ образы и алтари стояли тогда въ храмѣ Іеговы на Синаѣ. Понятно вліяніе Вавилона на іудеевъ при Навуходоносорѣ, когда послѣдній всю военную добычу перевелъ въ Вавилонъ. Послѣ-плѣнное іудейство подверглось вліянію міровой культуры во всѣхъ областяхъ внѣшней жизни; въ столѣтіе послѣ плѣна даже туземный (отечественный) языкъ былъ забытъ и воспринятъ былъ господствовавшій надъ всѣмъ семитическимъ культурнымъ міромъ арамейскій языкъ. Но много важнѣе, чѣмъ эта позднѣйшая эпоха, то, что мы знаемъ изъ Телль-Амарнскихъ плитокъ, что Ханаанъ уже предъ вступленіемъ въ него Израиля былъ поглощенъ вавилонскимъ вліяніемъ. Когда Израиль вступилъ въ Ханаанъ, онъ подпалъ подъ непосредственное вліяніе Вавилона. Нѣтъ, поэтому, говоритъ далѣе г. Гунцель, нѣтъ ничего удивительнаго, если древнѣйшіе рассказы объ Іаковѣ и Лаванѣ, объ Агари и Саррѣ предполагаютъ вавилонское законоположеніе. Вліяніе понятно, потомучто область Израиля лежала на большой дорогѣ, которая вела отъ Вавилона въ Египеть. По этой міровой дорогѣ шли купцы съ ихъ товарами, завоеватели съ ихъ войсками, а за ними также

¹⁾ Leipzig, 1903. S. 25.

(текли) мысли, мненія, саги и религія. Что такимъ путемъ вавилонская религія шла въ Ханаанъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; напротивъ, это можетъ быть показано примѣрами: гора „Синай“ названа такъ по имени вавилонскаго бога-луны (Sin), гора „Небо“ гдѣ Моисей умеръ, названа по вавилонскому „небо“ т. е. Меркурій¹⁾. Но и этотъ поклонникъ вавилонской культуры не допускаетъ безусловной зависимости Израиля отъ Вавилона, даже въ такихъ случаяхъ, повидимому, несомнѣннаго вліянія Вавилона, какіе мы находимъ въ повѣствованіяхъ о потопѣ и твореніи міра. Нѣсколькими страницами ниже въ той же брошюрѣ Гункель говоритъ: „израильская традиція вовсе не представляетъ простаго повторенія вавилонской, но—истинное чудо міровой исторіи—преобразовала ее самымъ радикальнымъ образомъ; она превратила шлакъ въ золото. Не должны-ли мы, поѣтому, какъ христіане радоваться, что въ вавилонской оригинальной версіи мы нашли мѣру, чтобы посредствомъ нея измѣрить насколько ближе Богъ, въ Котораго мы вѣруемъ, былъ къ древнему Израилю, нежели къ Вавилону“²⁾. По словамъ третьяго ученаго г. Будде, проф. богословія въ Марбургскомъ университетѣ, непоколебимые факты приводятъ къ обратному заключенію относительно вліянія Вавилона. „Въ то время, когда Ханаанъ не стоялъ еще подъ непосредственнымъ городскимъ вліяніемъ вавилонскаго и ассирійскаго царства, Израиль (въ то время) могъ развиваться сравнительно самостоятельно... Отъ XV в. до IX в. до нашей эры о прямомъ вліяніи Месопотаміи на страну Ханаанъ не можетъ быть рѣчи, потому что это прямо періодъ расцвѣта израильской народной силы и обоихъ израильскихъ царствъ“³⁾. Наконецъ, Е. Кёнигъ говоритъ: „вообще вліяніе вавилонской культуры на исторію народовъ преувеличивается болѣе, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; нельзя оспаривать на ея основаніи самостоятельность семитическихъ народовъ передней Азіи и, главнымъ образомъ, евреевъ, потому что тщательныя изслѣ-

1) Herm. Gunkel, Israel und Babylonien. 3-es Tausend, 1903. S. 13—14. sp. 15—17.

2) Ibidem. S. 23.

3) Das Alte Testament und die Ausgratungen. Giessen 1903. 2 Aufl. S 39 я пр. I.

дованія вопроса объ отношеніи вавилонской культуры къ міровой исторіи приводятъ къ отрицательному выводу и прямо доказываютъ несправедливость тѣхъ, кто утверждаетъ, что при посредствѣ изученія Вавилоніи наши понятія о міровой исторіи должны кореннымъ образомъ измѣниться¹⁾.

Для доказательства зависимости евреевъ отъ Вавилона, господствовавшаго въ Ханаанѣ, Фр. Деличъ ссылается на то, что евреи принадлежали къ ханаанскимъ племенамъ, „религія которыхъ съ ихъ богомъ Оаммузомъ, съ ихъ Ашерами носитъ будто бы очевидные слѣды вавилонскаго вліянія“, и что „предъ поселеніемъ сыновъ Израиля вблизи Іерусалима было мѣсто, называвшееся Bit—Ninib по имени вавилонскаго бога Ниниба, если только въ самомъ Іерусалимѣ не было Bit—Ninib'a, храма бога Ниниба²⁾“.

Г. Кеннгъ въ своемъ изслѣдованіи „Bibel und Babel“ убѣдительно показываетъ сомнительность почвы, на которой опирается „панвавилонизмъ“ Делича въ Палестинѣ. Онъ открываетъ въ Телль-Амарнскихъ надписяхъ,—которыя, по мнѣнію Делича, больше всего говорятъ о господствѣ въ Палестинѣ вавилонской культуры,—Kinaḥaaiu или жителей страны Kina-ah-hi или Kina-oh-ni (na), отличающихся отъ Habiri (179, 19 и пр.), подъ которыми разумѣваютъ Евреевъ³⁾. Что касается другого предположенія Делича,—положеннаго имъ въ основаніе „панвавилонизма“ въ Палестинѣ,—что Авраамъ, праотецъ народа Еврейскаго былъ Хананеянинъ, то оно, кромѣ ученыхъ Лепсіуса, Гоммеля, Іенсена, нашло сильное опроверженіе въ доводахъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Дикмана. Послѣдній, основываясь на строгомъ изученіи библейскихъ данныхъ, неоднократно подчеркивающихъ это различіе (Быт. IX, 22; XIX, 5; XII, 6; XX, 11) и называющихъ Хананеемъ

¹⁾ E. König. *Babyloniens Kultur und die Weltgeschichte*. Berlin 1903. S. 31, 32, 42.

²⁾ Delitzsch, *Babel und Bibel*, 4-te Ausgabe s. 28, 61 пр. 12. ср. Zimmer's а въ 3 изд. Schrader'a „*Die Keilinschriften und das Alte Testament*. S. 411.

³⁾ E. König, *Bibel und Babel*. 10-te Aufl. S. 18. 19. 68. Впрочемъ, Іереміасъ пишетъ: хотя имя Habiri несомнѣнно тождественно съ именемъ Еврей, но этимъ еще далеко не говорится того, что Habiri Телль-Амарнскихъ надписей являются Евреями „12-ти колѣнъ“ (Im Kampfe um Babel und Bibel S. 15).

неистиннаго израильянина (Ос. XII, 8 ср. Зак. XIV, 21.), и данныхъ эпоса-Гильгамеша, доказываетъ документально точно, что семиты ни въ какомъ случаѣ не могли быть хананеями, а Авраамъ хананеемъ, потому что хананеи—хамиты, которые уже прочно успѣли засѣсть на берегахъ моря, когда пришелъ Авраамъ изъ Ура Халдейскаго (Kasdim), и были въ грубомъ идолопоклонствѣ, которое заставило Авраама снова перекочевать изъ Ханаана въ Харрахъ (Быт. XI, 31, XII, 5). „И этотъ Авраамъ, говоритъ г. Дикманъ, долженъ быть хананеемъ! Какъ можно такъ запутывать исторію!“ „Вспомни исторію жены хананеянки“. Что сказалъ Господь этой женѣ, дочь которой была одержима злымъ бѣсомъ? „Не хорошо, говоритъ Овь, „брать хлѣбъ отъ дѣтей и бросать его псамъ“. Здѣсь указанъ характеръ первоотношеній обоихъ народовъ. Хананеи—псы, Израильяне—дѣти ради пророчества. И замѣчательно, жена безпрекословно признаетъ это первоотношеніе двухъ народовъ; вѣдь говоритъ она: „да, Господи, и псы ѣдятъ отъ крохъ, падающихъ со стола господъ ихъ“. Господа и псы! Это первоотношеніе выступаетъ въ вавилонской поэмѣ о Гильгаллемѣ ¹⁾, о чемъ рѣчь будетъ ниже ²⁾.

Изложенныя мнѣнія западныхъ ученыхъ о вліяніи Вавилона на міровую исторію древнихъ народовъ и, въ особенности, Евреевъ убѣдительно говорятъ, во-первыхъ, о томъ, что „пан-вавилонизмъ“ Делича и другихъ не есть какое-либо безспорно очевидное положеніе въ современной ассириологіи, а только гипотеза, какихъ много ³⁾, при томъ же сильно нуждающаяся въ убѣдительныхъ доказательствахъ въ пользу своей достовѣрности и имѣющая противъ себя многочисленный рядъ против-

¹⁾ Chr. Dieckmann, Gilgamis-Epos... Leipzig 1903. S. 101—108 ср 115, 122 и друг.

²⁾ См. ниже главу „о достовѣрности библич. личности Нимрода при свѣтѣ вавилонскаго эпоса—Гильгамеша.“

³⁾ Сначала, говоритъ Кенигъ, происхожденіе израильскаго монотеизма ищѣли въ Египтѣ (Бругниъ), потомъ въ Ханаанѣ (или Финикіи, Гартманъ, Коленсо, Ландъ), короче выводили отъ предъисламскихъ арабовъ (Шмендъ), а теперь хотятъ вывести изъ Вавилона (Деличъ). Надо надѣяться, что въ будущемъ будутъ изъяснять израильское изъ самого же Израили. Bibel und Babel, 10-te Aufl. S. 44.

никовъ изъ среды видныхъ представителей ассиріологической науки, во вторыхъ, ясно подчеркиваютъ тотъ произволь, съ коимъ новѣйшіе раціоналисты проводятъ свои тенденціозные взгляды, стараясь обосновать ихъ на недоказанныхъ гипотахъ, положеніяхъ, не только не призванныхъ въ научномъ мірѣ за несомнѣнныя, но даже основательно оспариваемыхъ значительнымъ числомъ корифеевъ ассиріологіи. Правда нѣкоторые выводы Делича и ему подобныхъ построены на фактахъ сходства древне-израильскихъ вѣрованій, нравственныхъ понятій и религіозныхъ установленій, фактахъ, признаваемыхъ даже противниками Делича. Съ другой стороны, фактъ сходства библейскихъ сказаній съ вавилонскими самъ по себѣ говоритъ только о сходствѣ и не даетъ достаточнаго основанія для какихъ либо дальнѣйшихъ умозаключеній, тѣмъ болѣе видѣть въ языческой мифологіи Вавилона послѣднее основаніе библейской первобытной исторіи человѣчества, первый глубочайшій корень нравственныхъ и религіозныхъ учрежденій древняго Израиля. Кромѣ того, фактъ сходства библейскихъ предавій о первобытной жизни человѣчества съ преданіями древнихъ Тигро-Евфратскихъ народовъ можетъ быть объясненъ иначе и безъ того насилуванія фактовъ и логики, каковое характеризуетъ доводы раціоналистовъ, именно: сходство преданій объясняется тѣмъ, что въ основѣ ихъ лежатъ дѣйствительныя событія; а что нѣтъ нужды подозрѣвать на основаніи сходства преданій ихъ родственное (генетическое) происхожденіе, въ этомъ насъ убѣждаетъ то, въ чемъ сходны библейскія преданія о первобытныхъ временахъ человѣчества съ вавилонскими: въ сравниваемыхъ съ Библией преданіяхъ вавилонскихъ сходство заключается не по духу и въ взглядахъ ихъ на происхожденіе, а въ описаніи фактовъ, причемъ самые факты эти въ вавилонскихъ сказаніяхъ распределяются неодинаково съ Библией, очевидно, вавилоняне не знали, куда отнести событіе, о которомъ рассказывали ихъ предки, потому что часто мѣсто одного и того же событія приурочивали то къ землѣ, то къ небу. Исходя изъ вполне достовернаго исторически предположенія объ общемъ (какъ для Евреевъ, такъ и для Вавилонянъ) источникѣ преданій объ

отдаленныхъ доисторическихъ временахъ человѣчества,—каковымъ (источникомъ) служить первооткровеніе, сохранявшееся въ человѣкѣ до его раздѣленія на отдѣльные народы,—съ тѣмъ лишь различіемъ, что у еврейскаго народа эти преданія, благодаря особому водительству Божію, сохранялись въ болѣе чистомъ видѣ и, слѣдовательно, ближе къ первопреданію, у Вавилонянъ къ этимъ первоначальнымъ преданіямъ пристали различнаго рода наслоенія, въ зависимости отъ различныхъ условій культурной жизни этого народа,—мы получаемъ фактъ сходства совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи, при этомъ, нисколько неопасномъ для традиціонныхъ возрѣній на сверхъестественный характеръ ветхозавѣтной исторіи: напротивъ, такого рода факты, при свѣтѣ божественнаго откровенія, могутъ показать и въ искаженныхъ преданіяхъ Ассиро-Вавилоніи основные элементы истины, равно какъ и то, что сущность библейскихъ повѣствованій о первобытной міровой жизни, поскольку она отразилась въ памятникахъ Ассирававилонянъ, принадлежитъ временамъ глубочайшей древности, первобытной эпохѣ исторіи человѣчества, потому что древность халдейскихъ памятниковъ преданій захватываетъ вѣка, далеко превосходящіе эпоху Авраама, родоначальника еврейскаго народа. Поэтому, отношенія халдейскихъ фабулъ,—поскольку въ нихъ сохранилось историческое зерно, поскольку подъ своеобразнымъ ихъ колоритомъ сокрыта извѣстная всему человѣчеству чистая истина—къ библейскимъ повѣствованіямъ сводятся къ тому, что онѣ служатъ къ объясненію Библии, къ вышнему объективному подтвержденію находящихся въ ней древнѣйшихъ традицій, а Библия въ свою очередь помогаетъ ихъ правильному пониманію, къ выдѣленію въ нихъ плака отъ золота.

Послѣ общихъ замѣчаній о происхожденіи, составѣ и значеніи халдейской литературы переходимъ къ частнымъ предметамъ нашего изслѣдованія. Начнемъ съ разбора главныхъ выводовъ Делича, прежде всего, относительно библейскаго монотеизма и библейскаго божественнаго имени Іегова.

П. О. Н.

(Продолженіе будетъ).

Къ вопросу объ отношеніи русскаго человѣка къ философіи, по мнѣнію И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевскаго.

Сороковые годы истекшаго столѣтія въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы замѣчательны попытками теоретически разрѣшить вопросъ о томъ, въ какое отношеніе должны поставить себя русскіе люди къ западно-европейской образованности? Изящная литература наша также не осталась чуждою этому движенію, раздѣлившему, между прочимъ, нашу интеллигенцію на два лагеря, сообразно двумъ различнымъ точкамъ зрѣнія, которыя прилагались къ рѣшенію этого вопроса (разумѣемъ „западничество“ и „славянофильство“). Какъ вѣрная отобразительница жизни, литература эта могла подать свой голосъ уже гораздо позже теоретическаго рѣшенія вопроса, когда жизнь, на почвѣ такого или иного рѣшенія его, успѣла уже выработать типы людей, усвоившихъ себѣ эти теоріи. Задача произведеній изящной литературы, касавшихся этого предмета, заключалась въ томъ, чтобы показать практическіе результаты для русской жизни западнической и славянофильской точекъ зрѣнія. Такъ мы понимаемъ идею весьма многихъ произведеній И. С. Тургенева, который былъ типичнымъ представителемъ у насъ западничества, и съ особенною силою выразилъ эту идею въ повѣсти „Рудинъ“. Въ этой повѣсти талантливый писатель далъ намъ три замѣчательныхъ типа русскихъ людей пятидесятыхъ годовъ. Въ Рудинѣ—идеально высокій типъ русскаго гегельянца; въ Пи-

гасовѣ только нарождавшійся тогда типъ эмпирика—позитивиста; наконецъ, въ Лежневѣ—типъ русскаго человѣка, нашедшаго въ себѣ силу, среди всеобщаго почти въ средѣ нашей интеллигенціи увлеченія западно европейскими вѣяніями и идеями, остаться по убѣжденіямъ русскимъ человѣкомъ.

Такъ какъ, при этомъ всеобщемъ почти увлеченіи нашей интеллигенціи западно-европейскими теоріями и ученіями, русскіе люди въ массѣ всетаки оставались глухими къ страстной проповѣди поклонниковъ этихъ теорій и ученій, а при случайномъ стремленіи къ насильственному привитію ихъ—оказывали даже сопротивленіе, то и возникло мнѣніе, что русскій народъ, по своей тупости и невѣжеству, неспособенъ, а по лѣни—и несклоненъ къ усвоенію философскаго богатства Европы. Эту мысль, между прочимъ, мы встрѣчаемъ и въ повѣсти „Рудинъ“. Мѣсто повѣсти, въ которомъ она содержится, обращаетъ на себя вниманіе потому, что во-первыхъ можетъ привести къ весьма нелестному для русскаго человѣка заключенію объ его интеллектуальныхъ силахъ; а во вторыхъ оно стоитъ въ противорѣчьи съ ясно выраженнымъ мнѣніемъ Достоевскаго о русскомъ человѣкѣ („все настоящіе русскіе—философы“. „Братья Карамазовы“ ч. IV, кн. XI, гл. IV). Рѣзкая мысль, высказанная въ повѣсти Тургенева, нуждается въ безпристрастномъ разборѣ и истолкованіи. На ней мы и остановимся, и, для ясности, приведемъ выдержку изъ повѣсти „Рудинъ“, заключающую въ себѣ эту мысль (гл. XII).

Возражая позитивисту Пигасову, Лежневъ, въ защиту Рудина, между прочимъ, говоритъ такъ: „Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ!“ (Само собою, конечно, понятно, что Лежневъ высказываетъ при этомъ взглядъ на философію позитивистовъ; но дальше онъ говоритъ уже о своемъ личномъ отношеніи къ философіи, какъ типичный представитель будто бы истинно русскихъ людей своего времени). „Я, продолжаетъ онъ, самъ немного ее жую и плохо ее понимаю; но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него.

слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить, чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и знанію“. Здѣсь Лежневъ, устами котораго говоритъ самъ авторъ повѣсти „Рудинъ“, характеризуетъ отношеніе современнаго ему здраваго и интеллигентнаго русскаго человѣка къ философіи: онъ ее не долюбиваетъ и плохо ее понимаетъ; онъ находитъ, что ея хитросплетенія и бредни никогда не прививаются къ русскому, и онъ, — что самое главное, — современную ему философію противопоставляетъ всякому честному стремленію къ истинѣ и знанію. А такъ какъ обычное и наиболѣе общее понятіе о философіи есть именно то, что она есть результатъ честнаго стремленія человѣческаго ума къ истинѣ и знанію, то, значитъ, Лежневъ, усвоившій себѣ, какъ видно изъ его же словъ, это понятіе о философіи, говоритъ здѣсь не о философіи въ указанномъ истинномъ значеніи этого слова, а о чемъ то другомъ. Что же это за философія, которой не долюбиваетъ и которую плохо понимаетъ русскій человѣкъ и которая не есть въ глазахъ его результатъ честнаго стремленія къ истинѣ и знанію? Понятно, что подъ „философіей“ Лежневъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ всѣ тѣ западно-европейскія системы и ученія, идеи которыхъ попеременно овладѣвали сознаниемъ русской интеллигенціи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Эти системы и ученія, конечно, не сами въ себѣ, а въ ихъ усвоеніи сознаниемъ русскихъ людей, не были, по мнѣнію Лежнева, результатомъ честнаго стремленія русскихъ людей (хотя и не всѣхъ) къ истинѣ и познанію; въ русскомъ сознанин нѣтъ почвы, на которой онѣ могли-бы возрасти и къ которой могли-бы быть привиты. Поэтому то русскій человѣкъ и „плохо ихъ понимаетъ“. А такъ какъ увлеченіе идеями этихъ системъ и ученій приводило къ невыгоднымъ для русской жизни практическимъ послѣдствіямъ, то понимающій это здравомыслящій интеллигентный русскій человѣкъ имѣлъ полное основаніе и право „не больно ихъ жаловать“. Большой бѣды для Россіи отъ этого увлеченія идеями западно-европейскихъ системъ и ученій онъ однако не видитъ, такъ какъ увѣренъ, что это увлеченіе ни-

какимъ образомъ не затронетъ русскій народъ во всей его массѣ: „философическія хитросплетенія и бредни, по его мнѣнію, никогда не привьются къ русскому потому, что на это у него слишкомъ много здраваго смысла“.

Можно ли теперь видѣть въ этихъ словахъ Лежнева подтвержденіе той мысли, что будто русскій народъ, по своей тупости, суевѣріямъ и невѣжеству, неспособенъ, а по лѣни и не склоненъ къ философствованію?

Истинная точка зрѣнія Лежнева уяснится для насъ изъ опредѣленія того понятія, какое онъ соединяетъ со словами „русскій здравый смыслъ“. Итакъ, въ чемъ же, по Лежневу, заключается здравый смыслъ русскаго человѣка? Ясно, что если онъ, этотъ здравый смыслъ русскаго человѣка, по мнѣнію Лежнева, является причиною того, что къ русскому человѣку не прививаются философическія хитросплетенія и бредни, то это обстоятельство указываетъ въ немъ свойство и возможность критически относиться ко всякому новому явленію въ области мысли. Въ свою очередь, эта критическая способность предполагаетъ въ немъ крѣпкую, несомнѣнно оригинальную психическую организацію, въ силу которой только и возможно критическое отношеніе къ явленіямъ, должно же это критическое отношеніе къ явленіямъ на чемъ нибудь опираться и изъ чего нибудь проистекать,—словомъ предполагаетъ своего рода систему, хотя еще и не вполне сознательную и не приведенную въ ясную связь философскихъ понятій. А если такъ, то, значитъ, подъ здравымъ смысломъ русскаго человѣка Лежневъ разумѣетъ не отдѣльную какую нибудь способность или свойство русскаго ума, а весь его своеобразный, исключительно только русскому уму свойственный складъ, будущую систему его философскихъ понятій, національное русское міровоззрѣніе, ту „русскую суть“, о которой Тургеневъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „насъ хоть въ семи водахъ мой, а этой сути изъ насъ не вымоешь“ ¹⁾. Что же это за „суть“? Откуда она возникла у русскаго человѣка? Образованіемъ въ себѣ этой „суть“

¹⁾ Соч. Тургенева изд. 1874 г. т. I, стр. 12.

русскій народъ обязанъ вѣрѣ православной: подъ ея вліяніемъ образовался русскій народный духъ, русскій характеръ, русскій взглядъ на предметы; она же наложила свою печаль и на нравы и обычаи русскаго человѣка и, значитъ, запечатлѣла своимъ характеромъ всю его жизнь. Впрочемъ, точнаго опредѣленія этой русской „суть“ Тургеневъ не далъ: онъ только твердо настаивалъ на ея существованіи и доказывалъ „что усвоеніе нами европейской образованности будетъ плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если просвѣщеніе наше будетъ имѣть своимъ корнемъ и источникомъ именно эту русскую „суть“.

Такъ думалъ западникъ Тургеневъ, и въ этомъ смыслѣ Тургенева справедливо называютъ „предтечей“ Достоевскаго, подготовившимъ почву для положительныхъ сѣмянъ музыки (вообще литературной дѣятельности) Достоевскаго. Великая заслуга Достоевскаго передъ русскимъ народомъ и обществомъ въ томъ именно и заключается, что онъ, первый изъ поэтовъ, намѣтилъ типы носителей этой русской „суть“—нашего національнаго міровоззрѣнія во всей его цѣлостности. Для насъ не важно то, что въ опредѣленіи отдѣльныхъ чертъ этого міросозерцанія Достоевскій погрѣшилъ; ¹⁾ для нашей цѣли достаточно констатировать тотъ фактъ, что Достоевскій, заодно съ Тургеневымъ, признаетъ не только возможность, но и реальность существованія національно-русскаго міросозерцанія и опредѣляетъ его, какъ міросозерцаніе православно-христіанское. Уже за это принятіе въ свою—суть Христа и Его ученія Достоевскій называетъ нашъ народъ просвѣщеннымъ. Но онъ знаетъ еще духовную жажду нашего народа, онъ знаетъ тотъ высокій интересъ къ уразумѣнію Божественной истины, которымъ всегда отличался русскій народъ во всей своей совокупности; знаетъ и тотъ, можно сказать, энтузіазмъ, которымъ всегда отличалась русская интеллигенція въ дѣлѣ рѣшенія высшихъ вопросовъ знанія и жизни. Въ романѣ „Братья Карамазовы“ Достоевскій и выразилъ именно это честное стремленіе русскихъ къ истинѣ и знанію и въ согласованіи философскихъ

¹⁾ Какъ доказываетъ проф. П. И. Лявницкій въ статьяхъ „Изыщная литература и философія“ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1892—1893 г.г.

выводовъ съ ученіемъ православной вѣры, указалъ имъ путь, по которому они должны идти для достиженія цѣли своихъ стремленій—истины. Вотъ за эту-то жажду духовную, за этотъ высокій интересъ къ рѣшенію высшихъ вопросовъ знанія и жизни Достоевскій и считалъ всякаго настоящаго русскаго человѣка—философомъ. Однако русскій философъ еще и нынѣ въ потенціи. Чаянія Достоевскаго пока осуществляютъ почти исключительно въ представителяхъ православно-богословскаго знанія въ Россіи; относительно же огромнаго большинства людей свѣтскихъ (точнѣе—свѣтскаго образованія)—эти чаянія и доселѣ остаются „*primum desiderium*“.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, взгляды Тургенева и Достоевскаго на отношеніе русскаго человѣка къ философіи не стоятъ одинъ къ другому въ отношеніи противорѣчія, но наоборотъ, другъ друга предполагаютъ и дополняютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Тургеневъ вполне и всецѣло приписываетъ русскому человѣку способность и склонность къ философіи, когда въ своихъ произведеніяхъ показываетъ, до какой степени глубоко-русскіе люди усвоили системы нѣмецкой философіи и какъ увлекались ими. А указывая на присущую русскому уму способность критическаго отношенія къ новымъ явленіямъ въ области мыслительной дѣятельности,—Тургеневъ намекаетъ и на существованіе у русскихъ своихъ національных убѣжденій, хотя еще и не вполне ими выясненныхъ; иными словами,—своего философскаго міросозерцанія. Понятное дѣло, что существованіе такого міросозерцанія лучше всего говоритъ о способности и склонности русскаго человѣка къ философствованію, какъ единственному способу для выработки его. Если же Тургеневъ утверждаетъ, что „философическія хитросплетенія и бредни никогда не прививаются къ русскому“, то, какъ видно изъ вышесказаннаго, онъ говорилъ такъ не потому, что будто бы и въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, русскій человѣкъ неспособенъ къ усвоенію философіи и не склоненъ къ философствованію, а потому, что онъ отлично понимаетъ то глубокое противорѣчіе, въ которомъ стоятъ западно-европейскія философскія системы и ученія въ отношеніи къ

русскому національному религіозно-философскому міросозерцанію.

Достоевскій же, не смотря на свое тяготѣніе къ славянофильству, дополняетъ Тургенева и въ своихъ сочиненіяхъ пытается показать, въ чемъ должно заключаться міровоззрѣніе русскаго народа, показать источникъ, откуда проистекаетъ его склонность и интересъ къ философскому рѣшенію высшихъ вопросовъ жизни.

И. В. Никольскій.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМЪ И МОРАЛЬ.

Гастона Фроммеля.

(Переводъ съ Французскаго *).

Постановка, опредѣленіе и критерій проблемы. I. Эволюціонизмъ и религіозное убѣжденіе. II. Эволюціонизмъ и религіозная дѣятельность. III. Эволюціонизмъ и принципъ нравственности. IV. Эволюціонизмъ и христіанская нравственность.

Постановка, опредѣленіе и критерій проблемы.

Относительно самаго слова эволюція, составляющаго предметъ нашего изслѣдованія, мы можемъ сказать: „эволюція идетъ на всѣхъ парахъ“.

(L' evolution coule à pleins bords).

Прилагаемая сначала только къ естественнымъ наукамъ—теорія эволюціи постепенно проникаетъ и въ область морали

*) Настоящій переводъ книги профессора Женевскаго университета Гастона Фроммеля—„Le danger morale de l'evolutionisme religieuse“—имѣетъ своей цѣлью помочь читателю разобраться въ трудномъ вопросѣ объ отношеніи принциповъ эволюціонизма къ морали. „Эволюція въ наше время—фактъ общепризнанный, эволюція все объясняетъ собою“—вотъ тотъ основной лейтъ-мотивъ, который слышится въ большинствѣ ученыхъ сочиненій послѣдняго времени. И однако едва-ли это вѣрно. Едва-ли основательна та самоувѣренность сторонниковъ эволюціонизма, съ которой они прилагаютъ принципъ эволюціи въ вопросѣ о происхожденіи и сущности морали. Показать неосновательность этой вѣры во всемогущество эволюціи и составляетъ задачу автора. Авторъ,—какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи ¹⁾,—не задается цѣлью сказать свое слово относительно эволюціонизма какъ научной теоріи, онъ нисколько не отрицаетъ его объяснительной цѣпкости въ области природы и нисколько не хочетъ опредѣлять какихъ-либо границъ въ этой сферѣ для законнаго примѣненія теоріи эволюціи. Это стоитъ наѣ его задачи. Еще менѣе претендуетъ авторъ оспаривать самый фактъ эволюціи; дѣлать послѣднее это значило-бы—отрицать исторію, представляющую собою синонимъ эволюціи.

¹⁾ Существенныя черты котораго намѣчены здѣсь.

и религіи; переходнымъ мостомъ въ этомъ случаѣ для эволюціи отъ первой области наукъ ко второй служить социологія; и въ концѣ концовъ для всѣхъ теперь до очевидности ясно, что конечною цѣлью самыхъ напряженныхъ усилій теоріи эволюціи является христіанство.

Подобно владыкѣ, которому не такъ важно царствовать (*regner*), какъ управлять, руководствовать (*gouverner*), эволюціонизмъ, распространяясь то съ блескомъ новой теоріи, то совершенно незамѣтно приспособляясь къ обстоятельствамъ,

Но съ другой стороны нужно сказать, что признать эволюцію какъ фактъ это еще нисколько не значить—допустить этотъ фактъ *въ качествѣ всеобъясняющаго начала*; другими словами,—можетъ-ли эволюція быть единственнымъ всеобъясняющимъ началомъ, если она сама представляетъ явленіе, требующее объясненія?—Вотъ вопросъ, рѣшенію котораго авторъ и посвящаетъ свой трудъ. Авторъ ставитъ этотъ вопросъ со всею его строгостью и простотою, онъ разбиваетъ вопросъ со всеми его послѣдствіями (спеціально въ области морали и религіи), какія онъ заключаетъ въ себѣ; и только на этой почвѣ и во имя этихъ послѣдствій авторъ и желаетъ говорить противъ эволюціонизма ¹⁾. Принципъ эволюціонизма, приложенный къ объясненію всѣхъ явленій духовной жизни, вызываетъ существованіе *религіознаго* эволюціонизма, имѣющаго на западѣ своихъ представителей изъ среды ученыхъ богослововъ, и ведетъ къ измѣненію, искаженію и,—говоря прямо,—къ отрицанію морали вообще, христіанской въ частности. и даже къ отрицанію самого христіанства, какое дано намъ въ Евангелии. Вотъ отъ этого искаженія авторъ и хочетъ предостеречь своихъ братьевъ-христіанъ.

Конечно, говорить авторъ, никто даже изъ самыхъ крайнихъ представителей религіознаго эволюціонизма не остается до конца вѣрнымъ послѣдовательному ходу мыслей принятой системы и всѣ болѣе или менѣе отвергаютъ крайніе выводы, къ которымъ приводитъ система религіознаго эволюціонизма, такъ что говорить противъ крайнихъ выводовъ, которыхъ никто не защищаетъ,—повидимому,—значитъ ломаться въ открытыя двери, сражаться съ вѣтрными мельницами. Но на это можно отвѣтить,—продолжаетъ авторъ, что та или другая философская система нисколько не нуждается въ своемъ полномъ осуществленіи для произведенія всѣхъ своихъ дѣйствій и что, напротивъ, система оказываетъ самое сильное вліяніе на умы не послѣ своей окончательной формулировки и завершенія, а передъ нею. „Крайній выводъ изъ идеи, говоритъ Випе (*Manifestation des convictions religieuses*, p. 256), это—сама идея. Чтобы узнать истинную цѣнность идеи,—нужно сейчасъ же прослѣдить ея окончательные выводы; мы только благодаря своей склонности останавливаться на полпути, выдумывая разнаго рода ограниченія или, говоря прямо, обманывая самихъ себя,—можемъ смотрѣть, какъ на создающіи жизнетворныя начала, на такія колоссальныя заблужденія, которыя опозорили бы собою весь міръ, если бы были раскрыты всецѣло“. Пущенная въ обращеніе идея, какъ и истина, живетъ самостоятельной

¹⁾ Avant—propos, p. 6.

находя точку опоры даже въ возраженіяхъ, которыя ему противопоставляютъ, опровергая самыя главныя положенія противниковъ и торжествуя надъ проявленіями самой крайней реакціи,—рѣшительно все проникаетъ собою, что называется, до мозга костей“. Ни Англія, ни Франція, ни Швеція, не устояли подъ напоромъ эволюціи. Приводить здѣсь всѣ труды, которые въ эволюціи видятъ свой катихизисъ,—это значило бы выписать безконечно длинный рядъ названій книгъ и авторовъ.

Можно ограничиться однимъ трудомъ, наиболѣе близко касающимся нашей задачи, и который къ тому же по суду компетентныхъ критиковъ является типичнымъ въ своемъ родѣ, представляя изъ себя популярное изложеніе самыхъ послѣднихъ данныхъ науки; я говорю о прославленномъ трудѣ „Эскизы философіи религіи по даннымъ психологіи и исторіи А. Сабатье“. Правильный разборъ названной книги выходитъ изъ предѣла моей задачи; эта книга названа именно потому, что она представляетъ собою примѣръ непреодолимаго вторженія эволюціонизма въ область христіанскаго богословія.

Причина того колоссальнаго успѣха, которымъ пользуется теорія эволюціи среди современнаго намъ общества, если не цѣликомъ, то главнымъ образомъ кроется, по нашему убѣжденію, въ научномъ воспитаніи, какое мы видимъ въ нашъ вѣкъ.

жизнью; она не принадлежитъ никому, ни даже тѣмъ, которыми она открыта, поэтому никто не можетъ опредѣлить границы или замедлить движеніе и развитіе идеи. „Никакой принципъ истинный или ложный, говоритъ Вине (Ouvr. cit. p. 220), не можетъ находиться въ спокойномъ состояніи; живеть-ли принципъ тихо и незамѣтно, или растетъ открыто у всѣхъ на глазахъ; раскрывается-ли онъ медленно или быстро,—но во всякомъ случаѣ онъ ни одного мгновенія не можетъ находиться въ недѣйтельномъ состояніи съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ былъ вынесенъ кѣмъ-либо на свѣтъ Божій. Даже самый ходъ развитія принципа не можетъ быть строго регулированъ. прежде чѣмъ принципъ сформируется окончательно,—уже могутъ появиться его крайніе выводы“¹⁾.

Поэтому авторъ, взывая къ помощи Божіей, свѣло противопоставляетъ основныя послышки нравственности выводамъ, *необходимо вытекающимъ* изъ основныхъ положеній эволюціи, и, указывая на ихъ полную несомѣстимость, тѣмъ самымъ опредѣляетъ существенную автономность морали по отношенію къ теоріи эволюціи и должныя границы примѣненія этой послѣдней въ области морали.

Переводчикъ.

1) Avant propos 7—8.

Теперь почти съ колыбели начинаютъ приучать мысль ребенка къ законамъ строгой индукціи; мышленіе отучается отъ метафизики и все сводитъ къ опыту; оно приучается къ понятію относительнаго; оно привыкаетъ вращаться въ области вторичныхъ непервоначальныхъ причинъ (*causes secondes*); воспитаніе раскрываетъ предъ мыслію человѣка богатую историческую перспективу и научаетъ его видѣть генетическое и послѣдовательное развитіе однихъ явленій изъ другихъ.

Такое воспитаніе, конечно, оставляетъ по себѣ не простое только воспоминаніе, оно образуетъ самый складъ ума, вырабатываетъ методъ изслѣдованія, такъ что мысль человѣка уже чрезъ самое воспитаніе дѣлается предрасположенной къ принятію эволютивной концепціи. Вотъ что говоритъ Сабатье: „Правда, я часто пользуюсь терминомъ эволюція и рассматриваю явленія въ ихъ естественной послѣдовательности; но въ этомъ никоимъ образомъ нельзя видѣть какой нибудь метафизической доктрины, это—просто методъ изслѣдованія, сущность котораго выражается въ двухъ положеніяхъ: рассматривать каждый фактъ самъ по себѣ, какъ онъ есть, и наблюдать его въ послѣдовательности, т. е., въ связи съ условіями его возникновенія, ибо только при такомъ изученіи фактъ и можетъ имѣть научную достовѣрность и цѣнность“.

Въ этихъ словахъ выразились какъ тотъ складъ ума, о которомъ я говорилъ выше, такъ равнымъ образомъ и опредѣленіе всякаго истинно-научнаго метода.

И однако этотъ методъ не есть еще эволюціонизмъ въ собственномъ смыслѣ и не непосредственно ведетъ къ нему; нужно еще указать тотъ путь, которымъ этотъ методъ, будучи примененъ къ области религіозныхъ и моральныхъ наукъ, необходимо приводитъ къ эволюціонизму; путь этотъ приблизительно слѣдующій: если предположить, что „порядокъ и послѣдовательность“, въ свѣтѣ которыхъ рассматриваются религіозные и моральные феномены, случайно поняты какъ необходимые; что условіемъ религіозныхъ и моральныхъ фактовъ считается не столько внутренняя психологическая зависимость ихъ отъ божеской и человѣческой личности,—сколько зависимость историческая, феноменальная, которой они обуславливаются одни

другими; однимъ словомъ, если предположить, что два основныхъ правила: наблюденіе фактовъ самихъ по себѣ, отдѣльно, и въ ихъ истинной связи и послѣдовательности—совершенно безсознательно будутъ дѣйствовать въ пользу скрытаго детерминизма, дѣлая изъ естественной послѣдовательности непрерывную эволюцію, то пропасть; раздѣлявшая методы изслѣдованія отъ систематической доктрины,—будетъ уничтожена; проблема свободы будетъ рѣшена въ отрицательномъ смыслѣ прежде даже, чѣмъ будетъ приведенъ доводъ въ пользу такого рѣшенія; подъ именемъ науки, исторіи намъ тогда преподнесутъ философію. Явленіямъ будутъ приписаны „порядокъ и связь“, которыя могли совсѣмъ не принадлежать имъ и все это только вслѣдствіе упущенія изъ виду того обстоятельства, что факты отъ исторической послѣдовательности, въ которой они проявляются, зависятъ гораздо менѣе, чѣмъ отъ производящихъ ихъ—свободныхъ по гипотезѣ—моральныхъ факторовъ; не знаю, надо ли досказывать, что послѣ этого „ихъ цѣнность“ и „истинность“ становится всецѣло подорванными, если даже не совсѣмъ измѣненными.

Отсюда можно видѣть, насколько неустойчива почва и какъ легко эволюція метода можетъ перейти въ эволюцію доктрины, какая осторожность и выдержанность нужны ученому, чтобы избѣжать этой опасности, и особенно ученому современному, работающему подъ непрестаннымъ давленіемъ научнаго детерминизма.

Большинство ученыхъ, и покрайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые по примѣру Сабатье допускаютъ мистическій, т. е., научно неоправдываемый характеръ религіозной функціи въ томъ случаѣ, если она разсматривается въ ея проявленіи въ психикѣ индивидуума, и не хотятъ признать такого же характера религіозной функціи въ ея чудесныхъ проявленіяхъ,—всѣ такіе ученые, конечно, поддались соблазну и допустили ошибку, вытекающую изъ самаго основанія ихъ мысли, ибо она процессъ изученія трансформируетъ въ философскую систему.

Это стремленіе и склонность такъ очевидны, напр. у Сабатье, что съ цѣлью опредѣлить эволюціонизмъ, дать ему типическую (не говорю единственную, п. ч. эволюціонизмъ доступенъ без-

конечной формулировкѣ) формулу—достаточно процитировать слѣдующее мѣсто изъ соч. Сабатье: „теорія послѣдовательнаго развитія (de l'évolution) существъ, дѣлающая чудо ненужнымъ,—представляетъ намъ природу въ перспективѣ постоянныхъ преобразованій и вѣчнаго творчества. Въ ней нѣтъ ничего твердо опредѣленнаго и устойчиваго. Все служитъ приготовленіемъ къ другому; всякая форма жизни есть не что иное, какъ подготовительная ступень, предисловіе другой формы жизни болѣе высокой.

Итакъ, какова же эта скрытая тайна, которая содержится въ нѣдрахъ нашей многострадальной природы, и дѣлаетъ постоянныя усилія, чтобы появляться и исчезать? „Большее не можетъ выйти изъ меньшаго“, говоритъ школа, и по своему она въ этой—абстрактной логикѣ права. Но дѣйствительность смѣется надъ этой логикой. Она доказываетъ намъ торжество совершенно противоположной аксіомы. Совершенство въ своей начальной формѣ, конечно, произошло не изъ „ничего“. Космическая эволюція всегда идетъ отъ болѣе бѣднаго къ болѣе богатому, отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному, отъ грубой матеріи къ матеріи живой, отъ жизни физической къ жизни духовной. Съ каждой ступенью природа превышаетъ (*se dépasse*) самое себя таинственнымъ творчествомъ, похожимъ на истинное чудо въ сравненіи съ низшей ступенью. Изъ этихъ наблюденій нельзя сдѣлать иного вывода, кромѣ того, что въ природѣ есть скрытая сила, неизмѣримая потенціальная энергія, неисчерпаемый и всегда открытый источникъ величественныхъ и вмѣстѣ неожиданныхъ жизненныхъ проявленій“.

Въ этихъ словахъ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло уже не съ эволюціей метода, а съ теоретической доктринальной эволюціей. И кромѣ того, эти слова представляютъ собой чудное резюме эволюціонной доктрины и нагляднымъ образомъ показываютъ неизбежное дѣйствіе, какое эта доктрина имѣетъ на мышленіе.

Большее, выходящее изъ меньшаго (или по крайней мѣрѣ кажущееся выходящимъ), духовная жизнь, производимая жизнью физической (потому что она въ ней уже содержалась),

законы моральнаго порядка, выводимые изъ законовъ физическихъ, развитіе существъ, представляемое на подобіе развитія колоса, прозябанія растенія, или развитія цвѣтка и производимое единообразнымъ и постояннымъ давленіемъ скрытой энергіи дѣйственной божеской силы,—вотъ основныя черты системы эволюціонизма. Онѣ устанавлены довольно горячо и эластично для того, чтобы каждый, продолжая и развивая ихъ по своему усмотрѣнію, могъ найти ихъ повсюду.

Но главный предметъ нашего изслѣдованія и состоитъ въ опредѣленіи той цѣнности и той точки зрѣнія, съ которой должно разсматривать систему эволюціонизма въ ея стремленіи объяснить изъ себя моральную и религіозную области. Чтобы исполнить эту задачу, нужно найти критерій настолько конкретный, всеобщій и твердый, чтобы никто не могъ его серьезно оспаривать. Такимъ критеріемъ мы считаемъ критерій моральный, который всего лучше можетъ служить выполненію нашей задачи.

Конечно, есть масса другихъ исходныхъ пунктовъ, которыми мы могли бы воспользоваться и которые, безъ сомнѣнія, привели бы къ тому же результату. Для полноты изслѣдованія, быть можетъ, надо было бы разсмотрѣть эволюціонизмъ подъ тройной точкой зрѣнія: исторіи, психологіи и логики; съ первой точки зрѣнія, какъ и было уже показано выше, религіозный эволюціонизмъ не оправдывается исторіей, ибо эволюціонизмъ подставляетъ исторіи послышки, какихъ она не имѣетъ, и опредѣляетъ ходъ, который тоже исторія не можетъ назвать своимъ; съ психологической точки зрѣнія религіозный психологическій феноменъ допускаетъ эволюціонистическое объясненіе лишь при условіи недоконченности своего наблюденія и произвольномъ ограниченіи области дѣйствія его факторовъ; наконецъ, съ логической точки зрѣнія, религіозный эволюціонизмъ, какъ система, представляетъ массу несообразностей и внутреннихъ противорѣчій и подъ ложнымъ видомъ разумной обоснованности остается въ сущности немислимымъ и хаотическимъ самымъ въ себѣ ученіемъ.

Эти выводы естественно вытекаютъ изъ того критерія, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

Между логикой и моралью гораздо болѣе точекъ соприкосновенія и соприкосновенія самаго близкаго, чѣмъ это принято обычно думать. Нѣжная мысль рѣдко можетъ служить признакомъ твердой воли; нравственную устойчивость порождаетъ обычно ясность мышленія, и управляющій мышленіемъ принципъ противорѣчія имѣетъ неменьшую область примѣненія въ морали, чѣмъ въ логикѣ.

Только здѣсь онъ обнимаетъ другую область, безъ сравненія болѣе важную и прочную, это именно-область развитія добра и зла, единственно обсолютную, единственно неопровержимую и единственно абъективно вѣрную, какую только дано понять человѣку и которая поѣтому намъ кажется удивительно приспособленной къ тому назначенію, какое мы ей приписываемъ.

Конечно, нѣкоторые философы могутъ оспаривать у насъ право пользоваться примѣненіемъ разума въ указанной области; извѣстная школа теоретическую истину отдѣляетъ отъ истины практической, какъ два независимыхъ другъ отъ друга качества, и, утверждая, что моральное сознаніе стоитъ внѣ области научнаго порядка, отрицаютъ за послѣднимъ право контролировать содержаніе моральнаго сознанія.

Такой взглядъ, будучи по нѣкоторымъ условіямъ допустимымъ, поскольку дѣло касается только естественной исторіи, становится въ противорѣчіе съ здравымъ разумомъ и дѣлается чудовищнымъ, когда дѣло касается, какъ и въ данномъ случаѣ, доктрины, которая, выходя изъ феноменовъ природы, включаетъ въ свою область и человѣка. Ибо, въ концѣ концовъ, эти факты, или эти феномены человѣчества, которые хотятъ отождествить съ феноменами природы, не поддаются такому отождествленію, и если съ одной стороны правда, что природа человѣка все же есть природа, то съ другой вѣдь правда и то, что эта человѣческая природа существенно отличается отъ всякой другой именно моральнымъ и религіознымъ элементами. Потому она и возникаетъ изъ принципа, который обосновывается на морали и религіи и помимо этого принципа не могла бы быть ни религіозной, ни нравственной. Природа человѣка, повторяю,—возникаетъ изъ этого источника и только въ немъ находитъ свое оправданіе.

Обращаясь къ жизни, мы находимъ въ ней подтвержденіе только что высказаннаго положенія. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ жизни человѣка такое дѣйствіе, положеніе, фактъ, котораго не касалась бы нравственная оцѣнка? Есть ли хоть одинъ фактъ, который бы не возбуждался или не умѣрялся, или же даже не обуславливался этой оцѣнки? И не будетъ ли эта нравственная оцѣнка высшимъ и непреложнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій? На эти вопросы отвѣчать можно только утвердительно, и всетаки нѣкоторые стараются такъ или иначе отдѣлаться отъ признанія важнаго значенія нравственной оцѣнки и игнорировать факторъ столь важный, постоянный и рѣшающій.

Какова же была бы послѣ этого теорія или наука, которая во имя истины, отнимая у самой истины цѣлую ее половину, сама претендовала бы еще на истинность. И такъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя оспаривать той первой посылки, на которой обосновывается наше изслѣдованіе, что мысль (conception), объясняющая явленіе моральной жизни, какъ религіозный эволюціонизмъ, остается доступной нравственной оцѣнкѣ, которая одна только и сообщаетъ достовѣрность этой мысли, ибо эта нравственная оцѣнка и представляетъ собою жизненное приложеніе того принципа, съ которымъ тѣснѣйшимъ образомъ связано признаніе или отверженіе моральнаго и религіознаго порядка всего цѣликомъ.

Допущеніе и прочное установленіе указаннаго критерія раскрываетъ предъ вами обширный горизонтъ, такъ что надо дѣлать усиліе, чтобы изъ всего обильнаго матеріала вытекающихъ мыслей выбрать самое главное. Этимъ главнымъ, по нашему мнѣнію, будетъ — подойти къ религіозному эволюціонизму съ той стороны, гдѣ онъ возстаетъ не противъ теоретическихъ постулатовъ морали (объ этомъ можно спорить сколько угодно), а противъ самой нравственности (moralité); — со стороны, гдѣ болѣе выдѣляется его прямой антагонизмъ или съ конкретнымъ долгомъ, который имъ же предписывается, или съ тѣмъ глубокимъ инстинктомъ, который вызвалъ существованіе самого религіознаго эволюціонизма. Поэтому мы будемъ разсматривать его съ четырехъ точекъ зрѣнія, именно:

1. Въ его отношеніи къ нравственному долгу, который въ индивидуумѣ образуетъ религіозное убѣжденіе;
2. Въ отношеніи къ нравственному долгу, изъ котораго человѣкъ развиваетъ свою религіозную дѣятельность;
3. Въ отношеніи къ принципу всякой морали вообще—религіозной и свѣтской.
4. И наконецъ въ отношеніи къ принципу морали чисто христіанской.

I.

Эволюціонизмъ и религіозное убѣжденіе.

Выходя изъ положенія, что истина существуетъ, что истина создана для человѣка и человѣкъ для истины, что она имѣетъ право на человѣка, а человѣкъ имѣетъ обязанности по отношенію къ ней, мы опредѣляемъ убѣжденіе слѣдующимъ образомъ: убѣжденіе есть согласіе человѣка съ самимъ собою въ слѣдованіи признанной истинѣ. Убѣжденіе имѣетъ моральный и индивидуальный характеръ. Убѣжденіе морально, потому что, будучи признаніемъ права, оно представляетъ изъ себя обязанность съ одной стороны по отношенію къ истинѣ, которая требуетъ отъ человѣка своего признанія, а съ другой—по отношенію къ самому человѣку, который самъ обязываетъ себя къ приобрѣтенію истины. Человѣкъ безъ убѣжденія не человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, еще не сталъ человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ.

Убѣжденіе въ точномъ смыслѣ индивидуально, потому что оно морально, а мы не знаемъ другой формы морально отвѣтственнаго сознанія, кромѣ формы индивидуальнаго сознанія.

Ни раса, ни общество не могутъ имѣть убѣжденія; у нихъ есть предрасудки, интересы, мнѣнія и преданія, но все это—формы сознанія безличныя, общественныя, тогда какъ убѣжденіе по преимуществу есть форма сознанія личная.

Никто не можетъ убѣдиться *за меня*, равнымъ образомъ и я никоимъ образомъ не могу убѣдиться за когонибудь. Убѣжденіе существуетъ чрезъ личность, а личность чрезъ убѣжденіе. И такъ какъ личность является въ формѣ индивидуума, то и надо признать, что убѣжденіе непременно индивидуально.

Изъ двухъ указанныхъ характерныхъ чертъ убѣжденія вытекаетъ третья. Убѣжденіе индивидуально и морально и потому—свободно. Оно не могло бы быть долгомъ, если бы не было свободно, и не могло бы быть свободно, если бы не было индивидуально. Оно не образуется все цѣликомъ сразу, не строится на авторитетѣ, и не можетъ быть передано, какъ болѣзнь или наслѣдство; каждый самъ вырабатываетъ себѣ убѣжденіе и только онъ одинъ несетъ за него отвѣтственность; убѣжденіе предполагаетъ выборъ и рѣшеніе и внушаетъ къ себѣ почтеніе именно только потому, что оно есть свободное образованіе духа. Все это, приложимое къ убѣженію вообще, приложимо и къ религіозному убѣженію, которое есть убѣженіе по преимуществу. вмѣстѣ съ тѣмъ надо, однако, признать, что убѣженіе другого, продуманное имъ и вылившееся въ стройную систему, имѣетъ очень значительное вліяніе на образованіе моего убѣженія. Конечно, нельзя думать такъ, что я могу, или долженъ воспринять его такимъ, какъ оно вышло въ головѣ другого,—нѣтъ, нужно, чтобы я продумалъ его самъ,—въ этомъ мое отношеніе къ истинѣ; но дѣло въ томъ, что убѣженіе другого предрасполагаетъ меня къ принятію уже выработанной частной формы истины и особенно оно предрасполагаетъ меня къ сознанію, что я долженъ имѣть убѣженіе.

И сознаніе этого долга можетъ представить мнѣ убѣженіе болѣе или менѣе *необходимымъ* къ принятію, болѣе или менѣе *властнымъ*, или можетъ совсѣмъ освободить меня отъ сознанія необходимости принять то или другое убѣженіе, можетъ заставить меня исполнить его, или представить его исполненіе невозможнымъ.

Доктрина религіознаго эволюціонизма, которая у ея проповѣдниковъ служитъ, конечно; продуманнымъ выраженіемъ личнаго убѣженія, разумѣется, не можетъ избѣгнуть общаго закона. Она по необходимости будетъ имѣть вліяніе на формированіе убѣженій у громаднаго числа людей и,—что еще болѣе важно,—она опредѣлитъ собою самое ихъ отношеніе къ сознанію того, что должно образовать для себя и въ себѣ то или другое религіозное убѣженіе. И весь вопросъ настоящей гла-

вы будетъ заключаться въ томъ, способствуетъ или не способствуетъ названная доктрина сознанию этого дѣла.

Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, мы не будемъ вдаваться въ изложеніе показаній теоретиковъ этой доктрины.

Большое число ученыхъ не только констатируютъ на основаніи историческихъ данныхъ дѣйствительность и роль личныхъ убѣжденій въ религіозномъ развитіи человѣчества, но даже преувеличиваютъ это значеніе и утверждаютъ его необходимость. И даже никто такъ не настаиваетъ на внутреннемъ характерѣ религіозной выработки на указанной роли и функціи, которую играетъ въ ней индивидуальность, какъ самъ, наприм., Сабатье. Вотъ одно изъ самыхъ опредѣленныхъ мѣстъ у него: отвергнувъ теорію, выводящую „универсальную религію“ изъ философскаго эклектизма и религіознаго синкретизма, авторъ прибавляетъ: „надо принять во вниманіе, что никакая сторона универсальной религіи не была плодомъ бессознательнаго развитія, совершавшагося по дѣйствию внѣшнихъ роковыхъ законовъ. Она всегда представляется какъ личное творчество, какъ моральное и свободное дѣло нѣсколькихъ избранныхъ душъ, въ которыхъ древнее народное преданіе, проходя чрезъ умы геніевъ, очищается и расширяется. Такова была роль Конфуція въ Китаѣ, Будды въ Индіи, Сократа въ Греціи, пророковъ у Израиля и Магомета въ Аравіи. Всѣ они были реформаторами религіи предковъ.“

На этой ступени развитія откровеніе уже не проявляется болѣе въ темной душѣ расы; оно образуется въ мысли человека, въ движеніи его мышленія, въ нравственномъ вдохновеніи людей богомъ.

Люди находятъ универсальную религію не во внѣ, а внутри, въ глубинѣ своего сознанія и своей личной благочестивой настроенности. Проходя чрезъ ихъ душу, какъ чрезъ фильтръ, традиціонная религія расы очищалась и мало-по-малу освобождалась отъ постороннихъ или матеріальныхъ элементовъ и въ результатѣ этого являлась новая вѣра, тѣмъ болѣе въ концѣ концовъ человѣческая и всеобщая, чѣмъ болѣе она дѣлалась религіозной, болѣе внутренней и болѣе чистой“.

Все это превосходно, краснорѣчиво, и однако оставляетъ

послѣ себя недоумѣніе именно по поводу невозможности согласить только что сказанное съ основою самой доктрины.

Авторъ констатируетъ подтверждаемый исторіей неопровержимый фактъ, но все затрудненіе въ томъ, что не видно, въ какомъ отношеніи этотъ фактъ стоитъ къ самой доктринѣ. Одного простого указанія на фактъ недостаточно, нужно еще объяснить, съ точки зрѣнія системы, какимъ образомъ личное убѣжденіе вытекаетъ изъ эволюціи. И вотъ этого-то объясненія какъ разъ и недостаетъ.

Не потому ли, что оно невозможно? Думается такъ и вотъ почему: авторъ, не говоря объ неудобствѣ и даже, быть можетъ, не сознавая его, и во всякомъ случаѣ не высказывая никакого мотива, перескакиваетъ трудность и однимъ взмахомъ переставляетъ положеніе эволюціонизма: „на этой ступени (т. е. на ступени религіознаго универсализма) откровеніе не проявляется болѣе въ темной душѣ расы“. И такъ, значить, прежде—то было откровеніе, которое проявлялось „въ темной душѣ расы!“ Что же? Съ точки зрѣнія эволюціонизма допустить это не представляетъ никакой трудности, ибо эта теорія представляетъ эволюцію въ видѣ скрытаго, глухого, общаго роста, который хотя и медленно, но неотступно ведетъ человѣчество къ его цѣли. И эту „темную душу цѣлой расы“ если нельзя разсматривать какъ мѣсто образованія убѣжденія въ точномъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе можно считать мѣстомъ этого глухого роста.

Но откуда происходитъ и какъ это дѣлается, что этотъ именно ростъ совершенно неожиданно мѣняетъ позицію и мѣсто, оставляя родовую (*genérique*) душу и концентрируясь въ душѣ индивидуальной; какимъ образомъ явленіе реальное и истинное, по отношенію къ религіи и исключительно универсальной, послѣ перестаетъ быть таковымъ? Замѣьте, что ни дѣйствительность, ни истинность факта, не оспаривается, и требуется только объяснить, какъ этотъ фактъ согласуется съ основными послылками эволюціонизма, потому что очень ясно видно, что этотъ фактъ не вяжется и въ чемъ онъ не вяжется съ этой доктриной, но никакъ нельзя понять, почему все таки онъ соединяется съ этой доктриной. Авторъ, къ сожалѣнію,

проходить указанную трудность молчаніемъ и не представляетъ никакого средства выбраться изъ нея.

Быть можетъ, допустивъ одно положеніе на вѣру, авторъ докажетъ свою правоту изъ второго, выводя теорію эволюціонизма изъ возраженія, воспроизведенія новой вѣры въ личномъ убѣжденіи. И на самомъ дѣлѣ, въ его сочиненіи мы читаемъ, что проповѣдь первыхъ обращенныхъ „дѣлаетъ воззваніе къ личной вѣрѣ“, что благодаря возмущеніямъ, раздѣленіямъ и отторженію, которыя проповѣдь вызываетъ, она вызываетъ также и „добровольное согласіе“ и что „новая вѣра творитъ и новое общество“. Итакъ, убѣжденіе первыхъ проповѣдниковъ нашло себѣ откликъ, оно распространилось, перешло въ другихъ. Но вотъ вопросъ, какимъ способомъ совершился этотъ переходъ? Произошелъ ли онъ чрезъ этотъ глубокой индивидуальный кризисъ, о которомъ намъ только сейчасъ говорили, или, быть можетъ, напротивъ, онъ произошелъ чрезъ дѣйствіе „темной души расы“? Отвѣтъ очень важенъ и однако онъ отсутствуетъ. Все, что можно было бы отвѣтить, непременно сведется только къ указанію на социальную важность и природу религіи; намъ бы сказали, что понятіе „общеніе душъ“— есть понятіе „религіознаго происхожденія и религіозной окраски“; что выражаемая имъ мысль—объ одномъ изъ самыхъ важныхъ явленій социальной жизни наисовершеннѣйшимъ образомъ осуществлена только въ религіи и только чрезъ религію“; могутъ указать на великія цивилизаціи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою отличную отъ другихъ „религіозную душу“, въ которой индивидуальныя души участвуютъ постольку, поскольку „они кажутся соединяющимися въ ней“; кромѣ того, насъ будутъ увѣрять, что разъ пріобрѣтенное однимъ изъ членовъ общества навсегда становится собственностью цѣлаго общества; прогрессъ каждой новой истины,—равнымъ образомъ и христіанства—представляютъ въ видѣ какой то заразной эпидеміи, чѣмъ болѣе возвышенной, тѣмъ болѣе не предотвратимой.

Я не привязываюсь къ словамъ. Въ одномъ смыслѣ все это неопровержимо; но я ищу и имѣю право искать еще кой чего другого, кромѣ этихъ пустыхъ общихъ мѣстъ. Именно, мнѣ хотѣлось бы знать, какимъ образомъ относятся къ доктринамъ

эволюціи хотя бы эти „воззванія къ личной вѣрѣ“, сопровождаемыя „добровольными обращеніями“, другими словами, эти воззванія къ убѣжденію (приглашеніе принять убѣжденіе) и реализація убѣжденій, или эти соціальныя преобразованія, эти коллективныя движенія впередъ и передачи, эти соединенія душъ въ преимуществѣ и общеніи одной и той же жизни. Вѣдь на самомъ дѣлѣ сосуществованіе этихъ вещей нисколько не препятствуетъ имъ быть совершенно различными: съ одной стороны—качество, образъ (*un mode*) чисто пассивны, а съ другой—вполнѣ активны; съ одной стороны—можетъ быть постепенное тихое произрастаніе, а съ другой—кризисъ и почти переворотъ (*une révolution*); съ одной стороны—можетъ существовать цивилизація, нравы, вѣрованія, настолько безотвѣтныя, насколько и безличныя, съ другой стороны—также можетъ существовать свободная, самостоятельная и нравственная личность.

Чему же изъ двухъ эволюціонизмъ сообщитъ свою санкцію?—свободному ли убѣжденію, или бессознательному воспринятію съ чужого голоса? Что изъ двухъ лучше можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія этой доктрины: произвольный ли актъ, или самопроизвольное произрастаніе? Чему изъ двухъ система отдастъ предпочтеніе: сознанію ли индивидуума, или „темной душѣ“ расы? Молчаніе на этотъ вопросъ заставляетъ думать, что эволюціонизмъ, трудно согласимый съ фактомъ религіознаго убѣжденія, ни происхожденія, ни распространенія котораго онъ не объясняетъ, допускаетъ это религіозное убѣжденіе, или кажется, что допускаетъ, — только цѣной его нейтрализаціи.

Эта вѣроятность подтверждается еще болѣе, если мы, становясь на точку зрѣнія эволюціонизма, постараемся приложить ихъ выводъ къ практикѣ выработки индивидуальнаго личнаго убѣжденія.

Возьмемъ самый лучший примѣръ кризиса (*d'une crise*), когда человѣкъ правильно стремится къ выработкѣ религіознаго убѣжденія. Необходимость такого рѣшенія угнетаетъ человѣка, она представляется ему сразу и въ видѣ жертвы, и въ видѣ обязательства; она влечетъ за собою тягостныя по-

слѣдствія. Предъ тѣмъ какъ окончательно рѣшаться, у чело-
вѣка по необходимости бываетъ состояніе колебанія въ вы-
борѣ мотивовъ, и вотъ здѣсь выступаетъ на сцену эволюція;
показывается общій законъ; суровый и непреложный, онъ го-
сподствуетъ надъ прогрессивнымъ развитіемъ религіозной
жизни на землѣ; онъ проходитъ черезъ эпохи и поколѣнія;
индивидуумъ едва ли имѣетъ какую либо цѣнность въ разви-
тіи этого всеобщаго закона и частныя дѣйствія развѣ только
чуть-чуть замедляютъ или ускоряютъ его поступательное дви-
женіе; законъ имѣетъ дѣло только съ участію цѣлой расы.
Безъ сомнѣнія, въ извѣстные критическіе моменты проявленіе
этого всеобщаго закона кажется зависящимъ отъ нѣсколькихъ
лицъ и даже отъ одного лица; но это только повидимому;
внимательный взглядъ замѣчаетъ, что единичная личность—
ничто, что каждый моментъ общаго хода находится въ стро-
гомъ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ данной эпохи и
что если люди, черезъ которыхъ онъ проявляется, перестаютъ
нести бремя, то тотчасъ замѣняются другими, эти—слѣдую-
щими, пока, наконецъ, не наступитъ полная реализація его
конечныхъ цѣлей, ибо этотъ общій законъ не можетъ стра-
дать отъ какихъ либо задержекъ и побѣда его неоспорима.

Нельзя отрицать, что такое положеніе вещей до нѣкоторой
степени пріятно и можетъ ободрить челоуѣка. Но оно вѣдь
также можетъ и совершенно обезкуражить его, сдѣлать его
безучастнымъ (пассивнымъ) по отношенію къ себѣ и своему
положенію въ мірѣ, оно можетъ атрофировать усиліе, которое
заставляло челоуѣка съ рискомъ для самого себя стремится
къ отысканію окончательнаго рѣшенія, оно можетъ заглушить
въ челоуѣкѣ голосъ долга, обязывающій его къ отысканію
истины; вѣдь если челоуѣкъ, какъ индивидуумъ, пред-
ставляетъ собою только самое низшее орудіе универсаль-
наго поступательнаго движенія, то голосъ благоразумія не-
премѣнно подскажетъ ему, что въ такомъ положеніи го-
раздо лучше предоставить себя на волю этого движенія, и
не дѣлать бесплодныхъ попытокъ собственной инициативой
какъ нибудь воздѣйствовать или заправлять этимъ движеніемъ;
что стараться опередить эпоху—значитъ напрасно потерять и

трудъ и время; что убѣжденіе,—будь оно истинно само по себѣ,—но несоотвѣтствующее духу времени, поэтому самому является ложнымъ; что не стоитъ прилагать собственныхъ усилій для распространенія какого либо убѣжденія, потому что, если оно истинно, то рано или поздно оно и помимо меня будетъ признано таковымъ, а если оно ложно, то тѣмъ болѣе не стоитъ вмѣстѣ съ нимъ компрометировать и себя; что стараться воздѣйствовать на нормальный ходъ универсальнаго развитія—это значитъ оказывать ему плохую услугу, ибо конечнымъ предѣломъ, къ которому должна придти эволюція, является не единственно только истина, а еще и главнымъ образомъ само это развитіе, т. е., способъ и непрерывный ходъ (progression), которые были избраны этимъ міровымъ процесомъ. И вотъ подъ угнетающимъ дѣйствіемъ этихъ выводовъ убѣжденіе, едва уже не сформировавшееся, остается въ скрытомъ видѣ и какъ бы цѣплетъ.

Быть можетъ, нѣкоторые возразятъ, что за такое пассивное состояніе человѣкъ отвѣтственъ, виновенъ, что такіе выводы, ослабляющіе самодѣятельность, ложны, что изъ эволюціи этими выводами дѣлается нѣчто въ родѣ какого то переходнаго моста въ обломовское царство ничегонедѣланія, тогда какъ на самомъ то дѣлѣ эволюція и проявляется только чрезъ отдѣльныя личности, и для нея нѣтъ ничего важнѣе сильныхъ личныхъ убѣжденій.

Такой упрекъ пожалуй можно сдѣлать. Но дѣло вотъ въ чемъ: во имя чего дѣлается и откуда идетъ этотъ упрекъ? Во имя ли системы эволюціи, или просто отъ человѣческаго сознанія. По правилу-то, конечно, слѣдовало бы, чтобы онъ очевиднѣйшимъ и самымъ необходимымъ образомъ исходилъ отъ системы, ибо только тогда съ нимъ и можно будетъ считаться. Но на самомъ-то дѣлѣ онъ идетъ просто изъ человѣческаго сознанія; система эволюціи, сколько вы ни старайтесь отыскать въ ней, ничего, кромѣ вышеизложенныхъ конечныхъ выводовъ, дать не можетъ. Подъ какимъ бы видомъ ни представляли сторонники эволюціи этихъ конечныхъ выводовъ, какъ бы ихъ ни называли,—все равно, природа ихъ отъ этого не измѣнится и они всегда будутъ парализовать доводы чело-

вѣческаго сознанія, побуждающаго человѣка къ самодѣятельности. Мы настаиваемъ на словѣ парализовать, потому что та счастливая комбинація, которую мы взяли исходнымъ пунктомъ, можетъ даже и не представиться, такъ какъ ея возможность и тѣмъ болѣе осуществленіе въ самомъ своемъ зародышѣ могутъ быть подавлены эволюціонизмомъ, который личное убѣжденіе можетъ понизить до степени только слабого желанія—имѣть убѣжденіе. На самомъ дѣлѣ надо обратить вниманіе на то, что доктрина эволюціонизма доказываетъ вліяніе на человѣческое сознаніе именно согласное съ самой своей природой и оно какъ обезличиваетъ истину, такъ равнымъ образомъ обезличиваетъ и самое личное. Пріучая видѣть въ наступленіи истины постепенное распространеніе силы, которая сама производитъ свои дѣйствія, насильственное вліяніе которой на человѣческую судьбу зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ и случайной игры происшествій, которая не можетъ въ чемъ либо терпѣть насильственнаго измѣненія или урона, и которая въ каждой частной стадіи своего развитія представляетъ относительно вѣрную истину,—доктрина эволюціонизма этимъ самымъ уничтожитъ въ душѣ человѣка всякое сознаніе личной отвѣтственности за свои поступки и въ конечномъ выводѣ дойдетъ до положенія, что истина обрѣтается только въ ней одной. И, конечно, если истина, пребывая въ эволюціи, уже отъ нея идетъ къ человѣку, то для этого послѣдняго становится по крайней мѣрѣ бесполезнымъ стремленіе къ отысканію и приобрѣтенію этой истины и тѣмъ болѣе необходимость жертвовать для этого отысканія своимъ покоемъ и благополучіемъ.

Такъ какъ полная истина недостижима для частнаго индивидуума, но только для цѣлаго человѣчества, или, быть можетъ, въ самой природѣ истины заключается ея поляйшая непостижимость даже и для всего-то человѣчества, и такъ какъ относительная истина есть только одинъ изъ моментовъ цѣлостной истины и моментовъ каждый разъ приспособленныхъ, то намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ примириться съ своимъ положеніемъ, довольствоваться той частью истины, которая намъ удѣлена, не быть слишкомъ честолю-

бивыми и предоставить себя на произволъ несущаго всѣхъ насъ жизненнаго потока. Вѣдь этотъ потокъ несомнѣнно идетъ къ прогрессу, самъ безъ нашего вѣдома преобразовываетъ родъ людской и этого преобразованія вполне достаточно для наступленія лучшаго будущаго, которое имѣетъ всѣ шансы на свое проявленіе...

Нельзя, конечно, думать, что всякій эволюціонистъ необходимо поддерживаетъ эти мысли; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ пришли бы въ ужасъ отъ такихъ выводовъ, но несомнѣнно то, что теорія эволюціи необходимо подготавливаетъ къ принятію этихъ выводовъ. Въ массѣ, благодаря принятію теоріи, образуется настроеніе очень благопріятное для ихъ принятія; эти выводы выростутъ на такой почвѣ самымъ успѣшнымъ образомъ; образуется привычка соглашаться и культивировать эти доводы, а привычка, говорятъ, вторая природа, и мало по-малу и на самомъ дѣлѣ можетъ замѣнить собою послѣднюю. Первоначальное направленіе сознанія, воспитанное при такихъ обстоятельствахъ, конечно, измѣнится и, развиваясь съ своей стороны, кончитъ полнѣйшимъ согласіемъ съ тѣмъ образомъ жизни и поведенія, противъ котораго оно и возставало первоначально; можетъ быть, даже больше—это искаженное сознаніе дастъ свою санкцію поведенію, основанному на крайнихъ выводахъ эволюціонизма и тогда произойдетъ то, что природа, освящаемая сознаніемъ, поглотитъ въ себѣ и уничтожитъ мораль.

Отсюда теряютъ свой смыслъ и значеніе всякая борьба, усилія, жертвы; онѣ становятся нужными только для легкой истины всеобщей эволюціи; теряетъ свой смыслъ и убѣжденіе въ высшемъ значеніи этого слова. Конечно, тогда останется согласіе, увѣренность, заправляющій жизненною и умственною дѣятельностью общій взглядъ на жизнь; но все это еще не составляетъ убѣжденія. Существо, бывшее сообразно своему истинному назначенію, отвѣтственнымъ работникомъ и дѣятелемъ истины, теперь низводится на степень простого результата, представляется только какъ одна изъ переходныхъ ступеней всеобщаго развитія; человѣкъ не можетъ уже свободно выбирать и реализовать свою рѣшимость дѣйствовать въ томъ

или иномъ направленіи, его способность воспринимать истину ставовится совершенно пассивной, для человѣка становится невозможнымъ энергичное стремленіе, приобрѣтеніе истины, для него нѣтъ ни побѣды, ни пораженія. Такое отреченіе отъ своего собственнаго я, такое постоянное подчиненіе произвольному ходу безличной истины не будетъ ли на самомъ дѣлѣ отреченіе отъ нравственности?

Совершенно другое представляетъ собою религіозное убѣжденіе. Конечно, и оно дѣлаетъ изъ человѣка побѣжденнаго, но побѣжденнаго славнаго, побѣдоноснаго. Свободно и добровольно признавая вліяніе божественной воли на человѣческую, божественнаго разума на человѣческую, это убѣжденіе содержитъ въ себѣ все, что есть только личнаго индивидуальнаго въ человѣкѣ и подчиняетъ его Высочайшей Личности—Богу. Далекое отъ того, чтобы подчинять сознаніе развитію природы, религіозное убѣжденіе, напротивъ, утверждаетъ сознаніе и возвышаетъ его надъ природой; и даже ни самъ человѣкъ, ни ходъ событій или космической законъ, ни даже моральный законъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ,—а именно Богъ—властвуетъ и прославляется индивидуумомъ въ его личномъ религіозномъ убѣжденіи. Кто-то сказалъ: быть убѣжденнымъ только что указаннымъ образомъ, это значитъ подчиниться, но подчиниться свободно, по доброй волѣ, это значить также—самому участвовать въ славѣ Того, Который прославляется чрезъ насъ. Конечно, и приобрѣтеніе религіознаго убѣжденія не дается безъ труда, борьбы и лишеній, но эти именно трудъ и лишенія и даютъ возможность человѣку найти самого себя, понять свое мѣсто въ этомъ мірѣ и твердо стать на путь выполненія своей жизненной задачи. Только при такихъ условіяхъ человѣкъ дѣлается собственно человѣкомъ, ставовится нѣкоторой величиной, съ которой уже необходимо должны считаться какъ Богъ, такъ и всѣ люди.

Изъ всего сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать то заключеніе, что религіозный эволюціонизмъ въ своемъ общемъ направленіи не только не содѣйствуетъ образованію личныхъ убѣжденій, но даже препятствуетъ ихъ пробужденію въ людяхъ, что даже самыя основоположенія системы эволю-

ціи, помимо личнаго убѣжденія, не имѣютъ ни дѣйствительности, ни моральной цѣнности. Кажется, для всякаго вполне понятно, что теорія эволюціи возвышаетъ природу надъ личностью,—какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ человѣку, что она представляетъ человѣку истину не права и личности, а истину факта, и что, резюмируя всякую истину въ эволюціи одной высшей истинѣ,—она налагаетъ на человека единственную обязанность въ видѣ печальной привилегіи признать себя тѣмъ, что есть, и примириться съ тѣмъ, чѣмъ онъ становится.

Такой выводъ, быть можетъ, покажется кому либо крайнимъ и сужденіе черезчуръ строгимъ?—Но можно опасаться, какъ бы послѣдующіе доводы не сдѣлали этого вывода еще болѣе суровымъ.

В. Д--въ.

(Продолженіе будетъ)

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8. 1905 года.

Содержаніе I. Епархіальныя извѣщенія.—Правила о производствѣ благоуѣста въ разное время года и въ разнымъ службамъ церковнымъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отоменіи за 1903 - 1904 учебный годъ.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ псаломщикъ Николаевской церкви, города Ахтырки, Владиміръ *Леонтовичъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви села Ворщеваго, Зміевского уѣзда.

б) Діаконъ церкви села Кочетка, Зміевского уѣзда, Іаковъ *Насѣдкинъ* опредѣленъ 25 апрѣля н. г. на священническое мѣсто при церкви слободы Чунаховки, Лебединскаго уѣзда

в) Діаконъ-псаломщикъ церкви при Харьковскомъ реальномъ училищѣ Евгеній *Богославскій* опредѣленъ 25-го апрѣля н. г. священникомъ въ Николаевской церкви, слоб. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.

г) Діаконъ Благоуѣщенской церкви, города Валокъ, Николай *Богославскій* опредѣленъ 8 апрѣля н. г. на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви Харьковскаго благотворительнаго общества.

д) Діаконъ-псаломщикъ церкви слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Василій *Фильценко* опредѣленъ на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ церкви слоб. Пристѣна, Купяцкаго уѣзда, Павелъ *Протопоповъ* опредѣленъ 25 апрѣля н. года на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Деркачей, Харьковскаго уѣзда.

ж) Учитель народнаго училища Николай *Кузубъ* опредѣленъ 25 апрѣля н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Варваровки, Старобѣльскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ церкви слоб. Покровской, Ахтырскаго уѣзда, Викторъ *Барабоха* опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви слоб. Терновой, Волчанскаго уѣзда.

- і) Крестьянинъ Тимошей *Прокопенко* опредѣленъ 14 апрѣля н. г. н. д. псаломщика къ церкви слоб. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
- п) Крестьянинъ Никифоръ *Бараненко* опредѣленъ 14 апрѣля н. д. псаломщика къ церкви слоб. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
- к) Сынъ діакона Ѳеодоръ Беззабава опредѣленъ 11 апрѣля н. д. псаломщика къ церкви села Гавриловки, Изюмскаго уѣзда.
- л) Крестьянинъ Николай *Черневъ* опредѣленъ 13 апрѣля н. г. н. д. псаломщика къ церкви с. Грачевки, Волчанскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

- а) Священникъ Вознесенской церкви, села Борщеваго, Зміевскаго уѣзда, Александръ *Виноградскій* перемѣщенъ на священническое мѣсто при церкви слоб. Звѣдокъ, Зміевскаго уѣзда.

3. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ Успенской церкви, города Золочева, Харьковскаго уѣзда, Василій *Ивановъ* утвержденъ 6 апрѣля законоучителемъ мѣстнаго женскаго народнаго училища.

4. О пожертвованіи.

Въ отношеніи Г. Товарница Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 8 апрѣля сего года за № 2638 на имя Его Высокопреосвященства, изложено слѣдующее: „Секретарь Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, по повелѣнію Ея Величества, проситъ объявить прихожанамъ Покровской церкви, слоб. Алексѣевки, Харьковской губерніи, благодарность отъ Имени Ея Величества за пожертвованіе чрезъ священника Андрея *Цономарева* въ складъ Ея Величества въ пользу воиновъ на Дальнемъ Востокѣ разныхъ предметовъ бѣлья. О таковой Всемилостивѣйшей благодарности Ея Императорскаго Величества имѣю честь сообщить Вашему Высокопреосвященству, покорнѣйше прося сдѣлать распоряженіе къ объявленію объ оной по принадлежности.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтениемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Государя и Архiepастыря покорнѣйшимъ слугою Владиміръ Саблеръ.

5. О смерти духовенства.

- а) Священникъ Покровской церкви, слоб. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Дмитрій *Цошовъ* умеръ 10 апрѣля сего года.

6. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

Къ Воскресенской кладбищенской церкви, города Валокъ, утвержденъ 25 апрѣля старостою крестьянинъ Онуфрій *Степаненко*.

7. Обь утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Успенской церкви, слоб. Лимапа, Старобѣльскаго уѣзда, Спмѣонъ *Наумовъ* утвержденъ 11 апрѣля духовникомъ 1-й половины 1 округа Старобѣльскаго уѣзда.

б) Протоіерей Харьковской Пантелеимоновской церкви Василій *Ветуховъ* утвержденъ 12 апрѣля н. г. духовникомъ 2 округа г. Харькова.

8. Вакантныя мѣста.

а) священническія.

При Покровской церкви, сл. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

- Соборной Покровской церкви, гор. Старобѣльска.
- Харьковской Благовѣщенской церкви.
- Харьковской Озерянской церкви.
- Харьковской Воскресенской церкви.
- Архангело-Михайловской церкви, сл. Райгородка, Изюмск. уѣзда.
- Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназій.
- Покровской церкви, гор. Богодухова.
- Покровской церкви, сл. Селимовки, Изюм. уѣзда.
- Александро-Невской церкви, при станиціи „Славянскъ“, К.-Х.-С. ж. д.
- Покровской церкви, с. Хухры, Ахтырскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Митрофаніевской церкви, сл. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.

- Троицкой церкви, сл. Качаловля, Богодуховскаго уѣзда.
- Ахтырско-Богородичной церкви, слоб. Калиновой Купянскаго уѣзда.
- Соборной Успенской церкви города Богодухова.
- Благовѣщенской церкви, города Валокъ.
- Успенской церкви, города Зміева.
- Троицкой церкви, слоб. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда.
- Владимірско-Богородичной церкви, с. Кочетка, Зміевскаго уѣзда.

в) Псаломщики:

При Харьковской Институтской Маріи Магдалин. церкви.

- Харьковской Воскресенской церкви.

При Харьковской Преображенской церкви.

- Харьковской Благовѣщенской церкви.
- Харьковской кладбищенской Иоанно-Усѣкловец. церкви.
- Харьковской Рождество-Богородичной церкви.
- Архан.-Михаилов. церкви, с. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда.
- Иоанно-Богословской церкви с. Бригадировки, Зміевского уѣзда.
- Петро-Павловской церкви, сл. Заводовъ, Изюмскаго уѣзда.
- Иоанно-Предтечевской церкви, села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
- Петро-Павловской церкви, сл. Лимана, Изюмскаго уѣзда.
- Сергіевской церкви, при Харьковской 2-й мужской гимназiи.
- Благовѣщенской церкви, города Валогъ.
- Покровской церкви, сл. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
- Харьковской Свято-Духовской церкви.
- Николаевской церкви, сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Каплуновки, Богодуховскаго у.
- Осіе Андреевской церкви, при Харьковскомъ реальномъ училищѣ.

Утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеvіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ 7 марта 1905 года, для руководства и исполненiя енархіальнаго духовенства

П Р А В И Л А

о производствѣ благовѣста въ разные дни года и въ разныхъ службахъ церковныхъ.

1) Благовѣсть въ первый, по величинѣ, колоколъ, частыми ударами (въ разгонъ) съ слѣдующимъ за нимъ трезвономъ производится: а) ко всенощнымъ бдѣніямъ и позднимъ литургіямъ въ дванадцатые праздники, во всѣ воскресные дни, въ дни среднихъ праздниковъ: въ день перенесенiя мощей святителя Николая, 9 мая; въ день памяти свв. Апостоловъ Петра и Павла, 29 юни, на Усѣкновение главы Св. Иоанна Предтечи, 29 августа; въ день памяти Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, 30 августа; въ день Св. Апостола Иоанна Богослова, 26 сентября, на Покровъ Божіей Матери, 1 октября; въ день празднованiя Казанской иконѣ Божіей Матери, 22 октября; въ день памяти Святителя Николая, 6 декабря; во второй и третій день Рождества Христова,

на Новый годъ, во всю Свѣтлую седмицу, въ Духовъ день, во всѣ дни царскіе и вѣкторіальныя и въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ есть чудотворныя, или мѣстно-чтимыя иконы, въ дни седмицы, посвященные чествованію этихъ иконъ; б) къ торжественнымъ вечернямъ въ воскресныя и праздничныя дни, совершаемымъ по указу Св. Синода, отъ 28 марта 1886 года за № 4, къ вечернямъ въ дни храмовыхъ праздниковъ, къ вечернямъ въ недѣлю сыропустную въ 1, 2, 3, 4 и 5 воскресенія Великаго поста, въ недѣлю Ваий и въ недѣлю Оомнну; в) къ великой вечернѣ, или къ литургіи, начинающейся вечернею, въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія; г) къ Страстямъ и къ утренѣ и литургіи въ великую субботу; д) къ молебнамъ въ храмовые праздники и къ молебнамъ, совершаемымъ по особымъ распоряженіямъ Начальства; е) во время крестныхъ ходовъ для освященія воды въ день Богоявленія, на Преполовенеіи и 1 августа и во время крестныхъ ходовъ съ чудотворнымъ или мѣстно-чтимыми иконами. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ предъ началомъ службы производится благовѣсть въ одинъ колоколъ, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по важности дня и даннаго богослуженія, а затѣмъ при началѣ самаго богослуженія трезвонъ; къ литургіи благовѣсть въ одинъ колоколъ производится предъ часами, затѣмъ онъ прекращается, а къ началу самой литургіи производится трезвонъ; къ молебнымъ пѣніямъ и крестнымъ ходамъ предъ началомъ этихъ богослуженій благовѣсть въ одинъ колоколъ, а во время многолѣтія въ концѣ молебна и во время самаго движенія крестнаго хода трезвонъ.

2) Благовѣсть въ большой колоколъ, первый по величинѣ, косо и безъ трезвона, производится: а) къ раннимъ литургіямъ въ великіе праздники, въ средніе праздники, перечисленные выше и въ субботы Великаго поста; б) къ вечернѣ въ великій пятокъ и в) къ пасхѣ въ каѳедральномъ соборѣ.

3) Погребальный трезвонъ во всѣ колокола, въ томъ числѣ и въ большой колоколъ, производится: а) при перенесеніи тѣлъ умершихъ какъ изъ дома въ церковь, такъ и изъ церкви на кладбище; б) при выносѣ Св. Креста на утренѣ въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня и въ недѣлю Крестопоклонную; в) при выносѣ плащаницы на вечернѣ въ великій пятокъ; г) при перенесеніи плащаницы на той же вечернѣ изъ каѳедральнаго собора въ Покровскій монастырь; при обнесеніи плащаницы вокругъ церкви на утренѣ въ великую субботу.

4) Благовѣсть во второй по величинѣ колоколъ, частыми ударами, съ трезвonomъ безъ большого колокола, производится: а) къ вечернямъ или всепошнымъ бдѣніямъ, утренямъ и литургіямъ въ средніе праздники, имено: въ день памяти св. Апостола Іоанна Богослова, 8 мая; на Рождество Св. Іоанна Предтечи, 24 іюня; въ день явленія Казанской иконы Божіей Матери, 8 іюля; въ день памяти Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, 15 го іюля; въ день Св. Пророка Ілія, 20-го іюля въ день Св. великомученика Павтелемона, 27-го іюля; въ день происхожденія честныхъ древъ животворящаго Креста, 1 августа и на соборъ Архистратва Михаила, 8 ноября; б) въ дни отданій великихъ праздниковъ; в) къ Андрееву стоянію; г) къ утренѣ и литургіи въ субботу аваиаста; д) къ утренямъ и литургіямъ въ другія субботы великаго поста; е) къ вечернямъ, утренямъ и литургіямъ въ субботы въ теченіе всего года.

5) Благовѣсть во второй по величинѣ колоколъ, косо и безъ трезвона: а) къ часамъ въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія и въ великій пятокъ; б) къ чтенію дѣяній Св. Апостоловъ въ Пасхальную ночь.

6) Благовѣсть въ третій по величинѣ колоколъ, (буденный), косо, но съ трезвonomъ безъ первыхъ двухъ колоколовъ производится: къ поздней литургіи, если она по какому-либо случаю совершается въ простые дни.

7) Трезвонъ во всѣ колокола безъ первыхъ двухъ производится ко всѣмъ литургіямъ Преждеосвященныхъ Даровъ.

8) Благовѣсть въ буденный колоколъ, косо и безъ трезвона, производится въ простые седмичные дни всего года, за исключеніемъ Великаго поста, къ вечернямъ, утренямъ и раннимъ литургіямъ.

9) Благовѣсть въ четвертый по величинѣ (постовой) колоколъ, косо и безъ трезвона, производится къ повечеріямъ, утренямъ и часамъ въ Великій постъ.

10) Звонъ къ богослуженіямъ на пасхальной седмицѣ производится такъ: сперва ударяютъ во всѣ колокола вмѣстѣ три раза, затѣмъ слѣдуетъ благовѣсть въ большой колоколъ въ разгонъ и наконецъ къ самому началу службы трезвонъ во всѣ колокола.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1903—1904 учебный годъ.

(Продолженіе *).

е) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Отчетный учебный годъ начался съ 20 августа 1903 года. 20 и 21 августа были произведены переэкзаменовки и дополнительныя испытанія тѣмъ воспитанницамъ, которыя получили неудовлетворительныя баллы на годовыхъ испытаніяхъ или не держали экзамена по болѣзни; 25—26 августа произведены были испытанія тѣмъ дѣвицамъ, которыя поступали въ училище вновь. Съ 1 сентября начались классныя занятія и продолжались по 30 апрѣля. Время экзаменаціонныхъ испытаній воспитанницъ всѣхъ классовъ распределено было между 1 мая и 3 іюня согласно росписанію, составленному инспекторомъ классовъ, рассмотрѣнному Совѣтомъ и утвержденному Его Высокопреосвященствомъ. Экзамены производили комиссіи, состоявшія изъ преподавателей подъ предѣдательствомъ предѣдателя Совѣта училища, начальницы, инспектора классовъ и членовъ училищнаго Совѣта. Послѣ испытаній общимъ собраніемъ педагогическаго Совѣта, по рассмотрѣніи результатовъ испытаній и годичныхъ успѣховъ, были составлены переводные списки воспитанницъ. Учебный годъ закончился торжественнымъ актомъ 6 іюня на которомъ Его Высокопреосвященствомъ были розданы аттестаты окончившимъ курсъ ученія (воспитанницы младшихъ классовъ отпускались по окончаніи экзаменовъ въ каждый классъ). Переэкзаменовки воспитанницъ произведены 23 и 24 августа 1904 года.

ж) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ полный курсъ съ аттестатами и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

По окончаніи годичныхъ испытаній и переэкзаменовокъ постановленіемъ Педагогическаго Совѣта, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, одѣ воспитанницы переведены были въ слѣдующіе классы, другія оставлены на повторительный курсъ и нѣсколько уволено по прошенію родителей.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ число воспитанницъ, выпущенныхъ среди учебнаго года, принятыхъ вновь, а также результаты экзаменовъ и переэкзаменовокъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 5, за т. г.

К Л А С С Ы.	Число воспитан. въ классѣ къ началу учебнаго года.		Сколько выбыло изъ учил.	Сколько принято вновь въ училище.	Сколько состоялось воспитанницъ къ концу года.	Сколько воспит. переведено безъ переекзаменовокъ.	Сколько удостоено наградъ.	Сколько держало переекз.	Сколько успѣшно выдержали переекзаменовки.	Сколько переведено безъ экзамена.	Число остав. на повторит. курсъ по малоуспѣшности.	Число оставшихся по прошенію родителей.	Число уволенныхъ по малоуспѣшности.	Число уволенныхъ по прошенію родителей.
	653	13												
Приготовит. норм.	53	2	2	53	40	6	8	4	—	5	1	2	1	
Приготовит. парал.	53	—	2	55	46	7	4	2	—	4	1	2	—	
I нормальный . .	55	3	1	53	35	6	7	1	—	13	3	—	—	
I параллельный . .	57	1	—	56	37	4	7	4	—	13	1	1	1	
II нормальный . .	51	—	—	51	45	7	6	6	—	—	—	—	1	
II параллельный . .	50	2	—	48	31	1	9	4	—	5	4	—	1	
III нормальный . .	49	—	—	49	41	3	5	3	—	4	—	—	1	
III параллельный . .	43	1	1	43	34	3	4	2	—	6	—	—	1	
IV нормальный . .	45	—	—	45	40	6	4	2	—	3	—	—	—	
IV параллельный . .	46	—	—	46	38	2	3	1	—	4	3	—	—	
V нормальный . .	39	4	1	36	32	3	1	—	—	1	2	—	1	
V параллельный . .	42	—	—	42	33	2	6	5	1	2	2	—	1	
VI нормальный . .	39	—	—	39	—	5	—	—	—	—	1	—	—	
VI параллельный . .	37	—	—	37	—	3	—	—	—	—	—	—	—	
Итого . .	659	13	7	653	452	58	64	34	1	60	18	5	8	

Такимъ образомъ изъ 653 воспитанницъ выпущено съ установленными аттестатами объ окончаніи курса 75, переведено въ слѣдующіе классы 487, оставлено на повторительный курсъ 78 и уволено изъ училища 13 ученицъ.

За выключеніемъ воспитанницъ выпущенныхъ 75 и уволенныхъ 13, къ началу текущаго 1904—1905 учебнаго года изъ отчетнаго состава воспитанницъ оставалось 565.

Въ августѣ 1904 года вновь принято въ число воспитанницъ 99 дѣвицъ: въ подготовительный классъ 94, въ 1 классъ—1, во 2 классъ—2, въ 3 классъ—1 и въ 6 классъ—1.

Учебный годъ начался при 664 воспитанницахъ. По классамъ оны распредѣлены такъ: въ подготов. норм. 53, въ подготов. паралл. 52, въ I норм. 62, въ I паралл. 61, во II норм.—44, во II паралл. 46, въ III норм.—51, въ III паралл.—46, въ IV норм.—46, въ IV паралл.—43, въ V норм.—45, V паралл.—43, въ VI норм.—34 и въ VI паралл.—38 воспитанницъ.

3. *Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.*

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ прилагающейся таблицѣ, показывающей число воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы: 5, 4, 3, 2 по всемъ предметамъ вмѣстѣ и не оказавшихъ успѣховъ.

К Л А С С Ы.	Общее число воспитанницъ.	Число получившихъ баллы.				Не оказавъ успѣховъ.
		5	4	3	2	
Приготовительный нормальный .	53	16	15	15	4	3
Приготовительный параллельный.	55	22	15	12	6	—
I нормальный	53	15	13	16	5	4
I параллельный.	56	12	23	10	9	2
II нормальный	51	17	21	13	—	—
II параллельный.	48	9	22	11	1	5
III нормальный.	49	12	25	11	—	1
III параллельный	43	9	16	15	3	—
IV нормальный	45	13	25	7	—	—
IV параллельный	46	13	25	6	—	2
V нормальный	36	10	17	5	—	4
V параллельный	42	10	19	10	1	2
VI нормальный.	39	14	23	1	—	1
VI параллельный	37	16	20	1	—	—

Такимъ образомъ, какъ видно изъ представленной таблицы, успѣхи воспитанницъ за отчетный годъ могутъ быть признаны вполне удовлетворительными, особенно если принять во вниманіе ограниченность времени, которымъ располагаютъ воспитанницы (старшихъ классовъ) для приготовленія уроковъ, такъ какъ кромѣ классныхъ уроковъ у воспитанницъ есть не мало и другихъ занятій. Къ такимъ занятіямъ относятся: 1) приготовленіе срочныхъ письменныхъ работъ; 2) посѣщеніе воспитанницами 5 и 6 класса образцовой школы и вечерняя подготовка къ занятіямъ въ ней; 3) занятіе воспитанницъ музыкой, рукодѣліемъ, которымъ онѣ занимаются и во внѣклассное время и 4) участвованіе наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней на спѣвкахъ для подготовленія къ богослуженію.

Вполнѣ удовлетворительными также были успѣхи и по необязательнымъ предметамъ: французскому языку, чистописанію, рисованію, рукодѣлію и иконописанію. Французскому языку обучалось 147 воспитанницъ, изъ нихъ въ первомъ классѣ—26, во второмъ классѣ—30, въ третьемъ классѣ—27, въ четвертомъ классѣ—32, въ пятомъ классѣ—15 и въ шестомъ классѣ—17. Музыкѣ обучалось 271 воспитанница. Кромѣ того

29 воспитаницъ разныхъ классовъ обучались игрѣ на скрипкѣ. Рисованію обучалось 57 воспитаницъ, иконописанію — 21.

Лучшія воспитанницы по успѣхамъ и поведенію, согласно постановленію педагогическаго Совѣта, Его Высокопреосвященствомъ утвержденному, удостоены награды книгами и похвальными листами. Въ приготовительномъ нормальномъ классѣ удостоены награды 6 воспитаницъ, въ приготовительномъ парал.—7, въ I норм.—6, въ I парал.—4, во II норм.—7, во II парал.—1, въ III норм.—3, въ III парал.—3, въ IV норм.—6, въ IV парал.—2, въ V норм.—3, въ V парал.—2, въ VI норм.—5 и въ VI парал.—3 воспитанницы. Награды давались воспитанницамъ, имѣющимъ по каждому предмету годовой и экзаменный баллъ „5“.

2. Поведеніе воспитаницъ, за которымъ, согласно § 29 училищнаго устава, имѣла наблюденіе главнымъ образомъ начальница училища лично и чрезъ воспитательницъ, въ отчетномъ году у всѣхъ было отмѣчено балломъ „5“. Воспитанницы проявили добрыя навыки, свидѣтельствующіе о должномъ направленіи ихъ ума и сердца. Къ учебнымъ занятіямъ были усердны и исполнительны, по отношенію къ начальствующимъ и учащимъ послушны, предупредительны и скромны, во взаимныхъ отношеніяхъ проявляли вѣжливость и услужливость. Вообще онѣ были внимательны къ своему дѣлу и трудолюбивы; замѣчавшаяся-же малоуспѣшность нѣкоторыхъ изъ ихъ имѣла причинами своими неразвитость и малоспособность. Религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей руководила начальница лично и чрезъ воспитательницъ, при обязательномъ содѣйствіи инспектора классовъ. На развитіе и укрѣпленіе въ воспитанницахъ любви и уваженія къ православнои церкви, ея священнодѣйствіямъ и уставамъ всегда общается самое строгое вниманіе. Съ этою цѣлью каждый день начинался и заканчивался молитвой, совершаемой въ церкви. Утреннія и вечернія молитвы читались воспитанницами каждаго класса поочередно, причемъ на утреннихъ молитвахъ читалось дневное евангеліе. Нѣкоторыя изъ молитвъ пѣлись воспитанницами; молитвы также пѣлись предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи. Въ воскресные и праздничные дни воспитанницы неопустительно присутствовали при богослуженіи въ училищной церкви подъ надзоромъ начальницы и воспитательницъ, при чемъ исполняли все церковное чтеніе и пѣніе. Въ цѣляхъ возвышенія качествъ церковнаго чтенія инспекторъ классовъ къ каждому изъ богослуженій назначалъ воспитаницъ, показывая имъ отдѣлы богослужебныхъ книгъ и провѣряя степень ихъ подготовленности.

Соблюдая посты, установленныя православнои церковью, въ Рождественскій постъ, съ 18 по 21 ноября и на 1 недѣлѣ Великаго поста всѣ воспитанницы говѣли, исповѣдывались и приобщались Св. Таинъ. Назида-

тельный примѣръ въ этомъ подавала начальница и воспитательницы. Во дни говѣнья онѣ освобождались какъ отъ классныхъ занятій, такъ и отъ домашнихъ обязательныхъ работъ. Во исполненіе указа Св. Синода отъ 13 сентября 1889 года за № 9, въ теченіе всего великаго поста, по средамъ и пятницамъ, для воспитанницъ инспекторомъ классовъ была совершаема литургія Преждеосвященныхъ Даровъ предъ началомъ уроковъ, вмѣсто общей—пред. классной молитвы. Воспитанницы, оставшіяся въ училищѣ на Пасхальные капикулы, говѣли еще на страстной недѣлѣ Великаго поста. Вообще постановка воспитательной части въ училищѣ была сообразна училищному уставу, циркулярнымъ постановленіямъ Св. Синода и требованіямъ правилъ инструкцій.

3. Какъ и въ прежніе годы, Совѣтомъ училища обращалось надлежащее вниманіе на здоровье воспитанницъ. При непосредственномъ и всегдашнемъ наблюденіи начальницы училища, во всѣхъ помѣщеніяхъ училища, надлежащимъ образомъ освѣжался воздухъ и производилась въ потребныхъ случаяхъ дезинфекція. Воспитанницы гуляли въ училищномъ саду въ благопріятную погоду; черезъ двѣ недѣли ходили въ баню. Обращалось также особенное вниманіе на доброкачественность продуктовъ, доставляемыхъ въ училище для питанія воспитанницъ, на доброкачественность воды для питья и на улучшеніе вечерняго освѣщенія классныхъ помѣщеній.

Состояніе здоровья воспитанницъ въ отчетномъ году было вообще удовлетворительно. Всѣхъ случаевъ заболѣванія и лѣченія къ училищной больницѣ было 411. Изъ острыхъ, инфекціонныхъ болѣзней въ отчетномъ году наблюдались: вѣтряная оспа—12 случаевъ, заушница—25 случаевъ, рожа—1 случай, корь—30 случаевъ, пузырьчатая жаба—12 случаевъ, брюшной тифъ—1 случай, воспаленіе лимфатической железы—3 случая, воспаленіе подчелюстной желѣзы—5 случаевъ, воспаленіе наружнаго слухового прохода—3 случая, воспаленіе кожи 1 случай, межреберная невралгія—2 случая, суставный ревматизмъ—3 случая. Наибольшее число воспитанницъ, пользовавшихся въ больницѣ, какъ и въ прежніе годы, представляли заболѣванія простудными или желудочными болѣзнями: таковы—жаба 63 случая, малярія—45, краснушка—39 случаевъ, гриппъ—32 случая, ревматизмъ—16 случаевъ, катарръ гортани—16 случаевъ, катарръ дыхательныхъ вѣтвей—33 случая, катарръ желудка—14 случаевъ, катарръ кишекъ—33 случая, эритема—14 случаевъ, экзема—9 случаевъ. Строгая изоляція больныхъ, тщательная дезинфекція училищныхъ помѣщеній, внимательный уходъ и лѣченіе заболѣвшихъ помогли тому, что никакая изъ болѣзней, особенно заразныхъ не распространилась и больные выздоравливали. Смертный случай былъ одинъ (умерла воспитанница нормальнаго класса Сидоренко Евгенія отъ отека легкихъ при кори).

При училищѣ устроенъ зуболѣчебный кабинетъ со всѣми необходимыми принадлежностями для лѣченія, пріобрѣтеннымъ на средства училища. Въ теченіе года зубнымъ врачомъ Л. С. Тимченко оказана помощь 250 воспитанницамъ, больнымъ зубамъ.

и) Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища.

Законоучителемъ, священникомъ *Іоанномъ Котовымъ* (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока, по обязанностямъ инспектора классовъ. Законоучителемъ, священникомъ *Николаемъ Любарскимъ* (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ, священникомъ *Павломъ Тимофеевымъ* (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ, 4 по болѣзни и 9 по обязанностямъ приходского священника. Законоучителемъ, священникомъ *Іоанномъ Гораинымъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по обязанностямъ приходского священника. Законоучителемъ, священникомъ *Іоанномъ Толмачевымъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 26 уроковъ, 14 по семейнымъ обстоятельствамъ и 12 по обязанности священника въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ русскаго языка *М. В. Добронравовымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 6 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *П. В. Гошнымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 7 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокоревымъ* (21 урокъ въ недѣлю) пропущено 38 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *Я. М. Колосовскимъ* (23 урока въ недѣлю) пропущено 19 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *В. Н. Мощенко* (17 уроковъ въ недѣлю) пропущено 29 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ географіи, священникомъ *Василіемъ Яновскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 22 урока, 12 по болѣзни, 10 по обязанностямъ приходского священника. Учительницей географіи *Л. Е. Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи и исторіи *Е. П. Трифильевымъ* (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 24 урока, по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіи *А. Ѡ. Вертеловскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (6 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницей русскаго языка и ариметики *М. Д. Дмитриевой* (22 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учителемъ церковнаго пѣнія, священникомъ *Іоанномъ Петровскимъ*

(24 урока въ недѣлю) пропущено 20 уроковъ, 8 по болѣзни, 7 по обязанностямъ казначея и 5 по семейнымъ обстоятельствамъ. Учителемъ чиstopисанія и рисованія *А. Д. Дмитриевымъ* (9 уроковъ въ недѣлю) пропущено 82 урока, 65 по болѣзни, 17 по обязанностямъ эксперта въ въ оружномъ судѣ. Учительницей чиstopисанія *Е. А. Ермольской* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 27 уроковъ, 15 по болѣзни, 12 по семейнымъ обстоятельствамъ. Учительницей французскаго языка *М. А. Страховой* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 20 уроковъ по болѣзни. Учительницей приготовительнаго класса *Т. А. Щелкуновой* (20 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока.

і) Обстоятельства, благоприятствовавшія и препятствовавшія успѣшному веденію учебнаго дѣла. Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, воплотивъ согласно съ § 83 „Уст. Епарх. жещк. учл.“. Къ обстоятельствамъ, благоприятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго дѣла надо отнести то, что почти всѣ преподаватели были съ высшимъ образованіемъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ путемъ долговременной службы пріобрѣли большую опытность въ дѣлѣ преподаванія. Преподаватели и преподавательницы относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ; классныя занятія производились или своевременно; содержаніе уроковъ и вообще распределеніе учебнаго матеріала по классамъ было выполняемо согласно программамъ.

Классныя воспитательницы и ихъ помощницы усердно содѣйствовали успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла; присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку или рукодѣліемъ.

Изъ мѣръ, принятыхъ для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла въ отчетномъ году, заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

1) Какъ и въ прежніе годы, чрезъ каждые два мѣсяца инспекторъ классовъ вносилъ въ Совѣтъ вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленную на основаніи общихъ отмѣтокъ преподавателей. Эта вѣдомость разсматривалась въ Совѣтѣ при участіи всѣхъ преподавателей и преподавательницъ, при чемъ выяснялись причины неуспѣшности ученицъ и указывались мѣры для ихъ исправленій. Малоспособныя и недостаточно раз-

витыя ученицы подвергались особому вниманію преподавателей, а невнимательныя и нерадивыя подвергались взысканію.

2) Вѣдомость о числѣ малоуспѣвающихъ воспитаницъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ Совѣтомъ представлялась при журналахъ Его Высокопресвященству.

3) Для поднятія уровня развитія воспитаницъ инспекторомъ классовъ и преподавателями обращалось вниманіе на внѣклассное чтеніе воспитаницами книгъ. Совѣтъ училища озаботился пополненіемъ библіотеки изданіями религіозно-нравственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для внѣкласснаго чтенія учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При постановкѣ и веденіи внѣкласснаго чтенія были приняты къ руководству особыя правила, выработанныя Совѣтомъ училища еще въ предшествующіе годы. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году практиковалась общія для всего класса чтенія книгъ, особенно во время механическихъ занятій руководіемъ. Въ Великій постъ, особенно во дни говѣнья, ученицамъ выдавались книги для чтенія религіозно-назидательнаго содержанія.

4) Кромѣ употребленія наглядныхъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія знаній, неоднократно во внѣклассное время показывались воспитаницамъ при помощи волшебнаго фонаря туманныя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священно-историческія событія, изображенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, физическія явленія, замѣчательныя виды на землѣ, архитектурныя сооруженія, типы народовъ, при чемъ велись соотвѣтствующія картинамъ чтенія или давались надлежащія разъясненія. Чтенія вносили много оживленія въ монотонную жизнь учащихся и усилили въ дѣтяхъ религіозно научные интересы.

5) Для развитія литературнаго вкуса воспитаницъ, для приученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія, иногда устраивались въ присутствіи близкихъ училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитаницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленные пьесы.

6) Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитаницъ, Совѣтъ училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ тою-же цѣлью при отпускахъ воспитаницъ въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпускныхъ билетахъ, а послѣ каждой недѣли списокъ воспитаницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы, представлялся начальницѣ училища, которая дѣлала означеннымъ воспитаницамъ внушенія и подвергала ихъ извѣстному взысканію. Инспекторъ классовъ съ своей стороны

при удобномъ случаѣ побуждалъ ихъ къ усердному отношенію къ дѣлу.

7) Въ старшихъ классахъ весьма много способствовали развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ при училищѣ, которыми руководилъ завѣдующій школою Харьковскій Епархіальный наблюдатель

Особыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла въ отчетномъ году не было.

(Окончаніе будетъ).

II.

Содержаніе. II. Христосъ Воскресе.—Воскресеніе Христово (стихотвореніе) *Θ Благова*.—О желательныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ современнаго строи церковно-приходской жпзи. *Д.*—Желательно-ли восстановленіе права прихожанъ выбирать себѣ священника? *Иаваи Левитова*.—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Торжественное Собраніе Харьковскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, происходившее 10 апрѣля (недѣля Ваиф) въ покояхъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Еще о похпщеніи иконы Ахтырской Божіей Матери изъ Соборнаго храма г. Ахтырки, Харьковской губ.—Ино-епархіальный отдѣлъ. Заботы духовенства о дѣтяхъ.—О подворьѣ для духовенства.—Разныя извѣстія и замѣтки. Сусвѣрное употребленіе въ быту Малороссовъ просфоръ и вина, обыкновенно благословляемыхъ на всенощныхъ бдѣняхъ вообще, въ частности—въ день Благосвѣщенія Пресвятой Богородицы.—Что можетъ сдѣлать одна копѣйка? Объявленія.

Христосъ Воскресе!

Радость о Воскресшемъ Господѣ, побѣдившемъ смерть и даровавшемъ вѣчную жизнь, тысячи лѣтъ животворила все христіанское человѣчество, всегда и всюду обнимала старость и молодость и наполняла сердца благодатными небесными бленіями. Всегда у Христа было много враговъ и среди поколѣній распинателей, и среди ученыхъ политиковъ, и даже среди геніевъ человѣческихъ—и никому, и никогда не удавалась умалить нравственный Божественный Ликъ Христа и отнять радость Его воскресенія у вѣрующаго въ Него человѣчества. „*Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ*“. Христосъ Воскресе!

Безотрадныя и гнетущіе дни переживаетъ нынѣ Россія. Смутно и темно общественное самосознаніе. Истина и ложь перемѣшались между собою; зло и добро—стали равночестны...

Но какъ пирамиды возвышаются надъ равнинами Египта,—говоритъ одинъ ученый,—такъ Христось стоитъ недосыгаемо-высоко надъ всѣми человѣческими учителями и ученіями. „Никогда еще человѣкъ не говорилъ такъ, какъ сей Человѣкъ“ (Іоан. VII, 46). „Азь есмь свѣтъ міру, истина и жизнь“ (Іоан. VIII, 12). „Небо и земля исчезнутъ, но слово Мое никогда не исчезнетъ“ (Мѡ. XXIV, 35). И откройте, въ самомъ дѣлѣ, Евангеліе! Какое неслыханное могущество! Какая сила! Какое спокойствіе! Какая небесная простота! При чтеніи его даже у безбожника невольно вырвались слова: „Если жизнь и смерть Сократа свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о мудрецѣ, то жизнь и смерть Іисуса свидѣтельствуютъ о Немъ, какъ о Богѣ“.

Но если во многихъ общественныхъ умахъ проявляются смута и объязыченіе мысли, то живетъ и дѣйствуетъ Христось въ сердцѣ и духѣ простого русскаго народа. Со Христомъ онъ ходитъ и со Христомъ работаетъ—и вотъ почему „Христовъ день“ нигдѣ въ мірѣ не встрѣчается съ такимъ все-объемлющимъ ликованіемъ, какъ на Русской землѣ. Христось Воскресе!

Вмѣстѣ со смутою мысли въ наши дни нерѣдко проявляется и одичаніе нравственнаго чувства. Вмѣсто Евангельскаго завета христіанской любви не только проповѣдуется, но и проводится въ жизнь *самолюбіе* (эгоизмъ), какъ основной законъ человѣческой дѣятельности, и польза другихъ лишь только соображается съ пользою личной. Это себялюбивое начало, источникъ всякаго зла и основа грѣха, возводится до сатанинскаго смысла и значенія: все слабое, немощное въ человѣческомъ родѣ не достойно существованія и еще менѣе достойно сожалѣнія; тѣлесная сила выше всякой добродѣтели—и босячество возводится въ героизмъ, привлекающій къ себѣ общественное вниманіе и сочувствіе. Враги Христа гордо поднимаютъ голову и готовы снова распять Его на крестѣ. Связи общественной жизни все болѣе и болѣе надрываются; строгая законность замѣняется дикимъ произволомъ и, во имя свободы, дикимъ насиліемъ, отмѣчающимъ свою власть кровавыми слѣдами; на мѣстѣ порядка является анархія.

Но вѣрующее сердце русскаго народа глубоко чувствуетъ и постигаетъ, что Христось есть Спаситель міра и что съ

Его воскресеніемъ началось новое твореніе человѣческаго міра и что заповѣди Бога Отца и человѣческаго братства и животворящей силы Духа суть свѣточи, совершившіе коренной переворотъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, въ умственномъ и нравственномъ, семейномъ и гражданскомъ, и заставившіе биться пульсъ всемірной исторіи съ новой энергіей. Во имя Христа живетъ и дѣйствуетъ въ немъ жалость къ бѣдствующему человѣчеству. *Христовъ день* на Руси есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ. Другъ друга обьемемъ и тако возопіемъ: Христосъ Воскресе!

Всѣ новѣйшія ученія и направленія жизни вырождаются въ безутѣшныя и безотрадныя формы: то приводятъ къ полнѣйшему разврату, то къ безграничному сомнѣнію и отчаянію во всемъ, то даже къ презрѣнію самой жизни.

Только Христосъ Богъ нашъ Своимъ воскресеніемъ приводитъ человѣческое сердце отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Только здѣсь—спасеніе, радость и упованіе во всѣхъ угнетеніяхъ и ненасытимыхъ желаніяхъ человѣческаго духа. Христосъ Воскресе! *).

Воскресеніе Христова.

Великій праздникъ любви и свѣта,
Святыхъ желаній и райскихъ грезъ.
Воскресшей вѣрой душа согрѣта,
Свободно сердце отъ смутныхъ слезъ.
Земля ликуетъ; побѣдной пѣсней
Гудитъ, несется могучій звонъ.
Міръ возродился и сталъ чудеснѣй;
Развѣянъ смерти тяжелый сонъ.
Лобзанья, радость, слова привѣта,
Молитвы мира въ мечтахъ святыхъ;
Великій праздникъ любви и свѣта,
Надеждъ небесныхъ и золотыхъ *).

Осодоръ Благовъ.

*) „Моск. Л.“

*) „Рус. Л.“

О желательныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ современнаго строя церковно-приходской жизни.

(По поводу современныхъ толковъ о возрожденіи древне-русскаго прихода).

Всякому внимательному наблюдателю современной церковно-приходской жизни бросаются въ глаза многіе ея недочеты. Таковы, напримѣръ, нерѣдкое отсутствіе сплоченности между членами паствы, холодное отношеніе ихъ къ своему пастырю, слабыя проявленія христіанской благотворительности, недостатокъ общительности и братолюбія, развитіе различныхъ темныхъ сторонъ народнаго быта.

Лица, не мало думавшія о причинахъ указанныхъ явленій и способахъ ихъ устраненія, пришли къ мысли, что улучшение современной церковно-приходской и религіозно общественной жизни возможно лишь путемъ возрожденія прихода, его новой организаціи въ духѣ первохристіанской и древне-русской церкви. Отсюда вопросъ о приходѣ пріобрѣлъ особенную популярность, сдѣлался, такъ сказать, моднымъ, злободневнымъ вопросомъ и за послѣдніе годы не сходитъ со страницъ нашей періодической печати, не только духовной, но и свѣтской.

Въ своихъ пожеланіяхъ возрожденія прихода многіе публицисты (напримѣръ, Шаратовъ, Одарченко), зашли слишкомъ уже далеко. Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли даже видѣть въ немъ одинъ изъ способовъ новой организаціи государственной жизни, образованія такого ея строя, при которомъ приходъ представлялъ бы изъ себя автономную ячейку, совершенно самостоятельную единицу, соединеніе которой съ другими подобными единицами образовало бы государственное тѣло. При этомъ церковное значеніе прихода, его религіозно-просвѣтительная и благотворительная дѣятельность совершенно подавлялась бы чисто мірскими, государственными цѣлями. Съ этой точки зрѣнія приходъ, совершенно независимый отъ епархіальной и центральной духовной власти долженъ явиться чѣмъ то въ родѣ мелкой земской единицы, имѣющей свое самоуправленіе, свои кассы взаимопомощи, бібліотеки, читальни, банки и т. п. Церковное имущество, составляя часть обще-приходской соб-

ственности, должно подлежать въ полной мѣрѣ вѣдѣнію прихожанъ и расходываться не только на храмъ, но и на другія общественныя нужды. Легко видѣть, что согласно этому проекту, хотя съ внѣшней стороны приходская жизнь и группируется вокругъ храма, но въ дѣйствительности не она ставится въ зависимость отъ церкви и проникается церковнымъ духомъ, а наоборотъ, жизнь церкви и дѣятельность священника становится одной изъ функцій общеприходской, чисто свѣтской жизни.

Другіе публицисты, преимущественно богословы, желаютъ возрожденія прихода въ иныхъ, гораздо болѣе осуществимыхъ формахъ. Всѣ желанія въ сущности сводятся къ слѣдующему: 1) къ признанію прихода, какъ совокупности членовъ известной паствы, приписанныхъ къ опредѣленному храму, во главѣ со священникомъ, юридическимъ лицомъ, имѣющимъ право приобрѣтать имущество, которое должно составлять собственность всѣхъ прихожанъ; 2) къ предоставленію возможности и права членамъ прихода принимать ближайшее участие въ веденіи церковнаго хозяйства и контролировать движеніе церковныхъ суммъ; 3) къ тому, чтобы жертвуемая прихожанами деньги употреблялись преимущественно, если не исключительно, на нужды *мѣстнаго* храма и *мѣстных* благотворительно-просвѣтительныхъ учреждений; 4) къ восстановленію древне-русскаго права прихожанъ выбирать себѣ священно-церковно служителей; 5) къ устройству церковно-приходскихъ совѣтовъ, завѣдующихъ жизнью церковной общины и состоящихъ изъ представителей паствы во главѣ со священникомъ, а также общеприходскихъ собраній и благотворительно-просвѣтительныхъ учреждений; и, наконецъ, въ результатѣ всего этого 6) къ большей сплоченности прихожанъ съ пастыремъ и другъ другомъ, къ развитію въ нихъ религіозности и духа христіанской любви, къ увеличенію благотворительности, къ росту школьнаго дѣла, къ болѣе успѣшной борьбѣ съ расколомъ и сектанствомъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу проектовъ и пожеланій этого рода.

Мысль объ организаціи прихода, какъ самостоятельной госу-

дарственной единицы, какъ отдѣльной клѣточкой огромнаго политическаго тѣла, представляется намъ слишкомъ отдаленной и едва ли осуществимой. Если бы даже мы и признали принципиальную желательность ея выполненія, то все же надѣяться на возможность ея жизненной реализація въ высшей степени трудно, такъ какъ послѣдняя потребовала бы кореннаго измѣненія и реформированія всего нашего государственно-общественнаго строя. Осуществимость разсматриваемаго провкта тѣмъ болѣе мало вѣроятна, что предполагаемая имъ автономія церковныхъ общинъ повлекла бы за собой какъ бы образованіе государствъ въ государствѣ и едва ли бы дала возможность согласовать дѣятельность этихъ малыхъ политическихъ организмовъ, этихъ клѣточекъ, съ функціями всего государственно-наго тѣла. Наконецъ, проектируемое свѣтскими публицистами подавленіе религіозно-церковной стороны жизни прихода его чисто свѣтскими, преимущественно экономическими функціями, а также предполагаемый разрывъ приходскихъ общинъ съ высшею духовною епархіальною и центральною властью настолько не каноничны и противны духу Церкви, что мы можемъ отнестись къ нимъ не иначе, какъ только отрицательно.

Итакъ переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ пожеланій, которыя высказываются по вопросу объ обновленіи приходской жизни,—постараемся рѣшить вопросъ, насколько они могутъ быть признаны осуществимыми и благотворными въ религіозно-нравственномъ отношеніи?

Первымъ изъ такихъ пожеланій является то, что бы за приходомъ, какъ совокупностью лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному храму, признавалось право юридическаго лица, могущаго пріобрѣтать собственность и владѣть ею. Какъ извѣстно, въ настоящее время такимъ лицомъ признается только церковь, т. е. храмъ въ смыслѣ самаго зданія. Осуществимость этого пожеланія едва ли могла бы встрѣтить какія либо затрудненія, за исключеніемъ развѣ лишь чисто формальныхъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, дѣйствительно ли оно нужно? Не будетъ ли перенесеніе правъ съ храма на общину простымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, простымъ измѣненіемъ юридическихъ терминовъ и извѣстныхъ параграфовъ

закона? Вѣдь дѣйствительное положеніе вещей и тогда останется такимъ же, каково оно теперь. Въ извѣстной степени церковнымъ имуществомъ пользуются и нынѣ всѣ прихожане, присутствуя при богослуженіи въ храмѣ, наслаждаясь его благолѣпіемъ, слушая пѣніе хора или гулъ колоколовъ и т. д. Въ собственномъ же смыслѣ его владѣтелемъ не будетъ никто и тогда, когда за приходомъ будетъ признано право юридического лица. Все равно для отдѣльнаго прихожанина будетъ закрыта возможность взять хотя бы сама малѣйшую часть церковнаго имущества для своихъ личныхъ цѣлей, все равно онъ будетъ собственникомъ его лишь номинально, а не дѣйствительно.

Такъ представляется дѣло съ отвлеченной точки зрѣнія, но не такъ обстоитъ оно въ дѣйствительности. Человѣческая психологія, въ особенности же психологія народная, не подчиняется логическимъ выкладкамъ и живетъ своею собственною жизнью. Какъ ни доказывайте вы крестьянину, что въ сущности для него все равно, является ли онъ вмѣстѣ съ другими владѣтелемъ имущества, или же церковь, онъ въ душѣ никогда не согласится съ вами. Въ настоящее время церковная собственность есть для него нѣчто *чужое*. Если онъ и можетъ пользоваться ею въ извѣстной степени, то вѣдь этой возможности не лишенъ и всякій членъ другого прихода, которому никто не запретитъ войти въ любую церковь, созерцать ея благолѣпіе, слушать пѣвчихъ и т. д. Гордиться своимъ храмомъ и его благоустройствомъ онъ почти не имѣетъ основанія. Если же за церковною общиною признавалось бы право владѣть собственностью, то отношеніе cadaго прихожанина къ церковному имуществу сдѣлалось бы болѣе близкимъ и рачительнымъ. Тогда онъ имѣлъ бы право думать; „это, если не *мое*, то *наше*, я отчасти владѣтель этого богатаго зданія церкви, этого прекраснаго церковнаго сада, этого благоустроеннаго кладбища“. Церковное хозяйство составляло бы тогда гордость cadaго члена прихода, предметъ его радости, заботъ и попеченій. Радѣя о храмѣ и церковномъ имуществѣ, онъ сталъ бы трудиться для себя и въ сознаніи этого почерпалъ бы бодрость и энергію. Пусть это эгоизмъ, но эгоизмъ

во всякомъ случаѣ довольно простибельный,—и пусть лучше заботятся о приходскомъ имуществѣ вслѣдствіе отождествленія церковныхъ интересовъ съ своими личными, чѣмъ относятся къ нему совершенно индифферентно.

Наиболѣе яркимъ показателемъ того, что степень привязанности къ храму и церковному имуществу стоитъ въ зависимости отъ того или другого возрѣвія на нихъ, какъ на *свое* или *чужое*, служитъ неодинаковость отношенія къ церкви и собственности сельскихъ и городскихъ обывателей. Послѣдніе мало имѣютъ связи съ своимъ храмомъ (особенно нужно сказать это про чиновническій элементъ большихъ городовъ) и отлично сознавая, что они не являются его собственниками, по большей части совершенно индифферентны къ благоукрашенію своей церкви и умноженію ея имущества. Наоборотъ деревенскіе жители, изъ которыхъ многіе совсѣмъ не знаютъ того, что они по закону не считаются владѣтелями своего храма, смотрятъ на него, какъ свою общинную собственность соединяютъ свои личные имущественные интересы съ интересами церковнаго хозяйства. Кому не приходилось наблюдать съ какою радостью, съ какимъ интересомъ смотреть крестьянинъ на воздвигающійся храмъ въ своемъ селѣ, съ какимъ торжествомъ рассказываетъ онъ о постройкѣ или ремонтѣ церкви, о покупкѣ новаго колокола, о наймѣ хорошихъ пѣвчихъ?! Все это почти такъ же близко его интересуется, какъ его собственное хозяйство, но при настоящемъ положеніи дѣлъ такое отождествленіе своихъ интересовъ съ церковными есть не болѣе, какъ иллюзія. И намъ кажется весьма желательнымъ, чтобы эта иллюзія превратилась въ дѣйствительность, чтобы приходская община не только по незнанію закона чувствовала себя собственницею храма, но и на самомъ дѣлѣ была таковою.

Вмѣстѣ съ признаніемъ за приходомъ правъ юридическаго лица необходимо точнѣе опредѣлить его въ территоріальномъ отношеніи. Въ настоящее время границы приходоу, особенно городскихъ, въ высшей степени неустойчивы. Одно и то же лицо въ разное время обращается къ разнымъ священникамъ и посѣщаетъ различныя церкви. Нѣкоторые городскіе жители, преимущественно принадлежащіе къ интеллигенціи, сами не

знають къ какому приходу они принадлежатъ и не чувствуютъ никакой связи съ своимъ храмомъ... Мѣрою къ упорядоченію этого явленія могло бы послужить прежде всего проектируемое Папковымъ заведеніе церковно-приходской книги, въ которую вписывались бы всѣ члены извѣстнаго прихода съ своими семействами. Затѣмъ не мѣшало бы прямо-таки законодательнымъ путемъ запретить прихожанамъ безъ особенно уважительной причины, минуя своего приходского священника, обращаться къ чужимъ пастырямъ. Это повлекло бы за собою устраненіе многихъ нежелательныхъ явленій и нестроений церковно-приходской жизни. Въ настоящее время прихожане часто по одному капризу мѣняютъ своего духовнаго отца, часто обидѣвшись на него по какомунибудь пустому, вздорному поводу, какъ бы въ отместку обращаются къ другому священнику. Иногда причина этого заключается въ строгости пастыря и ревности его о спасеніи пасомыхъ, а иногда въ тщеславіи и мелкомъ самолюбіи прихожанина. Послѣднему хочется, на примѣръ, при исправленіи той или другой торжественной требы въ его домѣ, особенно въ присутствіи гостей, пригласить какогонибудь заслуженнаго священника или протоіерея, обходя своего духовнаго отца. Легко видѣть, какъ это обидно для послѣдняго. Въ городахъ существуютъ такъ называемые модные, популярныя священники, которыхъ принято приглашать въ богатые, „аристократическіе“ дома. Равнымъ образомъ есть и модныя храмы, преимущественно домовыя, вѣнчаться въ которыхъ считается особеннымъ шикомъ. Причты приходскихъ церквей, благодаря этому, страдаютъ матеріально, да и съ принципіальной точки зрѣнія слѣдуетъ признать въ высшей степени ненормальнымъ такое игнорированіе своего приходского храма по мелочнымъ и тщеславнымъ мотивамъ. Не говоримъ уже о томъ, что при существующемъ порядкѣ вещей причтъ долженъ принаравливаться и всячески угождать своимъ прихожанамъ, при чемъ это угодничество переходитъ иногда въ прямое потакательство ихъ недостаткамъ и слабостямъ. При малѣйшемъ недовольствѣ противъ священника, прихожанинъ грозитъ ему перейти отъ него къ другому батюшкѣ, который обычно радъ бываетъ пріобрѣтенію новаго члена, осо-

бенно если онъ отличается богатствомъ и щедростью. И вотъ пастырю приходится заискивать предъ пасомыми, искать среди нихъ популярности по чисто матеріальнымъ соображеніямъ. Чтобы положить конецъ этому прискорбному явленію, надобно, строго опредѣливъ территорію каждаго прихода, запретить священникамъ какое-бы то ни было вмѣшательство въ чужую область, хотя бы прихожане послѣдней и просили его объ этомъ. Таково наше личное предположеніе.

Предоставленіе прихожанамъ права принимать болѣе близкое и дѣятельное участіе въ веденіи церковнаго хозяйства и движенія церковныхъ суммъ, подобно предшествующему предположенію, также едвали можетъ встрѣтить какія либо серьезныя возраженія. Оно является сколько желательнымъ, столько же и естественнымъ для членовъ прихода, въ виду того, что церковное имущество пріобрѣтается на ихъ средства и составляетъ изъ тѣхъ трудовыхъ грошей, которые жертвуются ими на нужды храма. Для прихожанъ можетъ казаться въ высшей степени обиднымъ ихъ устраненіе отъ завѣдыванія пріобрѣтеннымъ на ихъ деньги имуществомъ. Поэтому-то проектъ возрожденія прихода и направленъ прежде всего къ тому, „чтобы сдѣлать гласнымъ расходываніе суммъ церкви, ввести контроль въ дѣйствія церковныхъ старостъ и вмѣсто причта церковнаго и церковнаго старосты—фактическихъ распорядителей церковнаго хозяйства—сдѣлать такимъ распорядителемъ весь приходъ въ лицѣ „приходскаго собранія“, возложивъ на него отвѣтственность за цѣлость церковнаго имущества и законное пользованіе имъ“ (слов. проф. Заозерскаго, заимств. изъ Церк. Вѣд. 1904 г. № 48 стр. 1955). Правда и въ настоящее время прихожане имѣютъ въ церкви своего представителя—старосту, контролируемаго двумя повѣренными отъ общества, но фактически и это представительство и этотъ контроль сводятся къ нулю... Староста нерѣдко самовластно и независимо распоряжается церковнымъ хозяйствомъ, несправляясь съ желаніемъ всего прихода, а дѣятельность двухъ приходскихъ представителей сводится лишь къ формальной провѣркѣ правильности итоговъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, относясь при томъ только къ прошедшему, а не къ будущему и настоящему. Живаго и

дѣятельнаго участія въ жизни храма прихожане не принимаютъ. Ихъ никто не спрашиваетъ, куда слѣдуетъ употребить деньги, что нужно купить для храма и т. п. Все это естественно охлаждаетъ ихъ усердіе къ церкви. Съ увеличеніемъ правъ мірянъ увеличится, надо думать, и процвѣтаніе церковнаго хозяйства. Всѣ вопросы, касающіеся послѣдняго должны обсуждаться на приходскомъ собраніи совмѣстно клириками и прихожанами. При этомъ, впрочемъ, слѣдуетъ признать желательнымъ, чтобы священникъ имѣлъ тройной, а діаконъ двойной голосъ въ церковномъ совѣтѣ. Это требуется честью и достоинствомъ самаго ихъ званія. Кромѣ того настоятелю церкви, какъ главѣ прихода, должно принадлежать естественное право не соглашаться съ постановленіемъ церковно-приходскаго совѣта или собранія и доводить объ этомъ до свѣдѣнія своего епархіальнаго начальства.

Но высказывая пожеланіе о предоставленіи прихожанамъ большихъ правъ въ дѣлѣ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ, мы далеки отъ мысли объ уничтоженіи контроля надъ нимъ со стороны епархіальнаго начальства. Высшее наблюденіе за расходываніемъ церковныхъ суммъ по прежнему должно принадлежать духовной власти. Епископское право на распоряженіе церковнымъ имуществомъ съ канонической точки зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Повелѣваемъ епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ“, гласитъ 41 апостольское правило. „Аще бо драгоцѣнныя человѣческія души ему ввѣрены быти должны, то колыми пачи о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ распорядился по своей власти и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божиимъ и со всякимъ благоговѣніемъ“. „Епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ и оными да распорядается, яко Богу назирающу“ (Прав. 38). Равнымъ образомъ по прежнему должно быть точно опредѣлено закономъ, куда могутъ и не могутъ быть расходуютъ церковныя деньги. Иначе, пожалуй, прихожане вздумали бы дѣлать изъ нихъ заемъ на чисто мірскія нужды, что и проектируется нѣкоторыми публицистами, касавшимися приходскаго вопроса. Нѣтъ, суммы, собираемыя въ храмѣ, должны употребляться

только на его нужды, но только употребленіе это должно быть гласнымъ и служить выраженіемъ воли всего прихода.

Оживленію экономической стороны церковно-приходской жизни не мало способствовало бы, помимо всего сказаннаго, уничтоженіе той формалистики, той длинной, чисто кацелярской процедуры, съ которою связанъ въ настоящее время всякій болѣе или менѣе крупный расходъ церковныхъ денегъ. Чтобы получить на него право, требуется подача всевозможныхъ прошеній, заявленій, смѣтъ, объясненій и т. п. Разрѣшеніе получается иногда очень не скоро, а между тѣмъ пока продолжается вся эта волокита, усердіе прихожанъ къ какому либо задуманному дѣлу значительно остываетъ. По нашему мнѣнію, для того чтобы въ этой области не было злоупотребленій, достаточно и послѣдующаго контроля въ связи съ отвѣтственностью причта и старосты за незаконную или бесполезную трату денегъ. Требовать же для послѣдней каждый разъ особаго разрѣшенія—значить создавать затрудненія тамъ, гдѣ они совершенно не нужны и бесполезны. Слѣдовательно, желательна бдльшая децентрализація въ управленіи церковнымъ имуществомъ, такъ, чтобы часть той власти, которая принадлежитъ въ настоящее время епархіальному начальству, была передана приходу. Это съ одной стороны избавило бы духовныя консисторіи отъ цѣлой массы мелкихъ дѣлъ и переписки, съ другой—оживило бы интересъ прихожанъ къ имущественной сторонѣ церковной жизни.

Желаніе ревнителей приходскаго возрожденія, чтобы церковныя суммы тратились исключительно на мѣстныя нужды, вызвано тою массою всевозможныхъ обязательныхъ и полуобязательныхъ сборовъ и налоговъ, подъ бременемъ которыхъ изнемогаютъ наши бѣдные деревенскіе храмы. „Кромѣ взносовъ на мѣстныя духовно-учебныя заведенія, на общепархіальныя нужды Имперіи и др. производятся многіе сборы случайные, и нѣтъ, кажется, у насъ такого благотворительнаго или просвѣтительнаго учрежденія, которое не стремилось бы увеличивать свои средства путемъ сборовъ въ церквахъ. Въ настоящее время отобралы у приходскихъ церквей почти всѣ праздники и дни, когда приходская церковь можетъ рассчитывать на по-

попаженіе собственной кассы путемъ кружечныхъ или тарелочныхъ сборовъ. Производятся нынѣ сборы: въ недѣлю Православія, Крестопоклонную, Ваій, Ѡмину, о слѣпомъ, о расслабленномъ, о Самарянинѣ, во 2 и 3 день Пасхи, въ праздники Вознесенія, Богоявленія, Покрова Пр. Богородицы, св. Николая, 19 февраля и мног. др. Это помимо ординарныхъ кружекъ въ пользу сиротъ духовнаго званія, на Красный Крестъ, на Туркестанскій край, на гробъ Господень, въ пользу славянъ, на распространіе православія между язычниками въ Имперіи, на возстановленіе православія на Кавказѣ, на православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ и пр. и помимо случайныхъ сборовъ, на примѣръ, на устройство православныхъ храмовъ гдѣ либо: во Владивостокѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Пекинѣ, — на вспоможеніе пострадавшимъ отъ наводненія, пожаровъ и проч. Кромѣ того, у cadaго священника, особенно городского, на рукахъ по 5—6 подписныхъ листовъ, по которымъ онъ всѣми способами долженъ производить сборы и въ церквахъ, при совершеніи требъ, и внѣ церквей, и представлять таковыя (конечно—не съ пустыми листами) по назначенію“ („Замѣтки о возрожденіи церк. прихода“ свящ. Д. Попова, Харьковъ, 1904 г. стр. 45).

Само собою разумѣется, что всѣ эти сборы идутъ въ прямой ущербъ доходности мѣстнаго храма. Крестьянинъ, отправляясь въ церковь, захватываетъ съ собой нѣсколько копѣекъ и кладаетъ ихъ въ первую обносимую за богослуженіемъ кружку, положимъ, въ пользу славянъ или Туркестанскаго края. На свою церковь въ такомъ случаѣ онъ уже ничего не жертвуетъ. Что же касается церковныхъ налоговъ, о самомъ существованіи которыхъ простолудины имѣютъ самое смутное представленіе, то они повергаютъ ихъ въ великое недоумѣніе, вызывая нареканіе на причтъ и старосту. Они не знаютъ, какъ и куда расходуются церковныя суммы, видятъ только, что всѣ ихъ пожертвованія куда то исчезаютъ, что усердіе ихъ къ матеріальнымъ интересамъ храма не приноситъ никакихъ осязательныхъ результатовъ. Въ бѣдныхъ приходахъ церковный ящикъ подобенъ улью. Какъ только онъ къ полугодію наполняется, такъ все оттуда выгребаютъ и отсылаютъ неизвѣстно

куда. Это, конечно, охлаждает усердіе прихожанъ къ своему храму.

Для оживленія приходской жизни и оживленія усердія необходимо, намъ кажется, разумное и благонамѣренное разъясненіе прихожанамъ дѣйствительнаго положенія вещей и обстоятельствъ. Исключеніе могутъ составить лишь отчисленія въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, приготовляющихъ пастырей для народа и, слѣдовательно, имѣющія цѣлью его же духовные интересы. Въ собственномъ смыслѣ *свободныхъ* пожертвованій, направленныхъ не на мѣстныя нужды, въ настоящее время бываетъ очень мало, по крайней мѣрѣ, въ селахъ. Если крестьянинъ кладетъ свою лепту въ пользу славянъ или на построеніе храма въ Нью-Йоркѣ, то только потому, что онъ не знаетъ куда будетъ направлена его жертва. Онъ думаетъ, что его деньги станутъ расходываться на свой храмъ и если бы вѣдалъ ихъ истинное назначеніе, то, быть можетъ, онъ даже увеличилъ бы свою лепту. Бываетъ и такъ, что въ бѣдныхъ церквахъ сборъ въ пользу лицъ и учрежденій, лежащихъ внѣ прихода, оказывается совершенно безрезультатнымъ. Тоже самое нужно сказать и относительно подписныхъ листовъ. Тѣмъ не менѣе священникъ долженъ представить въ консисторію чрезъ благочиннаго извѣстную сумму денегъ. Онъ опасается иногда официально написать правду, что никто ничего не далъ. Опасается, чтобы это не было поставлено ему въ вину, отнесено на счетъ его собственнаго нерадѣнія, неумѣнія или нежеланія расположить къ пожертвованіямъ. Чтобы ему не было бы указано на его предшественниковъ и на батюшекъ другихъ селъ, которые всегда представляли и представляютъ деньги. И вотъ, не желая подвергаться непріятностямъ, онъ беретъ извѣстную сумму изъ церковной кружки, изъ того, что пожертвовано прихожанами на украшеніе мѣстнаго храма, и представляетъ куда слѣдуетъ въ качествѣ добровольной жертвы. А между тѣмъ по мысли жертвователя деньги эти можетъ быть должны бы были имѣть совсѣмъ другое назначеніе. Легко видѣть, что и съ этической точки зрѣнія допущеніе подобнаго факта едвали можетъ быть признано желательнымъ.

Проактируемая реорганизація прихода и имѣетъ, между прочимъ, цѣлью слѣлать такъ, чтобы жертвователь зналъ, куда

идеть его жертва, и что бы она шла на дѣло наиболѣе для него близкое и дорогое. Было бы психологически неестественно для крестьянина отдавать послѣдніе гроши на устройство церкви гдѣ нибудь въ Пекинѣ или Владивостокѣ, въ то время какъ родной ему приходскій храмъ находится въ крайней бѣдности. Это справедливо. Но, однако, съ этою мыслью надобно согласиться съ большою осторожностію. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію автора цитированныхъ нами „Замѣтокъ“, нужно разъ навсегда отрѣшиться отъ того взгляда, что приходскія суммы должны быть исключительнымъ достояніемъ прихода и употребляться *только на его* нужды и учрежденія. Это не оправдывается ни идеею Церкви какъ *организма* и *союза* вѣрующихъ, ни ея исторіею. Не нужно забывать, что въ Церкви „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены“ (Коринѣ. XII, 26), что нужды, скорби и лишенія однихъ должны быть скорбями и лишеніями всей церкви“ (стр. 48).

Всѣ эти разсужденія почтеннаго автора справедливы, хотя и допускаютъ ограниченія. Конечно проводить принципъ расходования приходскихъ денегъ *исключительно* на мѣстныя нужды во всей его строгости едвали желательно. Но только, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, чтобы на общецерковныя потребности удѣлялись лишь остаточныя суммы и при томъ совершенно добровольно. Вѣдь слова апостола Павла о взаимномъ состраданіи между всѣми членами Церкви суть лишь идеаль, проведеніе котораго въ жизнь не можетъ быть совершаемо силою. Съ другой стороны, само евангеліе заповѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя, но не больше. Отсюда для прихода тогда только возникаетъ нравственная обязанность помогать другимъ церквямъ, когда послѣднія терпятъ бѣольшую нужду сравнительно съ своею собственной. Отдавать же послѣднюю копѣйку на сторону тогда, когда свой родной храмъ терпитъ крайнюю бѣдность, было бы для прихожанъ психологически неестественно, а принужденіе къ этому можетъ сдѣлать ихъ совершенно индифферентными къ церковному имуществу. Право известной приходской общины прежде всего заботиться объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ, на ряду съ моральною цѣнностію взаимной солидарности всѣхъ членовъ вселенской Церкви, можетъ быть

пояснено слѣдующей аналогіей. Всѣ мы—христіане должны любить другъ друга и не дѣлать въ этомъ отношеніи различія между своимъ и чужимъ, эллиномъ и іудеемъ, рабомъ и свободнымъ. Какой нибудь негръ или малаецъ съ евангельской точки зрѣнія долженъ быть такъ же намъ дорогъ и близокъ, какъ и нашъ собственный братъ. Но это нисколько не исключаетъ и не обезцѣниваетъ привязанности семейной, профессиональной и національной, за которыми всегда должно оставаться первенство исходной точки. Было бы странно, еслибы человѣкъ, въ то время какъ его собственная семья голодаетъ, оказывалъ помощь совершенно чужимъ, или въ тяжелыя минуты для отечества отсылалъ пожертвованія жителямъ другихъ государствъ. Послѣднимъ онъ имѣетъ право и даже нравственно обязанъ оказывать помощь только отъ избытка, когда удовлетворены насущныя нужды ближайшихъ къ нему лицъ. Точно также слѣдуетъ разсуждать и объ обязанности прихожанъ не быть равнодушными ко всей Церкви, въ какомъ бы отдаленіи отъ насъ не находились ея общины и учрежденія. По словамъ священника о. Дан. Попова „странно было бы видѣть наши миссіи жалкими, наши храмы въ центрахъ язычества или инославія бѣдными и запущенными,—въ то время какъ если бы на ряду съ этимъ наши приходскіе храмы блистали золотомъ и во всемъ довольствомъ“ (стр. 48—49). Конечно все это правда, но, повторяемъ, требовать, чтобы наши крестьяне заботились объ украшеніи храмовъ въ центрѣ инославія, когда мѣстный родной имъ храмъ терпитъ крайнюю бѣдность, значило бы совершенно насиловать человѣческую природу. Не думаемъ, чтобы поступая такъ, мы предпочитали частную пользу общественной.

На ряду съ признаніемъ за приходомъ правъ юридическаго лица и предоставленіемъ его членамъ бѣльшей власти въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ проектируется устройство церковно-приходскихъ собраній и совѣта, которые бы распоряжались не только имущественными дѣлами храма, но и существующими при немъ благотворительно-просвѣтительными учрежденіями: школами, больницами, богадѣльнями и т. п. Папковъ присоединяетъ сюда пожеланіе, чтобы было устроено въ каждомъ приходѣ вѣчто въ родѣ третейскаго суда, который разбиралъ бы маловажныя преступленія лишь добровольно къ

нему обращающихся и чтобы приходская община получила право разсмотрѣнія недоумѣній между пастыремъ и пасомыми.

Устройство церковно-приходскаго совѣта и собранія не включаетъ въ себѣ ничего кромѣ хорошаго. Съ одной стороны, оно способствовало бы объединенію и сплоченности прихожанъ, ожививъ во всѣхъ нихъ интересъ къ церковно-приходской жизни. Съ другой стороны, оно облегчило бы трудную теперь дѣятельность священника и сняло бы съ него значительную долю отвѣтственности за благоустройство церкви и существующихъ при ней учрежденій. При единодушномъ стараніи и заботахъ всего общества ростъ церковнаго имущества, процвѣтаніе школы, дѣятельность попечительствъ, обществъ трезвости, борьба съ расколомъ и сектанствомъ—получили бы большее развитіе. Одинокій теперь священникъ имѣлъ бы многихъ помощниковъ и сотрудниковъ, которые, сознавая себя участниками общаго дѣла, стали бы вносить въ него не мало энергіи и инициативы. Значительное число обвиненій и нареканій, которыя выпадаютъ теперь на долю пастыря, потеряли бы тогда всякій смыслъ. Священникъ сталъ бы дѣлить отвѣтственность за состояніе прихода съ другими членами совѣта и собранія, хотя, конечно, главное и руководящее значеніе среди паствы по прежнему должно бы было остаться за ея предстоятелемъ. „Мірскіе члены прихода, по выраженію профессора Заозерскаго, должны считать себя не контролерами, судьями и конкурентами клиру, а *сотрудниками* ему“ (Богосл. Вѣстникъ, 1902 г. октябрь, стр. 216). Высшій же надзоръ за дѣятельностью церковно-приходскихъ совѣтовъ и собраній долженъ принадлежать, конечно, епархіальному начальству.

Что же касается проэкируемаго г. Папковымъ права приходскаго совѣта разбирать недоумѣнія между священникомъ и его прихожанами, то оно должно быть нами положительно отвергнуто. Въ сущности оно вѣдь сводится къ представленію власти выборнымъ отъ прихода судить своего священника, каковая власть представляла бы собою извращеніе нормальныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми. По ученію Церкви, первый призванъ быть учителемъ, священно-служителемъ и духовнымъ управителемъ, а вторые обязаны ему повиноваться.

А между тѣмъ, если приходскій совѣтъ, состоящій изъ мирскихъ членовъ, получить право признавать священника виновнымъ или невиннымъ, то, слѣдовательно, подначальные получаютъ власть надъ своимъ начальникомъ, дѣти надъ отцемъ, овцы надъ пастыремъ. А это, помимо противорѣчія каноническимъ правиламъ, необходимо должно способствовать паденію авторитета священника въ глазахъ его духовныхъ чадъ. Осуществленіе проэктируемаго права прихожанъ было бы такъ же странно, какъ представленіе консисторіи или съѣзду духовенства судить епископа. Извращенія отношеній между начальствующими и подчиненными, учащими и учащимся нигдѣ и никогда не должно быть.

Наконецъ г. Папковъ признаетъ въ высшей степени желательнымъ сближеніе между всѣми членами прихода и развитіе среди нихъ ббльшей христіанской общительности. Въ настоящее время, разсуждаетъ онъ, прихожане сходятся лишь въ храмъ, а затѣмъ расходятся совершенно чуждыми и далекими другъ отъ друга. Въ городскихъ приходахъ большинство членовъ ихъ даже незнакомо между собою. Явленіе это, конечно, глубоко ненормальное. Оно совершенно не соотвѣтствуетъ идеѣ христіанскаго общества, въ которомъ должно быть единеніе душъ и сердець, которое представляетъ изъ себя тѣло съ тѣснѣйшею внутреннею связью между отдѣльными членами. Но только, надобно сознаться, съ этимъ трудно что нибудь подѣлать. Нравственная разобщенность между христіанами обусловливается не несовершенствомъ формъ приходской жизни, а тѣмъ оскуднѣніемъ духа кротости, любви и самоотреченія, которое всюду замѣчается въ настоящее время. Первенствующіе христіане дѣйствительно считали братьями другъ друга, дѣйствительно готовы были жертвовать своими личными интересами для блага ближнихъ. Теперь мы видимъ совсѣмъ иное. Богатый съ презрѣніемъ отвертывается отъ бѣдняка, въ лучшемъ случаѣ поспѣшно подавая ему мелкую монету, человѣкъ знатный считаетъ для себя унижительнымъ входить въ какое либо общеніе съ простецомъ. Духовная гордость, жестокосердіе, индифферентизмъ къ страданіямъ другихъ—вотъ печальные факты современности. И было бы, намъ кажется, наивно думать, что

уничтожить все это можно путемъ измѣненія формъ приходской жизни, устройствомъ совѣтовъ и собраній, представленіемъ общинъ правъ юридическаго лица и т. д. Какую бы внѣшнюю организацію не получилъ приходъ, все равно милліонеръ едвали отдастъ половину своего состоянія неимущимъ, аристократъ едвали пригласитъ убогаго нищаго въ свои палаты для раздѣленія съ нимъ братской трапезы!... А между тѣмъ въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ о вліяніи возрожденнаго прихода на нравственную жизнь его членовъ часто проскальзываетъ довольно наивное невѣдѣніе жизни и ея истинныхъ отношеній. „Сколько молитвъ въ храмахъ, говоритъ, напр., г. Палковъ, возносится людьми страждущими отъ матеріальныхъ невзгодъ и горюющихъ скорбями земными! Сколько людей стоитъ тутъ же въ храмѣ въ молитвенномъ созерцаніи, имѣющихъ достатки, и которые могли и желали бы помощь этимъ страждущимъ, бѣдствующимъ и неимущимъ“. (Свящ. Д. Поповъ, стр. 80). Мы же думаемъ, что если кто дѣйствительно хочетъ оказать помощь нуждающимся, тотъ всегда легко можетъ отыскать ихъ. Въ притворѣ, храма стоитъ не мало, умоляющихъ о подаваніи, нищихъ и убогихъ, ослабленныхъ стариковъ и старухъ, однакожь богачи всегда не спѣшатъ дѣлиться съ ними своимъ состояніемъ... Изъ газетъ мы ежедневно узнаемъ о нуждающихся въ помощи, о пострадавшихъ отъ пожаровъ, землетрясеній и т. п., но большею частью остаемся равнодушными къ этимъ извѣстіямъ. Если въ настоящее время и дѣлаются иногда крупныя пожертвованія на благотворительныя учрежденія, то во многихъ случаяхъ они имѣютъ эгоистическую подкладку, желаніе славы человѣческой, надежду на полученіе благодарности, ордена и т. п. Въ собственномъ смыслѣ безкорыстныя проявленія альтруизма въ наше время рѣдки.

При такомъ нравственномъ состояніи общества весьма трудно рассчитывать на осуществленіе мысли о знакомствѣ и сближеніи всѣхъ членовъ прихода, по крайней мѣрѣ, городского. Различіе общественныхъ положеній и состояній въ связи съ словными предрасудками всегда будетъ служить тормазомъ къ истинно братскому единенію прихожанъ. Однимъ изъ средствъ къ достиженію его Палковъ считаетъ совмѣстное обученіе

дѣтей всѣхъ сословіи въ церковно-приходской школѣ въ цѣляхъ, какъ онъ выражается, христіанской дисциплины. Осуществленіе этой мысли могло бы быть, разумѣется, въ высшей степени благотворнымъ и много способствовало бы сближенію различныхъ классовъ населенія. Но только надѣяться на него при данномъ состояніи общества не только трудно, но и положительно невозможно. Согласится ли какойнибудь богатый помѣщикъ или крупный чиновникъ, обучающій теперь сыновей въ Пажескомъ корпусѣ, а дочерей въ Смольномъ институтѣ, отдать ихъ въ народную школу, гдѣ они должны бы были сидѣть на одной скамьѣ съ крестьянскими мальчиками и дѣвочками? Одна мысль объ этомъ можетъ привести въ ужасъ аристократическихъ родителей. По ихъ мнѣнію, между *благородными* дѣтьми и дѣтьми простонародья существуетъ цѣлая непроходимая бездна и вліяніе послѣднихъ на первыхъ можетъ быть зловреднымъ... Кромѣ того, это не осуществимо по бытовымъ условіямъ обще-государственной жизни.

Вообще, признавая многія пожеланія г. Палкова и другихъ ревнителей приходскаго возрожденія въ высшей степени здравыми, мы, однакожь, не возлагаемъ на него какихънибудь особенныхъ надеждъ. вмѣстѣ съ реформой прихода, быть можетъ, оживится интересъ прихожанъ къ церковному имуществу и, слѣдовательно, улучшится матеріальная сторона жизни церкви, уменьшится отвѣтственность священника—и только. Надѣяться же, чтобы произошли какіялибо существенныя измѣненія въ моральномъ состояніи общества, значило бы слишкомъ легко смотрѣть на дѣло. Причины современнаго религіознаго индифферентизма, нравственной испорченности и оскудѣнія духа любви коренятся не въ недостаткахъ строя приходской жизни, а гораздо глубже... Л.

Желательно-ли возстановленіе права прихожанъ выбирать себѣ священника *)?

Кто внимательно наблюдалъ надъ своею внутреннею душевною жизнью, тотъ вѣроятно знаетъ, что прошлое всегда

*) Не раздѣляя нѣкоторыхъ выводовъ почтеннаго автора настоящей замѣтки, мы однакоже помѣщаемъ ее,—въ видахъ всесторонняго обсужденія столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о выборномъ началѣ духовенства. *Ред.*

представляется въ лучшемъ видѣ. Минувшее плохое или совсѣмъ забывается или въ значительной мѣрѣ сглаживается, хорошее сіяетъ яркою полосой, освобожденное въ воспоминаніи отъ тѣхъ тѣней и недостатковъ, которые были свойственны ему въ дѣйствительности. Это психическій обманъ, играющій роль въ жизни не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ обществъ и народовъ. Отсюда преданіе о золотомъ вѣкѣ, отсюда повсемѣстное—„въ старину было лучше“, отсюда же стремленіе известной части общества возвратиться къ прошлому, пережитому, снова восстановить нѣкогда павшія формы жизни.

Дѣйствіе этого психическаго закона мы усматриваемъ и въ сужденіяхъ современныхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей о возрожденіи прихода въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древней Руси. Неудовлетворительность приходской жизни въ настоящее время, индифферентное отношеніе прихожанъ къ религіозной сферѣ вообще и къ своему храму съ существующими при немъ благотворительно-просвѣтительными учрежденіями въ частности, недостатокъ уваженія пастырей къ своему пастырю и вліянія послѣдняго на первыхъ, безуспѣшная дѣятельность миссіонеровъ противъ раскола и быстрый ростъ сектантства, наконецъ, проникновеніе даже въ среду простого народа различныхъ антисоціальныхъ и противоправительственныхъ идей—все это составляетъ печальный фактъ современности, требующій особаго вниманія и вдумчиваго отношенія со стороны всѣхъ, кому дороги интересы Церкви и Отечества. И вотъ нѣкоторымъ кажется, что стоитъ только возвратиться къ старинѣ и все пойдетъ, какъ по маслу, всѣ недочеты дѣйствительности уничтожатся и обновленная на старыхъ началахъ жизнь возрожденнаго прихода засіяетъ равнымъ, яркимъ свѣтомъ. На это, повторяемъ, не болѣе, какъ психическій обманъ. Правда, много въ церковно-приходской жизни древней Руси было хорошаго, но зато не мало и дурного. При современномъ порядкѣ вещей невозможны уже тѣ невѣжество, произволъ, кулачное право и пьянство, которыя составляли обычное явленіе въ старину. Конечно, этому можно только порадоваться. вмѣстѣ съ тѣмъ приходится жалѣть о томъ, что масса ненормальностей и пережитковъ, давно ис-

чезнувшихъ во всѣхъ другихъ сферахъ, доселѣ еще сохранились въ церковно-приходской жизни.

Такъ, благодаря существовавшему нѣкогда праву прихожанъ избирать себѣ священно-церковнослужителей, послѣдніе и доселѣ въ высшей степени зависели отъ общества или, вѣрнѣе сказать, отъ худшихъ его элементовъ, такъ называемыхъ, міроѣдовъ. И сейчасъ прихожане сплошь да рядомъ смотрятъ на священника не какъ на духовнаго отца, пастыря и учителя, а какъ на своего работника, котораго они всегда имѣютъ право уволить по своему произволу или заставить дѣлать, что имъ вздумается, выражаютъ претензію учить его, требуютъ даже отъ него раболѣпства и низкопоклонства. Благодаря жизненности нелѣпыхъ старинныхъ традицій, и до сихъ поръ почти всѣми признается, что первая обязанность всякаго священника *поморавиться* своимъ прихожанамъ. Къ прискорбію приходится признаться, что и сами батюшки иногда охотно и настойчиво, подчасъ не разбирая средствъ, ищутъ популярности среди своихъ духовныхъ дѣтей, ищутъ не съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе сѣять среди нихъ сѣмена Христова ученія, насаждая въ душахъ ихъ ростки истины и добра, а съ тѣмъ, чтобы получать отъ прихожанъ поменьше непріятностей...

Проектируемое вѣкоторыми ревнителями старины восстановление права прихожанъ выбирать себѣ пастыря, прежде всего, стоитъ въ противоріи съ древне-церковнымъ законодательствомъ. „Да не будетъ позволяема соборіи народа избирать имѣющихъ произвестися во священство“, заповѣдывалъ Лаодикійскій соборъ ¹⁾. Затѣмъ оно представляется намъ и само по себѣ нецѣлесообразнымъ. Если и въ настоящее время, когда—по крайней мѣрѣ юридически—духовенство зависитъ только отъ епархіальнаго начальства, оно фактически находится нерѣдко во власти прихожанъ, то что же будетъ тогда, когда самимъ закономъ будетъ санкціонироваться выборъ преемниковъ апостольскихъ и строителей тайнъ Божьихъ не властію епископа, а волею деревенскихъ кулаковъ міроѣдовъ? Да и изъ какой среды стали бы выбирать себѣ крестьяне священника? Если изъ своей, то вслѣдствіе малообразованности нашего простонародья и выбранные имъ пастыри были бы иногда круглыми невѣждами, что мы

¹⁾ Также мысль выражена и въ 3 кан. 7 ст. соб.

и замѣчаемъ нерѣдко въ древней Руси. Въ такомъ случаѣ ни о какомъ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи пасомыхъ, ни о какомъ духовномъ руководствѣ не могло бы быть и рѣчи. Тотъ, кто долженъ быть свѣточемъ для окружающаго темнаго люда, его наставникомъ и учителемъ, самъ бы могъ пребывать во тьмѣ и нуждаться въ наученіи. Если же допустить, что прихожане станутъ выбирать себѣ пастыря изъ лицъ, получившихъ семинарское образованіе, то, такъ какъ они могутъ совершенно не знать послѣднихъ, и ихъ выборъ могъ бы обусловливаться чисто внѣшними и случайными причинами, на примѣръ, — тѣмъ, кто съумѣлъ бы „повравиться“ сельскимъ воротиламъ...

Затѣмъ, если вообще, гдѣ бы то ни было, выборное начало имѣетъ ту темную сторону, что создаетъ такъ называемую партійность, т. е. борьбу между отдѣльными элементами общества, развиваетъ челоукоугодничество и исканіе дешевой популярности, то все это могло бы имѣть мѣсто и въ средѣ крестьянъ, выбирающихъ священника. Трудно разсчитывать, чтобы малообразованные прихожане изъ нѣсколькихъ кандидатовъ выбрали себѣ наиболѣе достойнаго. Если даже среди интеллигентнаго общества пользуются иногда особеннымъ успѣхомъ искусныя „политики“, умѣющіе влѣзть въ чужую душу, устраиваться и обдѣлывать свои дѣлишки, то тѣмъ болѣе все это приложимо къ некультурному классу населенія. Мы видимъ, что въ настоящее время выборныя крестьянскія должности замѣщаются далеко не всегда лучшими людьми... Самое избраніе на должности старосты, старшины и т. п. совершается далеко не всѣми крестьянами, а лишь тѣми сельскими заправилками, которые уже давно признаны язвою нашей деревни и въ литературѣ и въ обществѣ. Легко видѣть, насколько высокъ можетъ быть идеалъ пастыря у подобныхъ лицъ... Имъ можетъ быть симпатиченъ не самоотверженный подвижникъ добродѣтели, не просвѣщенный наставникъ и руководитель, а слуга въ чисто мірскомъ смыслѣ этого слова. Идеаломъ батюшки можетъ явиться у сельскаго населенія и челоукъ „простой“, въ смыслѣ отсутствія почти всякой интеллигентности и сознанія собственнаго достоинства, такой челоукъ, котораго можно называть на „ты“, а иногда и обругать безъ нарушенія добрыхъ отношеній.

О такихъ батюшкахъ крестьяне отзываются иногда съ удовольствіемъ, какъ о „простецкихъ“, потому что они мирволятъ ихъ слабостямъ и, принижаясь до народа, собственнымъ примѣромъ оправдываютъ его далеко не возвышенный образъ жизни...

Мы не отрицаемъ, конечно, того, что въ глубинѣ сердець многихъ лучшихъ людей деревни существуетъ иной высшій идеаль пастыря—молитвенника и подвижника, но вѣдь при рѣшеніи вопроса о желательности или нежелательности восстановления права прихожанъ выбирать священника нужно имѣть въ виду не эти исключительные элементы населенія, возвышающіеся надъ толпою, а общую психологію, образъ возрѣпій и этику простаго народа. А съ этой точки зрѣнія необходимо признать, что его потребности и идеалы далеко не всегда отличаются надлежащею высотой, что его нравственныя сужденія и производимая имъ оцѣнка людей иногда мало соотвѣтствуютъ тому, что должно быть. Часто худшіе представители священства любимы прихожанами, тогда какъ истинные свѣтильники благочестія и борцы за правду подвергаются хуленіямъ и преслѣдованіямъ. Такъ всегда было и будетъ, такъ какъ „міръ во злѣ лежитъ“ и главное „міръ свое любить“.

Павелъ Левитовъ.

Архіерейскія Богослуженія.

13-го апрѣля, въ В. среду, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній изволилъ совершить литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ Крестовой церкви. Въ тотъ же день Преосвященный Епископъ Алексій совершилъ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ кафедральномъ соборѣ.

— 14-го апрѣля, въ В. четвертокъ, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ въ кафедральномъ соборѣ Божественную литургію и послѣ оной обрядъ умовенія ногъ. Въ служеніи литургій и на умовеніи ногъ были: архимандриты Покровскаго монастыря Іосифъ и Ассансіѣ, крестовскій Воскресе-

ской церкви Г. Чеботаревъ, протоіерей Рождество-Богородичной церкви В. Добровольскій, протоіерей Св. Духовской церкви П. Тимоеевъ, инспекторъ семинаріи іеромонахъ Михаилъ (Вогдановъ), ключарь собора священникъ І. Гончаревскій, благочинный св. П. Ѳомиа, инспекторъ Харьковскаго духовнаго училища священникъ Н. Зефировъ, инспекторъ классовъ епархіальнаго женскаго училища священникъ І. Котовъ и священникъ собора Г. Виноградовъ и Л. Твердохлѣбовъ.

— Въ тотъ же день Преосвященный Алексій совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— Того же числа утреню на В. пятокъ и чтеніе 12 евангелій Св. Страстей Христовыхъ совершали: въ кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященный Арсеній, а въ Покровскомъ монастырѣ Преосвященный Алексій.

— 15-го апрѣля, въ В. пятокъ, въ 2 час. по полудни Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ въ кафедральномъ соборѣ вечерню и перенесеніе плащаницы изъ собора въ Покровскій монастырь при участіи всего городскаго духовенства.

— 16-го апрѣля, въ В. субботу, Преосвященный Епископъ Алексій совершалъ въ 4 час. утра утреню въ кафедральномъ соборѣ и въ 11¹/₂ час. дня литургію въ Крестовой церкви.

— 17-го апрѣля пасхальную утреню въ 12 час. ночи и непосредственно за нею литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ сослуженіи: архимандрита Аѳанасія, кафедральнаго протоіерея С. Любickaго, ключаря собора свящ. І. Гончаревскаго и соборныхъ священниковъ: Г. Виноградова, Л. Твердохлѣбова и В. Яновскаго. Преосвященный Алексій совершилъ утреню и литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря. Въ 4 час. пополудни Преосвященный Алексій совершилъ вечерню въ той же церкви.

— 18-го апрѣля въ Воскресенской церкви г. Харькова, по случаю храмоваго праздника, литургію совершалъ Преосвященный Алексій въ сослуженіи протоіерея о. Тимоея Буткевича, настоятеля сей церкви протоіерея о. Н. Соколовскаго, ключаря собора священ. І. Гончаревскаго и благочиннаго священ. о. П. Ѳомина.

— 21-го апрѣля Преосвященнымъ Епископомъ Алексіемъ совершено освященіе главнаго престола въ Харьковской Св.-Духовской церкви по случаю недавно оконченнаго расширенія и перестройки этой церкви. Въ освященіи храма и служеніи литургіи участвовали: о. ректоръ семинаріи прот. І. Знаменскій, кафедр. протоіерей о. С. Любickaй, кладбищенской церкви протоіерей о.

И. Пичета, настоятель церкви прот. о. П. Тимошеевъ, ключарь собора священ. І. Гончаревскій, помощникъ благочиннаго священ. о. Д. Поповъ и мѣстные священники: о. Г. Введенскій и о. А. Жадавовскій.

— 22-го апрѣля былъ совершенъ обычный крестный ходъ съ Озерянской иконою Божіей Матери въ Харьковскаго Покровскаго монастыря въ Куряжскій Преображенскій монастырь. По пути слѣдованія процессія до находящейся на Холодной горѣ часовни стояли густыя толпы горожанъ и прибывшихъ не только изъ ближнихъ, но и изъ довольно отдаленныхъ отъ Харькова мѣстъ богомольцевъ. Всюду порядокъ охранялся усиленнымъ нарядомъ полиціи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ были устроены на улицахъ и площадяхъ помосты для краткихъ службъ и благословенія народа иконою. По окончаніи литургіи въ Покровскомъ монастырѣ, которую совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, торжественная процессія тронулась подъ непрерывный гулъ колоколовъ городскихъ церквей. Въ процессіи приняла участіе архіерей, архимандриты и многочисленное духовенство въ золоченыхъ ризахъ; здѣсь же несли хоругви, городское и мѣщанское знамена и цеховые значки. За иконою шли военныя и гражданскія высокопоставленные лица, во главѣ съ губернаторомъ генералъ-маіоромъ К. С. Старынкевичемъ. Процессію сопровождали казаки 17-го Донскаго полка, и за ней двигалась масса богомольцевъ. Святую икону попеременно несли духовенство и міряне. По мѣрѣ движенія процессіи, къ ней изъ сосѣднихъ церквей присоединялись священнослужители и хоругвеносцы. У часовни на Холодной горѣ икону встрѣтила братія Куряжскаго монастыря и послѣ краткой службы понесла ее далѣе. Въ этой процессіи принялъ участіе Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій, и она также сопровождалась массой народа. *С. І. Г—ій.*

Торжественное Собраніе Харьковскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, происходившее 10 апрѣля (недѣля Вайи) въ покояхъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

10-го апрѣля Харьковскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества праздновалъ первую годовщину своего существованія въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ покояхъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Архіепископа.

Еще наканунѣ собранія жители г. Харькова были увѣдомлены о немъ чрезъ напечатаніе объявленій въ мѣстныхъ органахъ: „Южномъ Краѣ“ и „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, а члены Отдѣла получили отъ Архипастыря особыя письменныя приглашенія.

Въ самый день собранія, къ часу дня, въ покоп Высокопреосвященнаго Арсенія прибыли: Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій, Харьковскій губернаторъ К. С. Старынкевичъ съ супругою Е. К. Старынкевичъ, бывшій Харьковскій губернаторъ, нынѣ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ С. Н. Гербель, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплеваскій, губернский предводитель дворянства Г. А. Фирсовъ, управляющій конторою государственнаго банка С. Сумцовъ, начальница епархіальнаго женскаго училища Е. Н. Гейцыгъ, ректоръ семинаріи прот. І. П. Знаменскій, епархіальный наблюдатель В. Ѳ. Давыденко, епархіальный миссіонеръ И. Г. Айвазовъ, смотритель духовнаго училища А. А. Снегиревъ, преподаватели семинаріи, градскіе благочинные, градское духовенство и другія лица.

Открытіе собранія началъ Высокопреосвященный предсѣдатель Отдѣла, Архіепископъ Арсеній, обратившись къ собравшимся съ рѣчью ¹⁾).

Послѣ этой рѣчи Высокопреосвященный Арсеній, облачившись въ мантію, въ сослуженіи Архимандритовъ о.о. Іосифа и Афанасія и протодіакона Вербяцкаго, совершилъ краткую литію объ упокоеніи Великаго Князя Сергія Александровича, съ провозглашеніемъ ему вѣчной памяти.

По окончаніи литіи занавѣсь, отдѣляющая иконостасъ отъ остальной части храма, была опущена и всѣ собравшіяся лица заняли приготовленныя для нихъ мѣста.

Послѣ этого протоіерей Харьковской Рождество-Богородичной церкви о. Василій Добровольскій, принявъ у Архипастыря благословеніе, предложилъ вниманію собравшихся рѣчь о дѣятельности Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества и о заслугахъ почившаго Великаго Князя Сергія Александровича, какъ основателя общества и перваго его предсѣдателя. Въ виду особаго интереса, какой представляетъ эта рѣчь,—приводимъ подлинный текстъ ея:

„Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, Ваши Преосходительства, милостивыя государыни и государь, отцы и братія!

¹⁾ Эта рѣчь Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія была напечатана въ № 7 ж. „Вѣра и Разумъ“.

Дѣятельность Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества тѣсно связывается съ именемъ въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Сергія Александровича, какъ его основателя и—затѣмъ—предсѣдателя въ теченіи 22¹/₂ лѣтъ. Возникшее 8-го мая 1882 года и съ тѣхъ поръ состоящее подъ Его руководствомъ, оно, какъ извѣстно, поставило себѣ три высочайшія задачи: во первыхъ облегченіе православнымъ паломникамъ пути во Святую Землю и улучшеніе ихъ быта въ ней; во вторыхъ, распространеніе научныхъ и популярныхъ свѣдѣній объ Іерусалимѣ и Св. Землѣ; въ 3-хъ, поддержаніе Православія среди мѣстныхъ жителей Палестины.

При мысли объ этихъ задачахъ у насъ невольно возникаетъ вопросъ: въ чемъ состоятъ основаніе ихъ выполненія? Какія нужны условія, чтобы дѣятельность Общества всегда была успѣшна и плодотворна? Разрѣшеніе этого вопроса позвольте предложить Вашему вниманію.

Само собою понятно, что однимъ изъ существенныхъ условій для успѣха въ дѣятельности Общества служатъ матеріальныя средства. Онѣ нужны во всякомъ общественномъ дѣлѣ, будетъ ли оно религіозно-просвѣтительное или благотворительное. Будутъ матеріальныя средства—будетъ и успѣхъ въ общественномъ дѣлѣ; не будетъ средствъ,—и самое дѣло неизбежно должно пасть, заглохнуть.

Но есть еще другое самое существенное, самое необходимое условіе успѣха въ каждомъ общественномъ предпріятіи: это условіе есть вѣра людей въ святость извѣстнаго общаго дѣла и искренняя любовь къ нему. Вѣра и любовь—это двѣ великія нравственныя силы, изъ которыхъ выходятъ все великое, все доброе и полезное въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ человѣческихъ. Вѣра и любовь самымъ рѣшительнымъ образомъ обезпечиваютъ успѣхъ всякаго общественнаго дѣла, ибо они составляютъ для него нравственныя основы въ душѣ людей, они оживляютъ его, возбуждаютъ усердіе, укрѣпляютъ силы къ совершенію всего нужнаго и полезнаго для его преуспѣнія и нерѣдко располагаютъ къ изумительнымъ подвигамъ для него. Безъ вѣры же и любви каждое общественное дѣло, даже при обильныхъ средствахъ, становится мертвымъ, мало по малу глохнетъ или дѣлается бесполезнымъ. Безъ вѣры и любви общественное дѣло теряетъ значеніе добра, оно тогда—пустая, звенящая мѣдь,—не болѣе; иногда бываетъ оно громко, красиво по внѣшности, но пусто, бесполезно, бесплодно по содержанію.

Случается, напр., что иное общественное учрежденіе обладаетъ

богатыми матеріальными средствами. Но у его дѣятелей и членовъ недостаетъ вѣры и любви къ нему. И вотъ, съ теченіемъ времени, оно становится малополезнымъ; а иногда обнаруживается, что вмѣсто пользы оно приноситъ даже вредъ, что средствами его пользуются туеядцы и лихоимцы, что, поэтому, его необходимо закрыть или видоизмѣнить. Бываетъ и наоборотъ. Иногда общественное дѣло начинается съ малыми средствами, среди общаго несочувствія, подъ гнетомъ насмѣшекъ и недобрыхъ предсказаній. Но стоящіе во главѣ его люди одушевлены непоколебимою вѣрою и горячею любовію къ нему. И вотъ, при помощи Божіей, дѣло, сверхъ ожиданія, имѣетъ успѣхъ; изъ малыхъ средствъ мало по малу образуются достаточные капиталы, дающіе возможность поставить его на должную высоту.

Причины, почему такъ бываетъ въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ человѣческихъ, указать не трудно.

Гдѣ въ какомъ либо общественномъ учрежденіи недостаетъ надлежащей вѣры и любви, тамъ легко возникаютъ не нравственные чувства и расположенія—эгоизмъ, славолубіе, своекорыстіе, даже нечестность, обманъ и т. д. А это неизбѣжно ведетъ къ упадку самаго дѣла, даже при обильныхъ матеріальныхъ средствахъ даннаго учрежденія.

Напротивъ, гдѣ общественное дѣло ведется съ искреннею вѣрою и любовію, тамъ нѣтъ мѣста никакимъ своекорыстнымъ расчетамъ, тамъ дѣйствуютъ одни нравственные силы, преслѣдуются одни добрыя, благодѣтельные задачи, тамъ дѣятели заботятся о немъ, не какъ о чужомъ, а какъ о своемъ близкомъ и родномъ дѣлѣ. Вѣра и любовь укрѣпляетъ въ нихъ энергію и самоотверженіе, развиваетъ умѣнье, настойчивость, прозорливость, такъ что они имѣютъ такой успѣхъ, какого никакъ нельзя ожидать по человѣческимъ соображеніямъ. Гдѣ дѣло ведется съ вѣрою и любовію, тамъ и въ другихъ людяхъ возбуждается довѣріе и уваженіе къ нему и черезъ то привлекается къ нему большое число благотворителей. Наконецъ, гдѣ дѣло ведется съ вѣрою и любовію, тамъ каждая лепта употребляется именно такъ, какъ только и можно ее употребить съ пользою. Такъ велико значеніе нравственныхъ силъ въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ человѣческихъ. Такъ могущественна сила вѣры и любви.

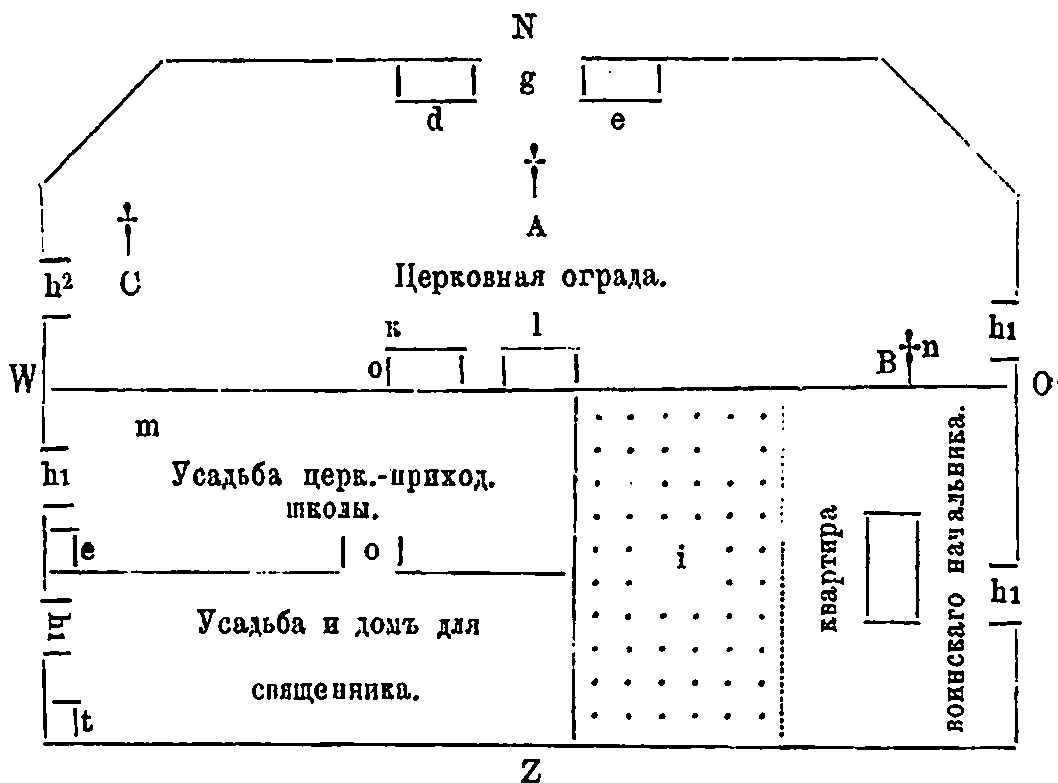
(Окончаніе слѣдуетъ).

Еще о похищеніи иконы Ахтырской Божіей Матери изъ Соборнаго храма г. Ахтырки, Харьковской губ.

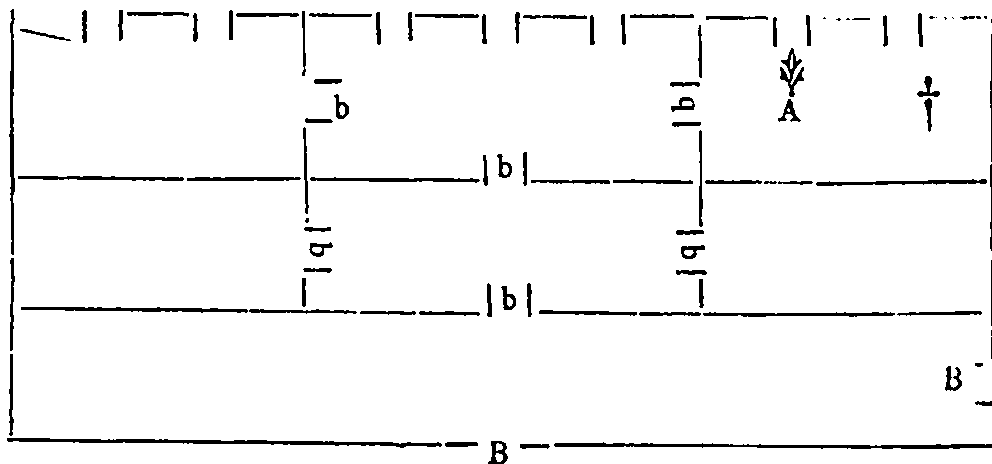
Въ дополненіе къ сообщенному въ № 7 „Извѣстій по Харьковской епархіи“ о свитотатственной кражѣ изъ Ахтырскаго собора,

приводимъ слѣдующую корреспонденцію г. Твердохлѣбова, напечатанную въ № 8416 „Южнаго Края“.

Относительно мѣста преступнаго дѣянiя, говоритъ г. Твердохлѣбовъ, для наглядности, прилагаю два схематическихъ плана—одинъ съ усадьбы, на коей помѣщаются церковная ограда и трѣ, принадлежащiе собору, двора, другой—дома, въ коемъ вкона была найдена рабочимъ Яковомъ Миронцовымъ.

Буквы означаютъ А—зданiе собора, В—графская церковь, С—колокольня съ церковью, с—сторожнiя, д—вконная лавочка, с—ц.-пр. школы, t—новостройщiйся домъ, g—главныя ворота, h₁—ворота, h₂—калитка, i—садикъ, к—квартиры страннопрiимныхъ, l—сарайчикъ, m—отхожее мѣсто, п—колодезь, о—калитка изъ оградъ во дворъ школы и изъ послѣдняго, во дворъ новой постройки.

А—комната новостроящагося дома; въ ней означены: крестикомъ—мѣсто, гдѣ найдена св. икона, стрѣлочкой путь похитителя черезъ окно, на нижней луткѣ котораго осталось кровяное пятно съ небольшую пуговку; В—мѣсто наружныхъ дверей, в—двери, ведущія изъ коридора въ комнаты и комнатныя.

Изъ газетнаго и нашего сообщенія уже пзвѣстно, что святотатцы оставили свои слѣды во всѣхъ трехъ алтаряхъ собора и въ церкви—на иконѣ у солеп сѣвернаго алтаря, что ими разломанъ свѣчной ищевъ у выходныхъ изъ церкви дверей; если допустить, что рвзу съ иконы они сняли въ сѣверной угловой комнатѣ новостроящагося дома, то путь ихъ сюда могъ имѣть два направленія: или черезъ внутреннія калитки (о), или черезъ заборъ, близъ Графской церкви, въ садъ квартиры воинскаго начальника; послѣдній путь велъ черезъ костеръ дровъ, в противъ него, за оградой въ саду, остался знакъ ступни въ калошѣ, т. е. какъ будто кто-нибудь тутъ спрыгнулъ съ забора задомъ впередъ.

Значащаяся на чертежѣ площадь, включающая въ себѣ церковную ограду и трп усадьбы, занимаетъ, приблизительно около 1¹/₄ дес. Разстояніе въ церковной оградѣ до соборной церкви отъ сторожки у главныхъ воротъ (д) выше 13 с., отъ калитки во дворъ школы 17 саж., отъ этой калитки до ведущей къ новому зданію 18 с., всего же отъ церкви до комнаты А. около 50 с.; между соборомъ и графской церковью дистанція—7 саж. Первый путь былъ рискованнѣе послѣдняго, кромѣ соборныхъ четырехъ сторожей и 2 военныхъ, ихъ могъ увидѣть кто-либо изъ живущихъ въ школѣ, жильцы страннопріимныхъ келлій, рабочіе; кромѣ того, на улицѣ ходитъ ночная пожарная стража. Садомъ и на площадь черезъ рѣшетчатый заборъ выходъ, пожалуй, могъ быть безопаснѣй.

Относительно удобства времени, ночь съ 31 марта на 1 апрѣля нельзя сказать, чтобы была для похитителей удобна. Съ вечера мѣсяць долго не заходилъ, хотя и прятался въ тучахъ, между 1—2 час. по-полуночи случился въ 5 сотнѣ города пожаръ; оставалось передразсвѣтное время между моментомъ прекращенія суматохи, вызванной пожаромъ, в началомъ 5 час. утра, когда уже становится свѣтло. Воры, конечно, могли ускользнуть и въ эту ночь; только тотъ, что оставался, какъ предполагаютъ, въ церкви,—если только онъ тамъ оставался,—сомнительно, чтобы могъ воспользоваться *совершенною темнотою около половины 6 час. утра*, ибо утро 1-го апрѣля нарочито въ эту пору не было темно... Въ свѣту быть незамѣченнымъ трудно, толпа молящихся тоже не:

могла ему благопріятствовать. Съ пожара публики въ церковную ограду ночью въ Ахтыркѣ нѣтъ обычая кого либо пускать и въ эту ночь тоже никто не былъ впущенъ. Въ церковь же въ это утро первыми вошли помощникъ церковнаго старосты А. Я. Ополонниковъ: п сторожъ, потомъ были—до большого сбора народа—кромѣ этихъ лицъ, діаконъ изъ слоб. Боромла Іоаннъ Приходивъ, Е. А. Рѣзникова, свящ. ахтырской Преображенской церкви о. Дмитрій Владыковъ п кухарка купца М. В. Курина, Александра.

Изъ «исторіи явленной Ахтырской иконы Божіей Матери в соборнаго Покровскаго храма», изд. въ 1903 г. явствуетъ, что риза эта отчеканена не въ Харьковѣ, а въ Москвѣ фирмой Д. И. Орлова, а узрашена московскимъ же ювелиромъ Чечелинымъ, черезъ посредство купцовъ г. Харькова, Н. Д. Штунцова и Д. Т. Губенко.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Заботы духовенства о дѣтяхъ.

Въ приложеніи къ „Ставропольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“ за 1904 годъ напечатаны журналы епархіальнаго съѣзда депутатовъ духовенства Ставропольской епархіи. Какъ видно изъ этихъ журналовъ, Ставропольскій епархіальный съѣздъ продолжался почти мѣсяць—отъ 2-го по 25 ноября, и рассмотрѣлъ около 100 докладовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ представлять интересъ для духовенства в другихъ епархіяхъ. Сюда относятся журналы:

1. По вопросу о физическомъ воспитаніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи.—Этотъ вопросъ депутатами обсуждался по просьбѣ начальницы Екатеринодарскаго епархіальнаго училища, приславшей съѣзду телеграмму: „прошу введенія гимнастики. Докторъ находитъ необходимымъ въ виду большого количества малокровныхъ и слабыхъ ученицъ“. Эта телеграмма побудила о.о. депутатовъ остановиться на вопросѣ о физическомъ воспитаніи въ отношеніи не къ Екатеринодарскому только епархіальному училищу, а вообще ко всемъ духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи, такъ какъ жалобы на угрожающе возрастающее увеличеніе физическихъ уродствъ и болѣзней въ настоящее время доносятся ото-

всюду и все настойчивѣе напрашиваются на вниманіе родителей. Послѣ всесторонняго обсужденія поставленнаго вопроса депутаты единогласно постановили: „убѣдительноѣе просить педагогическіе совѣты всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній епархій разработать съ помощью специалистовъ, самымъ обстоятельнымъ образомъ, проекты программъ физическаго воспитанія вѣранныхъ пхъ по печенію учащихся и въ возможно скорѣйшемъ времени ввести ихъ, съ разрѣшенія подлежащихъ властей, въ дѣйствіе. Необходимую для осуществленія дѣла матеріальную помощь духовенство окажетъ не только охотно, но и съ великою радостію“.

II. О пенсіи служащимъ въ епархіальныхъ училищахъ лицамъ. — Въ проектѣ устава о пенсіяхъ названнымъ лицамъ приложенномъ къ этому журвалу, размѣры пенсій назначены слѣдующіе: начальникамъ училищъ—по 400 р., воспитательницамъ—по 180 р., помощницамъ воспитательницъ—по 120 р., преподавателямъ съ высшимъ образованіемъ—по 650 р., учителямъ и учительницамъ главныхъ предметовъ съ среднимъ образованіемъ—по 400 р. Резолюція мѣстнаго Преосвященнаго: „О семъ представить Святейшему Синоду“.

О подворьѣ для духовенства.

Члены сельскихъ причтовъ часто жалуются на крайнія затрудненія и неудобства, которыя испытываютъ они, когда пріѣзжаютъ, по обязанностямъ службы или семейнымъ и личнымъ надобностямъ, въ губернскіе и уѣздные города и бывають вынуждены жить здѣсь нѣкоторое время. Скитанія по дешевымъ трактирамъ и постояннымъ дворамъ въ поевкахъ пріюта на ночь, крайнія неудобства жизни въ подыскиваемыхъ помѣщеніяхъ, но сосѣдству иногда съ разгульными компаніями—по опыту извѣстны значительной части сельскаго духовенства... Между тѣмъ помочь духовенству не трудно. Свящ. Томской епархій, Григ. Дагаевъ, имѣя въ виду Томскъ, указываетъ въ епарх. журналѣ на возможность устроить подворье для сельскаго духовенства епархій въ одномъ изъ домовъ Алексѣевскаго монастыря. Редакція „Томск. Еп. Вѣд.“ также находитъ открытіе при монастырѣ страннопріимнаго дома для пріѣзжаго духовенства весьма желательнымъ; монастырю это не будетъ убыточно, потому что духовенство будетъ платить за помѣщеніе.

Устройство такихъ подворій желательно было бы и въ другихъ епархіяхъ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Суевѣрное употребленіе въ быту Малороссійскихъ просфоръ и вина, обыкновенно благословляемыхъ на всенощныхъ бѣднѣяхъ вообще, въ частности—въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы.

Поступивъ священникомъ въ приходъ съ малороссійскимъ населеніемъ, я въ праздникъ—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, услышалъ, между прочимъ, слѣдующую просьбу ко мнѣ нѣкоторыхъ прихожанъ: „батюшка, говорили прихожане, дайте намъ всенощныхъ просфоръ съ виномъ, мы вамъ будемъ за это очень благодарны“.—«Для какой надобности онѣ вамъ нужны?» спросилъ я прихожанъ. Прихожане сначала замаялись, а потомъ повѣдали мнѣ слѣдующее. „Мы беремъ эти просфоры вотъ на какия надобности. Если, напримѣръ, жена трудно рождаетъ, то мы ей даемъ часть этихъ просфоръ, чтобы роды ея ускорились; также, если и „скотина“, напримѣръ, корова трудно рождаетъ, то мы и ей даемъ этихъ просфоръ для той-же цѣли, т. е. для облегченія родовъ. Далѣе, части этихъ просфоръ мы полагаемъ и въ землю на поляхъ, и въ конны, и въ стога съ хлѣбомъ, и въ пчелиные ульи—для того, чтобы ни мыши, ни сарапча, ни жучка, ни червь не истребляли нашего хлѣба и меда“.

Выслушавъ все это, я спросилъ стариковъ прихожанъ: „кто научилъ васъ такимъ примѣтамъ?“ „Не мы это выдумали, отвѣтили пасомые, эти обычаи ведутъ свое начало съ „предковъ“. Ну, подумалъ я, ужъ если старики сослались на „старину“, то обязательно въ основѣ сихъ обычаевъ должно быть своеобразное толкованіе какого-либо „церковнаго стиха“ или замѣчанія относительно обсуждаемыхъ просфоръ и вина. И дѣйствительно это мое предположеніе оказалось весьма вѣроятнымъ... Дѣло въ томъ, что церковный типиконъ во второй своей главѣ о просфорахъ всенощныхъ говоритъ слѣдующее: „Благословенные же имутъ хлѣбы дарованія различны. Рѣкше, уставляютъ огневицу, пьющимъ съ водою, и трясовицу отгоняютъ, и всякъ недугъ, и всяку болѣзнь исцѣлеваютъ: къ симъ-же и мыши отъ жита отгонятъ, и ина пакостящая прогонятъ“. Последнее выраженіе типикона—именно о „мышахъ“ и о „иныхъ пакостящихъ“, по

моему мнѣнію, и дало поводъ простому уму какъ лечить коровъ, такъ и прогонять мышей отъ хлѣба посредствомъ благословенныхъ просфоръ. Если благословенный хлѣбъ, разсуждаетъ крестьянинъ, отгоняетъ отъ больного «трясовицу» только въ случаѣ вкушенія хлѣба сего больнымъ, то значить, для того, чтобы сей хлѣбъ отогнать, напримѣръ, и мышей отъ жита—для этого и въ жито нужно положить часть сего хлѣба. Такое заключеніе могъ вывести простой умъ изъ вышеприведеннаго замѣчанія типикона...

Но такъ понимать обсуждаемую замѣтку типикона о просфорахъ, конечно, никакъ нельзя; ибо въ церковномъ служебникѣ о благословенныхъ просфорахъ и винѣ прямо сказано: (во-первыхъ) *„О, іерее! на разданіе дары, раздробивъ, раздавай, или въ дому честно на трапезѣ прежде общихъ брашенъ чуждъ; вино-же испити съ благоговѣніемъ, обаче якоже благословенная“*. И выше въ томъ же служебникѣ сказано: *„въдомо-же буди, яко благословенный хлѣбъ есть помогаемый отъ всякихъ золъ, аще съ строю пріемлется“*. Изъ этихъ словъ служебника слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что благословенныя просфоры и вино должны быть потребляемы *людьми* и притомъ съ великимъ благоговѣніемъ и во-вторыхъ то, что сіи освященные вещества помогаютъ людямъ отъ всякихъ золъ (въ томъ числѣ, понятно, и отъ нашествія „мышей“) только въ томъ случаѣ, если сіи вещества вкушаются—потребляются именно людьми и притомъ съ вѣрой въ помощь Божию. Значить, ни подъ какимъ предлогомъ нельзя давать животнымъ ни благословенной просфоры, ни вина.

Но почему простой народъ придаетъ особенно большое значеніе именно благовѣщенской всещной просфорѣ? Потому, говорить простой умъ, что эти просфоры избавляютъ какъ женщинъ, такъ и „скотину“—напримѣръ коровъ, отъ трудныхъ родовъ; а избавляютъ онѣ—именно отъ этой болѣзни потому, разсуждаютъ „грамотѣи“, что эти просфоры освящаются въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы—въ тотъ день, въ который Дѣва Марія безболѣзненно зачала Господа Іисуса Христа...

Конечно, на обязанности пастырей Церкви лежитъ объясненіе прихожанамъ истиннаго значенія благословенія на всещныхъ бдѣвійхъ хлѣба и вина и предупрежденіе насомыхъ отъ суевѣрнаго употребленія этихъ благословенныхъ даровъ.

Священникъ Андрей Сагарда-Николенко.

Что можетъ сдѣлать одна копѣйка?

Одна копѣйка въ мѣсяцъ съ души—это такая жертва, которая доступна всякому гражданину. Послѣдній поденщикъ, даже нищій,

и тотъ можетъ сдѣлать сбереженіе или приобрѣтеніе одной копѣйки въ мѣсяць. Если же окажутся такіе бѣдняки, что не въ состояніи будутъ внести в этой лѣтѣ, то, конечно, найдутся и болѣе состоятельные люди, которые пополняютъ эти недостающія копѣйки собственнымъ взносомъ. Одинъ рубль, въ бюджетѣ человѣка средняго достатка, не имѣющій сколько нибудь существеннаго значенія, можетъ покрыть взносъ сотни душъ. При такой своей необременительности и общедоступности жертва въ одну копѣйку съ души, распредѣляясь равномерно на все населеніе, еще явится нравственною объединяющею силою, проводя въ сознаніе всего населенія, самой непросвѣщенной части его, чувство гражданскаго долга и сознаніе себя членомъ великаго цѣлаго, принимающимъ дѣятельное участіе въ жизни этого цѣлаго. А что въ результатѣ? При полутораэта миллионномъ населеніи Россіи, это составитъ 1,500,000 руб. въ мѣсяць или 18,000,000 руб. въ годъ,—сумма, которая съ избыткомъ покроетъ издержки по содержанію и леченію раненыхъ в больныяхъ войновъ и даже по призрѣнію сиротъ убитыхъ героевъ нашихъ.

Для губерніи съ двухмилліоннымъ населеніемъ копѣечная жертва составитъ 20,000 руб. въ мѣсяць. На эту сумму можно призрѣть, считая расходъ по принятому за норму исчисленію Главнаго Интендантскаго Управленія, до 1,300 нижнихъ чиновъ или до 650 офицеровъ въ теченіе мѣсяца со всѣми удобствами жизни, ухода и медицинскаго пріемотра.

Наши пастыри окажутся на высотѣ своего призванія, если, слѣдуя призову Высочайшаго Манифеста объ усиленіи участія своего въ общественной жизни паствы, проведутъ въ сознаніе послѣдней эту новую и чрезвычайно плодотворную мысль, какъ слышно, уже осуществляемую нашими предприимчивыми вратами—японцами.

Организация этого сбора не нуждается въ особой регламентаціи; она можетъ быть осуществлена сообразно удобству мѣстныхъ условій по инициативѣ и руководству пастырей, при содѣйствіи лучшихъ прихожанъ.

(О. Е. Вѣд.).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я.

ОТЪ ЗМІЕВСКАГО УЪЗДНАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

Требуется кандидатъ на учительское мѣсто, могущій организовать хоръ, съ окладомъ жалованья въ 300 рублей при квартирѣ и столѣ. Обращаться въ г. Чугуевъ, къ священнику о. Теодору Юшкову.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ повѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.